В.А. Гайдашова, А.Н. Жеравина, П.Ф. Никулин, С.И. Толстов, О.В. Усольцева

ИНТЕГРАЦИЯ ПРИПИСНОЙ ДЕРЕВНИ И ГОРНО-ЗАВОДСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА КАБИНЕТСКИХ ЗЕМЛЯХ В СИБИРИ

УДК 94(571.1/.5) ББК 63.3(2)46/47 Г12

> Рецензенты: д-р ист. наук С.Ф. Фоминых д-р ист. наук Э.И. Черняк

Гайдашова В.А., Жеравина А.Н., Никулин П.Ф., Толстов С.И., Усольпева О.В.

Г12 Интеграция приписной деревни и горно-заводского производства на кабинетских землях в Сибири / Под ред. В.П. Зиновьева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 200 с.

ISBN 5-7511-2083-8

Основное внимание авторского коллектива сосредоточено на решении проблем владельческой принадлежности Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов в составе кабинетского хозяйства, каналов поступления и расходования доходов от сереброплавильных заводов Алтая и Восточного Забайкалья. Исследованы методы Кабинета, с помощью которых обеспечивалась интеграция приписной деревни и горнозаводского производства.

Наибольшую значимость имеет решение вопроса, в каком направлении развивалось крестьянское хозяйство в дореформенной и послереформенной кабинетской деревне. На основе применения новейших методов многомерного статистического анализа материалов окладных книг 20–50-х гг. XIX в. и сельскохозяйственной переписи 1916 г. предпринята попытка ответа на вопрос, встало ли крестьянское хозяйство на капиталистический путь развития.

Для историков и всех интересующихся историей России.

УДК 94(571.1/.5) ББК 63.3(2)46/47

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 03-01-00878а

ISBN 5-7511-2083-8

© В.А. Гайданова, А.Н. Жеравина, П.Ф. Никулин, С.И. Толстов, О.В. Усольцева, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение
Глава 1. Юридическое оформление императорской собственности на каби-
нетское хозяйство в Сибири на основе помещичьего права
Изъятие заводов А. Демидова по указам от 1 и 12 мая 1747 г. и
перевод Нерчинских заводов под управление Кабинета в 1787 г.
Законодательство первой половины XIX в. о владельческой
принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири
принадлежности каонистекого хозянства в споири
Глава 2. Поступления из кабинетского хозяйства в Сибири в «комнату
Е.И.В.» и пути реализации их русскими императорами
Как создавались и расходовались «личные сбережения» русских
императоров.
Источники пополнения государственного бюджета России
«Золотое время» государственного бюджета России во второй
половине XVIII в.
Глава 3. Насильственная интеграция приписной деревни и горно-заводского
производства
Расселение пришлых в районе Колывано-Воскресенских заводов
Отношение горного начальства к крестьянским переселениям
Принуждение крестьян к выполнению заводских работ
Эксплуатация детского труда в кабинетском хозяйстве
Порядок изъятия из приписной деревни рекрутов для пополнения
мастеровых
Травматизм крестьян и мастеровых во время выполнения
заводских работ
Глава 4. О характере взаимодействия алтайских приписных крестьян и вла-
сти в первой половине XIX в
Организация выполнения заводских работ
Организация закупок провианта по выгодным для заводов ценам
Выработка приемлемых для власти условий переселения
крестьян
Глава 5. Крестьянское хозяйство алтайской приписной деревни в 20-50-е гг
ХІХ в.
Определение характера и направленности развития крестьянского
хозяйства алтайской приписной деревни в 20-50-е гг. XIX в. в
условиях мобилизации на обслуживание горно-металлургического
производства (эмпирически-интуитивные подходы)
Хозяйственная типология алтайской приписной деревни в 20–50-е гг
XIX B.

Районирование кабинетских земель Западной Сибири методами	102
многомерной статистики	102
Факторы районирования и его динамических изменений в экономи- ке алтайской приписной деревни 20–50-х гг. XIX в	106
Эволюция внутреннего строя крестьянского хозяйства алтайской	
приписной деревни в 20-50-е гг. XIX в. (опыт применения многомер-	
ной статистики в исследовании материалов окладных книг)	114
Группировка крестьянских хозяйств	114
Производственно-структурные изменения в развитии	
крестьянского хозяйства и их социальный характер	119
Развитие алтайской приписной деревни 20–50-х гг. XIX в. в	,
рамках традиционного крестьянского общества	124
Глава 6. Неземледельческие занятия приписных крестьян Колывано-	
Воскресенского (Алтайского) горного округа в первой половине XIX в	130
Традиционные неземледельческие занятия крестьян в условиях	150
приписки	130
Инновации в хозяйственной деятельности алтайских приписных	150
крестьян в первой половине XIX в.	141
крестьян в первои половине АТА в.	141
Глава 7. Внутренний строй хозяйства кабинетской деревни Западной Сибири	
в конце XIX – начале XX в.	157
Современное состояние проблемы развития крестьянского	
хозяйства на кабинетских землях в конце XIX – начале XX в	157
Социально-экономическая природа аренды в кабинетской	
деревне начала XX в.	161
Роль наёмного труда в крестьянском хозяйстве кабинетской	
деревни в начале XX в.	168
Товарно-денежная система хозяйствования в кабинетской	
деревне конца XIX – начала XX в.	180
Заключение	193

Уже на склоне лет в 1958 г. академик С.Д. Сказкин в своём дневнике сделал примечательную запись: «Мне кажется, что ближайшей целью должна быть моя книга о крестьянстве, о тех массах никому неизвестных тружеников, которые из поколения в поколение создавали материальные ценности — основу всей человеческой культуры и её движения вперед. ...у меня... всегда было к ним и к их труду чувство глубочайшего уважения и всегда немного скептическое отношение ко всем видам работ, кроме мужицкой, самой тяжелой и самой неблагодарной».

Сказкин С.Д.
Из истории социально-политической и духовной жизни в Европе в средние века:
Материалы научного наследия. М., 1981. С. 216

Введение

В России было много земли, больше чем достаточно на всех при малой плотности населения. А на неограниченный ресурс собственности в западном понимании с принципом незыблемого владения землей и передачей её по наследству в России не было.

Общеизвестно, что базовой для развития западного общества является концепция частной собственности, на которой основаны его законы, обычаи, мораль. На Западе даже у крестьянина нельзя было отнять землю. Владение ею упорядочено законом: «Эта земля — моя». В России все аспекты социальной жизни, вся логика развития общества определялись именно отсутствием концепции частной собственности. Вследствие этого российское общество настолько разительно отличается в своем развитии от западного, что есть основание говорить о существовании уникальной российской цивилизации. Поэтому «законы, которые существуют в России, должны быть изучены сами по себе, а не как странная... версия западных законов» 1.

Частная собственность – это то, что человек унаследовал или честно заработал, что принадлежит ему и защищено законом, это не то, что он временно, по какому-то неформальному соглашению контролирует, и не то, что он украл. Частная собственность является основой жизни человека, гарантом его прав, возможностью создать для себя будущее².

В России длительное время в условиях отсутствия частной собственности на землю большой удельный вес занимал государственный сектор. Благодаря этому носитель верховной власти имел возможность раздачи земли на условиях выполнения определенных обязанностей со

стороны того, кому эта земля давалась. На протяжении веков в России шел процесс расширения государственного сектора. Особенно заметен был его рост на восточной окраине – в Сибири.

В Сибири с её земельными просторами при отсутствии помещичьего землевладения отношения феодального собственника и зависимого
от него крестьянина-держателя приобрели специфическую форму. Вся
земля к востоку от Урала являлась собственностью государства, за
пользование ею непосредственный производитель должен был платить
феодальную ренту. Вследствие господства вольно-захватного землепользования в Сибири правительство стремилось добиться обязательного обеспечения крестьян тяглом и не препятствовало передаче его полностью или частично другому лицу. По единодушному признанию ученых, крестьянин в условиях сибирской окраины с её огромными фондами земель и трудностью контроля со стороны администрации обладал
относительной самостоятельностью³.

Под влиянием социально-экономического развития Сибири менялись формы феодальной эксплуатации, однако сущность взаимоотношений государства, выступавшего здесь в качестве феодала, и крестьянина, пользовавшегося землей, оставалась прежней.

На конкретном сибирском материале исследователями установлено, кроме государственной, наличие и частновладельческой феодальной собственности на землю, возникшей как церковная и монастырская и просуществовавшей до секуляризации монастырских земель в 60-е гг. XVIII в. ^{4} С 80-х гг. этого столетия носителем частнособственнических отношений в Сибири, по мнению Г.Ф. Быкони, являлась военная и гражданская местная бюрократия, получившая «более реальное монопольное право владения людьми» ^{5} .

В середине XVIII в. в России произошло событие, приведшее к возникновению уникального явления в её истории. В 1747 г. с изъятием заводов А. Демидова на Алтае началось создание кабинетского хозяйства в Сибири. Через 40 лет, в 1787 г., в его состав были включены бывшие казённые первые в России сереброплавильные заводы в Восточном Забайкалье. Это привело к оформлению единого хозяйственного комплекса. Его составные части (Колывано-Воскресенские заводы на Алтае и Нерчинские в Восточном Забайкалье) находились в удалении друг от друга на тысячи вёрст.

На этом общем фоне сибирской истории важность приобретает решение вопроса о природе крупного землевладения, возникшего с появлением на восточной окраине России кабинетского хозяйства.

М.А. Барг обращал особое внимание на то, как сложно определять характер собственности. Он отмечал, что «самое трудное в ремесле историка заключается именно в необходимости каждый раз определять, в какой форме общесоциологическая категория проявляется (материализуется) в данную эпоху и более того – в данной стране⁶. Правомерным при этом представляется добавление – «в данном регионе», ибо могут разниться временные и пространственные рамки исследования категории «феодальная собственность», но метод исследования в любом случае останется один и тот же. Он предполагает в качестве исходного изучение конкретно-исторического материала, которое в обязательном порядке должно предшествовать теоретическим выводам⁷.

Возникновение кабинетского хозяйства в Сибири вызвало заметные изменения в судьбе части сибирского крестьянства. Как и в других регионах страны (Тульско-Каширском, на Урале, в Карелии), развитие промышленности в Восточном Забайкалье и на Алтае сопровождалось припиской крестьян к заводам. Без их участия в тех условиях немыслимо было обеспечение заводов топливом и сырьём, мастеровых и служащих заводов и рудников – провиантом, казённых лошадей – фуражом.

Изучение истории кабинетского хозяйства предполагает в первую очередь ответ на вопрос, кто стал его собственником? Важное значение имеет и выяснение того, в каком положении по своему социальному статусу находились приписные крестьяне.

Общеизвестным является признание зависимости уровня эксплуатации крестьян от характера феодальной собственности на землю.

С 60-х гг. XVIII в. крестьяне оказались переведенными на уплату денежного оброка. Жившие на земле, принадлежавшей государству, они были составной, притом большей частью сословия государственных крестьян. Их взаимоотношения с государством были положены в основу концепции государственного феодализма.

При определении владельца кабинетского хозяйства в Сибири именно эта концепция была взята за основу исследователями новосибирской школы.

Исходным пунктом при определении владельца кабинетского хозяйства в Сибири считается многократно повторенная «опорная идея» академика Н.М. Дружинина, в свое время высказавшего предположение «об интенсивном социально-экономическом развитии сибирской деревни, менее скованной крепостническими традициями»⁸.

Но вряд ли Н.М. Дружинин претендовал на то, чтобы важное принципиальное значение приобрело высказанное им предположение. Он был глубоко уверен: «Сибирь... требует специального исследования на

основе местных исторических источников»⁹. Заметим попутно, что между высказанным предположением Н.М. Дружинина в его работе «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева» (1946) и вышеприведенным суждением пролегла временная дистанция протяженностью в 32 года.

Второй исходный момент сторонников новосибирской школы базируется на отсутствии юридического статуса кабинетского хозяйства в Сибири, на том, что с самого начала его возникновения не была четко определена его владельческая принадлежность. Именно на этом основании с опорой на концепцию государственного феодализма в Сибири базируется заключение о близости приписных крестьян в составе кабинетского хозяйства к государственным.

В 80-е гг. XX в. признавал юридически близкими по положению к казенным (государственным) крестьянам приписных крестьян В.В. Пундани. Он писал, что приписные крестьяне вместо платежа подати государству исполняли различные заводские работы¹⁰. В докторской диссертации по истории государственной деревни Урала и Западной Сибири второй половины XVIII — первой половины XIX в., защищенной в 1991 г., В.В. Пундани без всяких оговорок включил в территориальные рамки своего исследования приписную деревню Алтая.

В 70-е гг. XX в. М.М. Громыко исследовала некоторые особенности приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII в. А в представлении В.В. Пундани поставлен знак равенства между приписной и государственной деревнями Западной Сибири. Причем сделано это без специального исследования деревни кабинетского хозяйства «на основе местных исторических источников», о чем писал Н.М. Дружинин.

В.В. Пундани ограничился лишь включением территории кабинетского хозяйства в Западной Сибири в состав пределов государственной деревни в данном регионе. Он обошелся без использования материалов фондов Кабинета, канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, судных и земских изб, волостных правлений¹¹.

В современной историографии продолжают сохраняться расхождения по одному из самых главных вопросов истории кабинетского хозяйства. Без специального изучения обстоятельств, при которых оно сформировалось, исследователи считают его государственной, кабинетской, личной императорской собственностью, собственностью императорского двора, фамилии¹².

Между тем сохранение разногласий в определении собственника кабинетского хозяйства делает невозможными не только занятие по ре-

конструкции его исторического прошлого, но и решение важнейших проблем общероссийской истории ^{13} .

В последние годы в сибиреведении начинают высказываться соображения относительно того, что с возникновением кабинетского хозяйства на Алтае появились благоприятные условия для решения проблемы пополнения государственной казны за счет золота и серебра с Колывано-Воскресенских заводов¹⁴.

Все вышесказанное относительно степени изученности истории кабинетского хозяйства в Сибири свидетельствует о незавершенности его исследования по самым кардинальным проблемам. Не может считаться нормальным явлением отечественной историографии сохранение в течение столь длительного времени дискуссии по основным вопросам истории данного хозяйства — его природы и социальной сущности приписных крестьян. Требуется также решение вопроса об источниках пополнения государственного бюджета России во время функционирования кабинетского хозяйства в Сибири в дореформенный период. Важным представляется выяснение, действительно ли с середины XVIII в. благородные металлы с Колывано-Воскресенских заводов стали источником пополнения государственной казны России.

Длительное время оставалось слабоизученным хозяйство приписных крестьян. К проблеме его развития исследователи обращались в основном при подведении общих итогов освоения отдельных районов или всей территории горного округа.

С возникновением дискуссии о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве России применительно к Сибири наметились тенденции признания наличия здесь элементов капиталистических отношений уже в 60-е гг. XVIII в., вступления сельского хозяйства Сибири «на крестьянско-буржуазный путь капиталистического развития», широкого развития фермерского хозяйства.

Причина того, что капитализм в сельском хозяйстве Сибири развивался быстрее, чем в европейской части страны, усматривалась в наличии товарно-денежных отношений с начала ее колонизации, больших пространств неосвоенных земель, в масштабах переселений из Центральной России. Последнее, считалось, вело к увеличению предложения вольнонаемной рабочей силы в сельском хозяйстве, в эволюции докапиталистической ренты¹⁵.

Более четкое отношение к данной проблеме выразил В.И. Макаров, писавший: «...часть приписных крестьян теряла возможность вести земледельческое хозяйство и постепенно превращалась в наемных рабочих». Найм частью приписных крестьян за себя в заводские работы

автор оценивал как показатель появления первых капиталистических отношений в сибирской приписной деревне в третьей четверти XVIII в ^{16}

Обострение социальных противоречий в Сибири в 30–60-х гг. XVIII в. связывал «с формированием капиталистического уклада в недрах господствующей феодальной формации» О.Н. Волков¹⁷.

В решении вопросов о социально-экономическом развитии сибирской приписной деревни важное значение имели материалы международного конгресса историков в Риме¹⁸, симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы¹⁹, дискуссий о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма²⁰, о генезисе капитализма в России²¹. Участниками дискуссий были высказаны несовпадающие точки зрения по вопросу о начальном этапе возникновения и развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве России. Очень важное значение в исследовании данной проблемы придавалось фактам, характеризовавшим имущественное неравенство крестьян России при феодализме. При этом выявилась тенденция рассматривать имущественное неравенство крестьян как показатель процесса их расслоения. В.К. Яцунский, Н.М. Дружинин, С.Д. Сказкин, А.Л. Шапиро считали неправильным усматривать в хозяйственном неравенстве крестьян элемент капиталистического развития²².

Для решения проблемы разложения крестьянского хозяйства и превращения его в капиталистическое необходимо было исследование его по отдельным районам на базе широкого использования данных о самом крестьянском хозяйстве в динамике.

В 60-е гг. XX в. было положено начало изучению крестьянского хозяйства в период складывания приписной деревни Алтая во второй половине XVIII в. как самостоятельной экономической ячейки в кандидатской диссертации А.Н. Жеравиной²³. Вывод автора относительно того, что подавляющая часть крестьян не порывала с земледелием, а не занимавшиеся хлебопашеством крестьяне не превращались в людей, живших за счет продажи своей рабочей силы, базировался на основе анализа источников, в своем большинстве впервые введенных в научный оборот.

Существенное значение имел вывод об отсутствии в районе Колывано-Воскресенских заводов во второй половине XVIII в. условий для превращения приписных крестьян в наемных рабочих. Даже те крестьяне, которые под тяжестью повинностей для нужд горно-заводского производства разорялись окончательно, не превращались в наемных рабочих, а отдавались вне очереди в рекруты. Они становились мастеровыми, принудительно трудившимися на заводах и рудниках.

Уже с середины 60-х гг. XX в. Г.П. Жидков считал, что земледельческое производство в кабинетской деревне по уровню товарности даже обгоняло деревню Европейской России²⁴. Установление принудительного характера поставок алтайскими крестьянами провианта для заводов и рудников делало неправомерным отнесение их к товарному хлебу. Это нашло подтверждение в процессе дальнейшего специального исследования проблемы снабжения провиантом Колывано-Воскресенских заводов²⁵. А еще раньше С.С. Лукичев установил принудительный характер поставок применительно к первой половине XIX в.

В районе Нерчинских заводов приписных крестьян также принуждали к снабжению мастеровых и служащих провиантом, заводских лошадей — фуражом. Форма принуждения была иной, по признанию самих крестьян, более тяжелой, чем выполнение заводских работ в виде обработки заводской пашни. Заводское хлебопашество явилось наиболее грубой формой эксплуатации крестьян в ходе решения Кабинетом сложной проблемы снабжения заводов и рудников провиантом и фуражом без больших затрат²⁶.

Продолжая начинания Г.П. Жидкова в попытках выявления элементов буржуазного уклада в алтайской приписной деревне, Т.С. Мамсик сконцентрировала свои усилия на исследовании материалов окладных книг 20–50-е гг. XIX в. по Кайлинской волости²⁷.

В процессе исследования уровня социально-экономического развития приписной деревни первой половины XIX в. возникла необходимость решения проблемы ее хозяйственной специализации. Историки уже затрагивали ее. Г.П. Жидков, С.С. Лукичев, К.В. Русаков, Т.С. Мамсик доказали факт ее существования, но разошлись в оценке специализации и не определились относительно типов крестьянского хозяйства и их локализации ^{28} .

Исследованием проблемы специализации приписной деревни и типологии крестьянского хозяйства на основе многомерного статистического анализа занимается С.И. Толстов. Автор установил не только наличие в 20–50-е гг. XIX в. в различных волостях горного округа неодинаковых типов крестьянского хозяйства. Главное значение его наблюдений состоит в выявлении неустойчивости типов хозяйства в динамике.

По данным окладных книг 1826 и 1851 гг. С.И. Толстов проследил процесс размывания комплексного крестьянского хозяйства, рост числа хозяйств, специализировавшихся на неземледельческих отраслях.

Установление значительной типологической трансформации крестьянского хозяйства требует ответа на вопрос, трансформировалось ли оно в капиталистическом направлении²⁹.

Факт возникновения и развития специализации, определенный уровень ее Г.П. Жидков и Т.С. Мамсик считали основанием для установления времени формирования капиталистических отношений в экономике приписной деревни. В этой связи С.И. Толстов справедливо подметил: «Исследователи таким образом обнаруживали не просто товарное крестьянское хозяйство, каковым оно может быть и в условиях традиционного крестьянского общества, а его высшее качественное состояние — этап функционирования специализированного крестьянского производства как механизма общественного разделения труда» 30.

Уровень изученности истории кабинетского хозяйства в Сибири, несомненно, требует подведения ее общих итогов.

Авторский коллектив счел необходимым сосредоточить основное внимание на проблемах владельческой принадлежности Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов в составе кабинетского хозяйства, каналов поступления и расходования доходов от сереброплавильных заводов Алтая и Восточного Забайкалья. Для определения социальной сущности приписного крестьянства огромное значение имеет не только решение вопроса, кому с 1747 и 1787 гг. стали принадлежать Колывано-Воскресенские и Нерчинские заводы. Методы, с помощью которых в процессе складывания приписной деревни на Алтае шла интеграция ее и горно-заводского производства, во многом можно считать тесно связанными с принадлежностью кабинетского хозяйства российским императорам.

Специальный раздел монографии посвящен характеру взаимоотношений власти с приписной деревней. Она стремилась сохранить насильственные методы воздействия на крестьян, апробированные в период складывания приписной деревни и в первой половине XIX в.

В монографии исследуется, насколько это удалось Кабинету и горно-заводской администрации. В первой половине XIX в. нарабатывался опыт конструктивного взаимодействия приписных крестьян и власти. Комплексное крестьянское хозяйство предполагает развитие разнообразных неземледельческих занятий в приписной деревне. Они способствовали большой устойчивости и стабильности крестьянского хозяйства и его маневренности, что было особенно важно в условиях приписки сельских жителей к заводам.

Наибольшая значимость в данной работе придается решению вопроса, в каком направлении шла динамика крестьянского хозяйства в дореформенной и пореформенной кабинетской деревне Западной Сибири, встало ли оно на капиталистический путь развития. На основе применения новейших методов многомерного статистического анализа материалов окладных книг 20–50-х гг. XIX в. и сельскохозяйственной пе-

реписи 1916 г. предпринята попытка ответа на эти вопросы С.И. Толстовым и П.Ф. Никулиным.

Введение, 1-3-я главы написаны А.Н. Жеравиной, 4-я - О.В. Усольцевой, 5-я – С.И. Толстовым, 6-я – В.А. Гайдашовой, 7-я – П.Ф. Никулиным, заключение - коллективом авторов.

Техническую работу по подготовке к изданию выполнили С.В. Самусева и Т.В. Юркова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Матвей Малый. Как сделать Россию нормальной страной? СПб.: Дмитрий Буланов, 2003. C. 10-11.
  - ² Там же. С. 11, 279.
- ³ Дружсинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1961;; Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII - начале XVIII в. М.; Л., 1946; Он же. Очерки по истории земледелия в Сибири (XVII век). М., 1956; Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Том. ун-та. Томск, 1950. Т. 112; Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX в.). Якутск, 1961; Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964; Громыко М.М. О характере поземельных отношений на государственных землях Западной Сибири в 30-80-х годах XVIII в. // Изв. СО РАН СССР, Сер. общ. наук. Новосибирск, 1963. Вып. 1, № 1; Она же. Западная Сибирь в XVIII веке. Русское население и землевладельческое освоение. Новосибирск, 1965; Она же. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства периода феодализма // Проблемы истории советского общества Сибири: (Матер. нояб. 1969 г. симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири). История крестьянства досоветского периода. Новосибирск, 1970. Вып. 2; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в XVI – начале XVIII в. М., 1972; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982; История Сибири: В 5 т. Т. 2; Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968.
- ⁴ Крестьянство Сибири... С. 118–119, 279–286; *Шорохов Л.П.* Корпоративновотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII-XVIII веках // Развитие феодальных отношений и их особенности. Красноярск, 1983.
- ⁵ Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII начале XIX в. Красноярск, 1985. С. 250.
- 6 Барг М.А. О природе феодальной собственности // Вопросы истории. 1978. № 7. C. 85, 87.
  - Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. Томск, 1978. С. 59–121.
- ^{8} Жидков Г.П. Алтайские крестьяне и реформа 1861 г. Исторические заметки // Из истории аграрных отношений. Калининград, 1976. С. 6. ⁹ Дружсинин Н.М. Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978. С. 4.
- Пундани В.В. Государственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: Учеб. пособие по спецкурсу. Челябинск, 1984. С. 9.
- 11 Пундани В.В. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Свердловск, 1991.
- ¹² Энциклопедия Барнаула. Барнаул, 2000. С. 39, 46, 49, 180, 324; *Ведерников В.В.* Горные инженеры Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1747-1896 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. С. 26–27; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной

динамике XVI–XX веков / Ин-т истории и археологии УРО. М.: Наука, 2004. С. 236, 545; *Манин В.А.* Юридическая ответственность в горноземельном праве России во второй четверти XVIII в. / Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв.: Матер. VI Всерос. науч. конф. 22–24 марта 2006 г. Новосибирск, 2006. С. 245.

¹³ Соболева Т.Н. Управление приписными крестьянами Алтайского округа в 20–50-е гг. XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источниковедение. Томск, 1999. Вып. 1. С. 6.

- ¹⁴ Кричевцев М.В. Кабинетская система центрального управления горнозаводским хозяйством Урала и Сибири во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995; *Бирюков А.Д.* О роли Колывано-Воскресенских заводов в обеспечении сырьём Петербургского монетного двора в XVIII—XIX вв.: Матер. 41-й междунар. науч. конф. «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 2003. Ч. 1.
- 15 Лейкин Д.И. Развитие внутреннего рынка в Сибири в XVIII веке. М., 1955. С. 2, 9, 18
- ¹⁶ Макаров В.И. Крестьяне Сибири по наказам в комиссию 1767 года // Вопросы истории Сибири: Учен. записки Ленингр. гос. пед. ин-та. Л., 1961. Т. 222. С. 164.
- ¹⁷ Вилков О.Н. Народные движения в Сибири XVIII в. // Бахрушинские чтения 1966 г. Сибирь периода феодализма и капитализма. Новосибирск, 1968. Вып. 2. С. 171.
- ¹⁸ *Черепнин Л.В.* Основные этапы развития феодализма в России; *Дружинин Н.М.* Генезис капитализма в России // Десятый международный конгресс историков в Риме. М., 1956
- 19 Ящунский В.К. Вводная статья // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1959; Он же. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1961; Шапиро А.Л. Об опасности модернизации экономической истории русского крестьянства XVII первой половины XVIII в. // Там же.
- ^{20} *Нечкина М.В.* О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации // Вопросы истории. 1958. № 7; *Сахаров А.М.* К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России // Вопросы истории. 1959; *Голубицкий В.А.* О начале «нисходящей» стадии феодальной формации // Вопросы истории. 1959. № 9.
- ²¹ Кафенгауз Б.Б. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960; Шапиро А.Л. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма // Там же; Струмилин С.Г. К вопросу о генезисе капитализма в России // Вопросы истории. 1961. № 9; Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Буржуазное расслоение крестьянства в России в XVII—XVIII вв. // История СССР. 1962. № 3; Рубинитейн Н.Л. О разложении крестьянства и так называемом первоначальном накоплении в России // Вопросы истории. 1961. № 8; Он же. О мелкотоварном производстве и развитии капитализма в России XIX в. // История СССР. 1962. № 4; Ковальченко И.Д. Некоторые вопросы генезиса капитализма в крестьянском хозяйстве России // История СССР. 1962. № 6; Яцунский В.К. Основные этапы генезиса капитализма в России // История СССР. 1958. № 5; Он же. Еще раз к вопросу о возникновении капиталистического расслоения земледельческого крестьянства в дореформенной России // История СССР. 1963. № 1.
- ²² Вводная статья // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1959. С. 10, 11.
- ²³ Жеравина А.Н. Крестьянское хозяйство в период складывания приписной деревни на Алтае (1747–1797 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1969.

²⁴ Жидков Г.П. Уровень товарности земледельческого хозяйства приписной деревни Западной Сибири в дореформенный период // Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук. 1964. Вып. 2. С. 117–125; *Он жее.* О наемном труде на Алтайских заводах в XVIII − первой половине XIX в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI−XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 218–235.

²⁵ Жеравина А.Н. Еще раз к вопросу о поставках провианта для заводов и рудников приписными крестьянами Алтая (XVIII в.) // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1975. Вып. 18. С. 113–136.

²⁶ Лукичев С.С. О поставках приписными крестьянами Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа провианта и фуража для заводов и рудников // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 113–136; Жеравина А.Н. Заводская пашня в Нерчинском округе // Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск, 2005. С. 183–200.

²⁷ Мамсик Т.С. Кайлинская волость: опыт изучения социально-экономической структуры приписной деревни Западной Сибири по материалам окладных книг 1850-х гг. // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1992; Она же. Западносибирская приписная деревня в системе товарноденежного хозяйства. Кайлинская волость по материалам Окладных книг 1827 г. Новосибирск: Изд-во СО РАН Науч.-изд. центр ОИГГМ СО РАН, 1998; Она же. Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам Окладных книг 1857 г. Новосибирск, 2001.

²⁸Жидков Г.П. Социально-экономическое развитие приписной деревни Западной Сибири (1780–1861): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1964: Он же. Экономика кабинетской деревни Западной Сибири накануне реформ: К вопросу о соотношении динамики феодальной эксплуатации и производительных сил крестьянского хозяйства // Освоение Сибири в эпоху феодализма: XVII–XIX вв. Новосибирск, 1968. С. 210–226; Он же. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973; Он же. Алтайские крестьяне и реформа 1861 года (историографические заметки) // Из истории аграрных отношений. Калининград, 1976. С. 1–35.

²⁹ Толстов С.И., Леонов В.П. Хозяйственная типология кабинетских земель Западной Сибири в 20–50-е годы XIX в. (Опыт многомерного статистического анализа // Крестьянское хозяйство: история и современность: Матер к Всерос. науч. конф. Вологда, 1992. Ч. 2. С. 12–14; Толстов С.И., Хлынова Н.А. Территориальная дифференциация экономики алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX в. и вопрос о формировании капиталистического уклада // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сб. науч. тр. Омск, 2004. Ч. 1. С. 144–148.

 ^{30} *Толствов С.И., Хлынова Н.А.* Территориальная дифференциация экономики приписной деревни... С. 144.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА КАБИНЕТСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В СИБИРИ НА ОСНОВЕ ПОМЕЩИЧЬЕГО ПРАВА

Изъятие заводов А. Демидова по указам от 1 и 12 мая 1747 г. и перевод Нерчинских заводов под управление Кабинета в 1787 г.

Внимательное прочтение сложных по своему содержанию указов 1 и 12 мая 1747 г. об обстоятельствах изъятия демидовских заводов на Алтае и передачи их под управление Кабинетом имеет огромное значение для определения собственника кабинетского хозяйства в Сибири. Это подтверждается и материалами Сенатского архива, архива Государственного совета, Сборника указов по монетному и медальному делу, письмами Екатерины II её корреспондентам, свидетельством одного из потомков А. Демидова П.Н. Демидова, публикациями последних лет, в частности «Дополнениями» Екатерины II к её «Наказу».

Узнав о выплавленном на Колывано-Воскресенском заводе серебре, императрица Елизавета Петровна указом 17 мая 1744 г. направила на Алтай комиссию А. Беэра с заданием выяснить целесообразность строительства там новых сереброплавильных заводов. Опытная плавка взятой из разных мест руды показала высокое содержание в ней серебра. Это и определило дальнейшую судьбу заводов А. Демидова.

По свидетельству П.Н. Демидова, хорошо осведомлённого в содержании делопроизводственной документации А. Демидова, описание заводов ещё по указу 17 мая 1744 г. предполагалось провести с целью «принятия их в казённое содержание». Но указом 1 мая 1747 г. А. Беэр вновь отправляется на Колывано-Воскресенские заводы, теперь уже «для принятия оных в собственность Ея Величества» 1.

Указом 1 мая 1747 г. предписывалось заводы, все строения «со всеми землями... рудами и инструментами... и мастеровыми людьми собственными его Демидова, и с приписными крестьянами взять на Нас».

Указом предусматривалась оценка стоимости изъятого у Демидовых для определения суммы, которую им следовало заплатить. В случае если А. Демидов и его наследники окажутся в долгу перед казной, предстояло установить, какую сумму может составить их долг.

Устанавливалось выполнение приписными крестьянами заводских работ за подушный оклад. Объявлялось о предстоящей приписке к заводам крестьян Кузнецкого ведомства, Белоярской и Малышевской слобод, Бийской крепости и Бердского острога и о поселении при заводах пришлых в Сибирь.

Из текста указа невозможно сделать вывод о главном, к кому переходили демидовские заводы, что подразумевалось под «взять на Нас», в какой роли выступала императрица — главы государства или помещицы, завладевшей Колывано-Воскресенскими заводами.

Вскоре последовал новый указ, которым, казалось бы, вносилась ясность по этому вопросу.

«Майя 12 1747 г. «Именной, данный Сенату. О взятии в казну Колывано-Воскресенских и прочих заводов умершего действительного статского советника Акинфия Демидова; о поселении близ оных заводов пришлых в Сибирь людей, и о заработывании им там государственных податей.

По указу Нашему отправлен от Нас на Колывано-Воскресенский, Барнаульский и Шульбинский умершего действительного статского советника Акинфия Демидова заводы, для исправления горных работ, бригадир Андрей Бер, которому те заводы и прочее на Иртыше и Оби реках, и между оными все строения, какия обретаются заведенныя от помянутого Демидова, со всеми отведенными для того землями, с выкопанными всякими рудами и инструментами и мелким ружьем, и с мастеровыми людьми, собственными его Демидова и приписными крестьянами, указали Мы взять на Нас; а для исправления работ на оных заводах в прибавку к тем, кои приписаны к оным заводам, повелеваем Нашему Сенату приписать Кузнецкого ведомства казенные слободы: Белоярскую, Малышевскую, Бикатунскую крепость и Бийский острог, за которыя подушные деньги плачены быть имеют от Колывано-Воскресенского горного начальства; а понеже, как известно, при оных заводах места к поселению людей довольны и всем потребным к житию человеческому изобильные, и для того по рекам, близ оных заводов текущим, селить пришлых в Сибирь, кои явились по нынешней Генералитетской переписи, и оные пришлые люди, чьи б они ни были, должны зарабатывать на заводах, первое, подати государственные по 70 копеек, другое, подати помещиковы по 40 копеек, которыя от заводов отдаваться будут в Нашу казну и куда надлежит, а что сверх тех податей заработают, то им плачено будет от заводу по настоящим ценам»².

В самом названии указа раскрыто его содержание. Им утверждалось изъятие заводов умершего Акинфия Демидова, объявлялось о поселении «близ оных заводов пришлых в Сибирь людей». Ничего в указе не содержалось о приписке крестьян Кузнецкого ведомства, так как на этот счет Сенат уже имел распоряжение императрицы.

Формулировка майского указа от 12 мая 1747 г. «О взятии в казну Колывано-Воскресенских и прочих заводов Акинфия Демидова», на

первый взгляд, лишь дополняет указ от 1 мая уточнением нового владельца демидовских заводов. После подробного перечня всего, что изымалось, следует: «указали Мы взять на Нас». Из названия указа («О взятии в казну...») в сочетании с «указали Мы взять на Нас» можно с уверенностью в правоте сделать вывод об изъятии Колывано-Воскресенских заводов в пользу императрицы как носительницы верховной власти в стране. Однако это оказывается допустимым при условии восприятия данных составных частей указов вне общего контекста их содержания. Дело в том, что в обоих указах имеется еще одно весьма существенное положение, которое никак нельзя объяснить, если заводы переходили в собственность императрицы как носительницы верховной власти. В специально выделенном пункте указа от 1 мая подчеркивалось: «а то число денег, что... крестьяне заработают, отдавать в те места, куда оные сбирать положены». В указе от 12 мая там, где говорилось о поселении «близ Колывано-Воскресенских заводов пришлых в Сибирь» и о «заработывании ими там государственной подати», объявлялось, что «подати государственные по 70 копеек» с пришлых, становившихся приписными крестьянами, «от заводов отдаваться будут в Нашу казну», а «подати помещиковы по 40 копеек, куда надлежит». Как раз в этой части указа и кроется ответ на вопрос, кому передавались демидовские заводы. Зачем носителю верховной власти, который с 1747 г. становился владельцем Колывано-Воскресенских заводов, понадобилось фиксировать это четкое распределение по соответствующим каналам «податей государственных» и «податей помещиковых»? Объясняется это только тем, что по отношению к Колывано-Воскресенским заводам императрица выступала не только в роли носительницы верховной власти, но и в роли помещицы, в пользу которой должна была поступать часть заработанных крестьянами при заводах денег. Нигде при этом не оговаривалось, что данная часть указа относилась только к пришлым, которых предстояло в ближайшее время поселить при заводах. Никогда они впоследствии не выделялись из общей массы приписных крестьян. В указе от 12 мая 1747 г., таким образом, оказалось зафиксированным положение, при котором с приписанных к Колывано-Воскресенским заводам крестьян «подати государственные» шли собственнику заводов, которым являлся царствующий император, а «подати помещиковы» поступали в казну.

Майские указы 1747 г. оказались глубоко продуманными. На первый взгляд, они воспринимались как затрудняющие понимание природы кабинетского хозяйства. В действительности же положения о взятии заводов «на Нас» и «в казну» оказались в указах совершенно не слу-

чайно. Первое означало переход заводов в собственность императрицы, второе понадобилось в связи со стремлением компенсировать их стоимость за счет государственной казны в случае, если бы пришлось эту компенсацию производить.

Комиссия, которой поручалось обеспечить передачу Колывано-Воскресенских заводов в ведение Кабинета, должна была всем «строениям и рудам сделать опись и оценку... для знания того, что должно будет наследникам его (А. Демидова, умершего к тому времени. – А.Ж.) из казны Нашей заплатить». Прием заводов она закончила в 1750 г. По оценке Демидовых они стоили 50799 р. 18 к. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства оценила их почти вдвое дешевле – в 29445 р. 27½ к. Однако наследники Демидова, как считают некоторые исследователи, этой суммы не получили, так как она была зачтена за долги, что предусматривалось указом: «...а в таковую заплату зачитать то, ежели оный покойный Демидов и его наследники в казну Нашу должны».

Таким образом, в названии указа от 12 мая «О взятии в казну» (подчеркнуто мной. – A.Ж.) заключался глубокий смысл. Компенсация за изъятые у Демидовых заводы должна была проводиться за счет государственной казны, но становились они не государственной собственностью, а императорской личной собственностью на помещичьих правах ^{3} .

Когда граф Шувалов предпринял попытку ходатайствовать перед императрицей о передаче ему Колывано-Воскресенских заводов, пользуясь возникшими сложностями у Кабинета в их эксплуатации «за оскудением лесов», Елизавета Петровна отклонила его притязания, заявив при этом, что заводы она «отнюдь не отдаст никому, но остаться им непременно яко Ее Величество собственно принадлежащими, в ведомстве и управлении Кабинета» что вновь подтверждалось позднее в очередном указе императрицы Сенату «О неотложном исполнении требований Кабинета к распространению выгод и к пользе Колывано-Воскресенских заводов» от 12 января 1761 г. 5

Указом Екатерины II от 5 января 1763 г. «О хождении новой медной монеты, сделанной в Сибири на Колывано-Воскресенских заводах» они «во всенародное известие» объявлялись «собственно Нашими», то есть принадлежавшими императрице ^{6} .

Фактически ничего не изменилось во владении и управлении Колывано-Воскресенскими заводами с образованием на территории Алтая Казенного департамента «для хозяйственного... и заводского правления». По этому поводу в именном указе Сенату от 1 мая 1779 г. «Об

учреждении Колыванской области» специально разъяснялось, что управление заводами переходит Казенному департаменту, находившемуся «под главным ведением Нашего Кабинета»⁷, которому попрежнему должны были поступать доходы от заводов.

В контексте всего сказанного становится ясным и смысл указа от 5 января 1787 г. «О бытии Нерчинским заводам под ведением Кабинета». «Для приведения в хозяйственное устройство Нерчинских заводов, – провозглашалось в нем, – и для удобнейшего оного управления повелеваем Мы заводы сии со всеми принадлежащими к ним строениями, инструментами и материалами, деньгами на производство оных и людьми как и горную Нерчинскую экспедицию отдать в ведомство Кабинета под особое распоряжение члена оного генерал-майора Соймонова на таком же основании, как состоят Колывано-Воскресенские заводы». В Нерчинскую горную экспедицию из Кабинета отправили вместе с данным указом и полный текст указа от 1 мая 1747 г., на основании которого уже в течение 40 лет Колывано-Воскресенские заводы состояли в ведении Кабинета, доклад на имя Екатерины II А.В. Олсуфьева о «действии» Алтайских заводов на протяжении 1747–1759 гг. Все дела, касавшиеся Нерчинских заводов, из Берг-коллегии перешли в Горную экспедицию при Кабинете⁸.

Указом от 5 января 1787 г. определялось не только поступление в доход Кабинета «впредь привозимого» в Петербург на монетный двор серебра, но и того, которое уже находилось в «конторе разделения». Кабинет в случае получения Нерчинскими заводами из государственного казначейства «некоторой суммы на содержание их для нынешнего (1787 г. – A.Ж.) года» обязан был «оную возвратить» в государственное казначейство.

Летом того же 1787 г. Нерчинская горная экспедиция получила из Кабинета еще один документ, важный для понимания нового положения Нерчинских заводов, хотя он касался непосредственно, казалось, только Колывано-Воскресенских заводов. После издания 8 декабря 1786 г. именного указа Сенату, которым повелевалось, чтобы взимаемые в стране штрафы поступали в доход государства, перечисления в государственную казну штрафных денег Сенат потребовал и от Колывано-Воскресенских заводов. Колыванская горная экспедиция обратилась в Горную экспедицию Кабинета за разъяснением, «повелено ли будет» штрафные деньги, взимаемые «с заводских чинов и служителей за разные ими в должностях упущения», отсылать в государственный доход. В ответ на запрос Колыванской экспедиции Кабинет 21 июля издал специальный указ, в котором говорилось: «Заводы же Колывано-

Воскресенские состоят в ведении Кабинета Е.И.В., доход от них получаемый взносится в комнатную сумму (подчеркнуто мной. – A. $\mathcal{K}$.), к тому же прописываемые Колывано-Воскресенскою горною экспедициею взыскании не есть в штраф поступающие, а единственное только возвращение вещей заводских, из чего кроме настоящего по заводам употребления, никуда без особливого имянного Е.И.В. повеления отсылано быть не можно, о чем для ведома и дать знать в Колыванскую горную экспедицию». Копия данного указа за подписью П. Соймонова из Кабинета поступила в Нерчинскую горную экспедицию как руководство к действию $^{\circ}$.

Сам факт обращения к опыту «действия» Колывано-Воскресенских заводов под управлением Кабинета в момент создания его единого хозяйственного комплекса в Сибири весьма показателен. Он свидетельствует об уже сложившейся традиции претворения в жизнь законодательных актов. С переходом Нерчинских заводов в ведение Кабинета на правах императорской собственности государственная казна лишилась «прибыли от тех заводов получаемой» 10.

Законодательство первой половины XIX в. о владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири

Владельческая принадлежность кабинетского хозяйства в Сибири до реформы 1861 г. нашла отражение и в законодательстве первой половины XIX в., хотя Нерчинские заводы на некоторое время изымались из ведения Кабинета. Именным указом от 19 ноября 1796 г. они были переданы под контроль Берг-коллегии. В начале 1800 г. управляющий Кабинетом граф Тизенгаузен подал на имя Павла I доклад «Об отдаче Нерчинских заводов со всеми к ним принадлежностьми и лабораториею в ведомство Кабинета». В нем в обоснование необходимости возвращения заводов вновь «в ведомство Кабинета» с учетом существовавшей с 1787 по 1797 г. практики особо выделялось: «...заводы, содержащие драгоценные редкости, ближе всего должны составлять часть кабинетского дохода, следующего прямо особе государя» (подчеркнуто мной. – A.Ж.). Краткая императорская резолюция гласила: «Быть по сему», что означало следование с 1800 г. прибыли с Нерчинских заводов «прямо особе государя», поскольку любой доклад на имя императора с его резолюцией «Быть по сему» обретал силу закона¹¹. В августе того же года Нерчинские заводы вновь перешли под управление Берг-коллегии на выгодных для владельца условиях: доходы Кабинета остались неприкосновенными, издержки же по содержанию их

переходили на счет Берг-коллегии. В июне 1803 г. заводы были возвращены в ведение Кабинета ¹². Они, как и Колывано-Воскресенские заводы, составляли собственность императорского величества, что еще раз было подчеркнуто управляющим Кабинетом в записке в бывший Сибирский комитет от 20 апреля 1822 г., это находилось в полном соответствии с действовавшим до сего времени законодательством ¹³.

Именным указом от 22 июля 1822 г. «О преобразовании Сибирских губерний по новому учреждению» объявлялось о соединении «звания Томского гражданского губернатора и начальника заводов... в одном лице» при исключительном праве на назначение и увольнение его Кабинетом, «в ведомстве коего» состояли «сии заводы». «Новое учреждение» коснулось только управления Томской губернией, заводы управлялись по-прежнему «на основании особенных о них постановлений». Чиновник, назначенный на должность гражданского губернатора и начальника заводов, мог решать вопросы, касавшиеся горно-заводского производства, только «относясь к Кабинету» 14.

Немаловажна в этом плане деталь, подмеченная современником, путешественником Эйрие, который обратил внимание на то, что Барнаул, «...сделавшийся окружным с 1822 г., принадлежит к Томской губернии, но в отношении к горной части причислен к округу Колыванских заводов, зависящих непосредственно от Кабинета императорского. Впрочем, главный начальник этого округа вместе и томский гражданский губернатор; он живет обыкновенно в Барнауле и только на
время ездит в губернский город (Томск. – A.Ж.) по делам» ¹⁵.

В «Учреждении об управлении Колывано-Воскресенских горных заводов» от 16 апреля 1828 г. объявлялось (§2): «Все земли, равно озера и реки, находящиеся на пространстве, занимаемом селениями приписных крестьян, заводами, рудниками, приисками, ломками цветных камней и другими заведениями, также Алтайские горы, лежащия между Бийскою линейною дорогою и Китайской границею, принадлежат к ведомству Колывано-Воскресенских заводов» – в том же смысле, в каком употребляли термин «в ведомстве Кабинета», когда речь шла об управлении заводами со стороны Кабинета.

Скорее всего, не столько об ограничении прав распоряжения землями, как полагает Г.П. Жидков, сколько об исключительном праве владения ими шла речь, когда утверждалось: «Земли заводского ведомства не разделяются ни в собственность, ни в оброк» в подтверждение ранее установленного порядка, согласно которому «все земли, леса..., к заводскому ведомству принадлежащие» объявлялись изъятыми «из правил, по коим предназначается раздача земель чиновникам, в Сибир-

ских губерниях служащим». Все вышеизложенное распространялось и на Нерчинские заводы ^{16} .

Вряд ли есть какие-либо основания делать заключение об изменении характера владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири даже при наличии в «Учреждении...» §6, в котором говорилось: «Всякого рода металлы, минералы и цветные камни в сих землях находимые, принадлежат Кабинету», если учесть то обстоятельство, что в §1 подтверждалось прежде существовавшее положение, при котором «Главное управление... заводов вверяется Кабинету Е.И.В.». Это еще раз повторяется в иных выражениях в разделе «Власть и обязанности Кабинета». Что касается положения о «принадлежности Кабинету» недр заводского ведомства, то вероятнее всего в §6 имелось в виду поступление цветных камней и благородных металлов с Колывано-Воскресенских заводов не на общегосударственные нужды. При этом следует учесть, кому адресовалось «Учреждение...», - начальству Алтайского горного округа, подчиненному Кабинету. В данном документе не было особой надобности владельцу заводов заявлять о своих правах на них, это принципиального значения не имело. Но ведь и отступления от принятого ранее нет в анализируемом документе. Заводы признавались лишь находящимися «под управлением Кабинета», что узаконено было с 1747 г.

В именном указе от 14 апреля 1830 г. «О передаче в ведомство министра финансов Колывано-Воскресенских и Нерчинских сереброплавильных заводов» хотя и названы заводы принадлежащими «Кабинету Нашему», там, где разъяснялось, на каких условиях совершалась передача, прежде всего уточнялось, что «заводы, как и ныне, остаются частной собственностью Нашею, одно управление оными передается министру финансов»; он управлял заводами на «тех же самых правах», на которых управлял до этого «оными Кабинет». Вместе с заводами в Горный департамент передавалось существовавшее при Кабинете отделение, «заведующее оными» ¹⁷.

Когда в 1855 г. Алтайские и Нерчинские заводы были возвращены в ведение Кабинета, в «Высочайше утвержденных правилах...» от 27 мая вновь нашло отражение многократно встречавшееся несоответствие в определении собственника этих заводов. Они в названии и обосновании указа квалифицировались как «принадлежащие оному» (Кабинету. – A.Ж.), но в тексте указа, как и во всех предшествующих законодательных актах, в I статье «Правил...» зафиксировано: «Алтайские и Нерчинские заводы, составляющие частную собственность Государя Императора и находившиеся с апреля 1830 г. в управлении ми-

нистра финансов по части Департамента горных и соляных дел, передаются в управление Кабинета Его Императорского Величества... без всякого за имущество оных платежа». До появления у Кабинета оборотного капитала «Правилами...» предусматривался отпуск денег на содержание заводов из государственного казначейства при ежегодном удержании их за счет поступлений с сибирских заводов на Санкт-Петербургский монетный двор золота и серебра¹⁸.

Через два года владельческая принадлежность кабинетского хозяйства в Сибири была официально зафиксирована в статьях Горного устава 1857 г. издания. На основании действовавшего законодательства Горным уставом подтверждалось, что «пространство земель в Алтайских горах и в смежности их лежащих с состоящими на них рудниками и заводами, с городами и селениями, к заводам сим приписанными», «все находящиеся в пространстве Нерчинской горной округи земли, леса, реки, озера, рудники, заводы, прииски цветных камней... составляют частную собственность Государя Императора и находятся под главным ведомством Кабинета Е.И.В.» 19.

Таким образом, по законодательству с середины XVIII до середины XIX в. очень четко прослеживается однозначное решение вопроса о владельце кабинетского хозяйства в Сибири, которым являлся царствующий император. Оно свидетельствует о постоянстве и удивительной настойчивости в подчеркивании именно этого положения на протяжении существования кабинетского хозяйства в Сибири в дореформенный период.

Документирование, причем с такой последовательностью повторяющегося явления, в данном случае связанное с систематической фиксацией в законодательстве за 100 с лишним лет владельческой принадлежности хозяйства Кабинета в Сибири, означает, в конечном счете, не что иное, как исторически обусловленную традицию, законодательное закрепление норм, правил, действовавших в отношении Алтайских и Нерчинских заводов после передачи их в ведение Кабинета.

Внимательное прочтение всех вышерассмотренных законодательных актов не дает оснований признать утверждение Г.П. Жидкова отражающим объективную реальность: «Кабинетская собственность на землю Алтайского и Нерчинского округов длительное время не имела строгого, четко выраженного юридического титула»²⁰.

Несмотря на то, что достаточно сложным по своему содержанию оказалось законодательство 40-х гг. XVIII в., в целом за время существования кабинетского хозяйства в Сибири оно дает представление о владельце Алтайского и Нерчинских округов.

В этой связи трудно согласиться с утверждением М.Е. Сорокина, полагающего, что только с конца XVIII в. «впервые в источниках говорится о Колывано-Воскресенских заводах как о личной собственности императоров». Автор пишет: «Ни в одном документе, относящемся к 1747-1779 гг., нет указания на то, что Колывано-Воскресенские заводы являются личной собственностью императора». Особенно любопытна убежденность М.Е. Сорокина в том, что авторами источников конца XVIII – первой половины XIX в., в которых говорится о Колывано-Воскресенских заводах как о личной собственности императоров, «были чиновники Кабинета и канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства». Именно их автор считает лицами, непосредственно заинтересованными в том, «чтобы создать особо благоприятные, на их взгляд, условия для существования горных предприятий в Западной Сибири». Может быть, самое поразительное состоит в утверждении М.Е. Сорокина: «Для того чтобы доказать права горнозаводского хозяйства Кабинета на особые привилегии, они не останавливались перед прямым искажением смысла ранее изданных правительственных указов» ^{21} (подчеркнуто мной. – A.Ж.). К сожалению, М.Е. Сорокин не приводит фактов искажения чиновниками, как он пишет, «правительственных указов».

Утверждения Г.П. Жидкова и М.Е. Сорокина, не подтвержденные документально, используются ими для определения природы кабинетского хозяйства. Анализ законодательных актов свидетельствует о том, что они носили характер именных указов, которые никто из чиновников исказить не мог. Им незачем было заботиться о создании особо благоприятных условий для развития кабинетского хозяйства в Сибири. Об этом заботились его владельцы — царствующие особы. Управляющие Кабинетом в своей деятельности исходили из четкого представления относительно того, кому принадлежали заводы.

Первые указы об изъятии демидовских заводов всегда были «под рукой» горного начальства. В середине 20-х гг. XIX в. на это обстоятельство обратил внимание К.Ф. Ледебур. В его описании пребывания в Барнауле есть весьма примечательные строки: «В здании канцелярии имеется зал заседаний, украшенный портретами царей и цариц. На столе, за которым заседают, в изящном футляре, который держат четыре позолоченных бронзовых сфинкса, покоящихся на красиво отшлифованном яшмовом постаменте, хранятся указы, которыми санкционируются права и привилегии местных металлургических заводов, а также инструкции для здешних начальников. Первый из этих указов издан в царствование императрицы Елизаветы в 1747 году»²².

Известный ботаник, профессор Дерптского университета, тепло принятый на Алтае горным начальством, беспристрастно зафиксировал то, что более всего привлекло его внимание в центре Алтайского горного округа. Наличие текстов указов на столе заседаний канцелярии горного начальства свидетельствует лишь об одном — указы, касавшиеся Колывано-Воскресенских заводов с 1747 г., были не музейными экспонатами. Как было показано выше, на основании этих указов передавались и находились в ведении Кабинета и Нерчинские заводы.

Ко времени пребывания К.Ф. Ледебура относится сооружение гранитного обелиска на городской площади. Он зафиксировал и надписи на обелиске. На одной стороне его было высечено: «В память 100-летия Колывано-Воскресенских заводов – при правлении Александра I в 1825 г.», на другой: «Колывано-Воскресенские заводы сооружены статским советником Демидовым в 1725 году – они перешли в собственность Императора при правлении Елизаветы I в 1747 году»²³.

Обратив внимание на сочетание в майских указах 1747 г. фраз «взять на Нас», «в казённое содержание», «взятии в казну», Т.Н. Соболева глубокий смысл усмотрела в отсутствии границ между «государевым» и «государственным». Исследовательница обошлась без анализа содержания этих указов. Свою позицию в решении вопроса о владельческой принадлежности Колывано-Воскресенских заводов с 1747 г. она обосновывает, опираясь на вотчинную теорию российской государственности, которая в XVIII в. переживала стадию разложения. Т.Н. Соболева считает, что к концу XVIII в. в кабинетском хозяйстве Западной Сибири оформилась коронная собственность, в которой «переплелись государственные и частновладельческие черты. Государь воплощал в себе два начала, поэтому в характеристике его недвижимого имущества органично соседствовали оба свойства, среди которых приоритетную позицию в дальнейшем заняла вторая составляющая. Однако это не даёт основания для однозначного толкования такого явления, как частная собственность монарха»²⁴.

Данная позиция автора расходится с представлением Екатерины II, которая изложила его в 60-е гг.

В недавно опубликованных «Дополнениях к большому Наказу» Екатерины II в XXII гл. несколько статей оказались посвящёнными решению императрицей вопроса о «богатствах государевых». В частности, она писала: «Богатства государевы суть... иные существенные, иные мысленные» (ст. 622). «Существенные суть или недвижимые, или движимые» (ст. 623). «Оные могут принадлежать государю» (ст. 624). «Богатства государевы суть или просто владельческие, поелику некоторые известные земли или вещи ему <u>как частному некоему помещику и господину принадлежат,</u> или как богатства самодержца, владычествующего по сему Богом данному званию над всем тем, что общенародную казну составляет» (ст. 625) (подчёркнуто мной. – A.Ж.). «Доходы, принадлежащие государю, суть... двоякого рода: или как частного некоего владельца, или как державы правителя» (ст. 626). Государь первыми владеет сам собою» (ст. 629)²⁵.

Вряд ли случайным оказалось совпадение времени написания «Наказа» и дополнений к нему императрицей и первого описания по её заданию Колывано-Воскресенских заводов генералом Г. Веймарном. Он был отозван с Алтая, где в то время выполнял очень важное задание по определению границ кабинетского хозяйства. На основании многочисленных подсчётов Г. Веймарн довёл до сведения Екатерины II, что самые крупные в мире американские, саксонские, норвежские, австрийские серебряные копи не могут сравниться с Колыванскими месторождениями²⁶.

Колывано-Воскресенские и Нерчинские заводы в составе кабинетского хозяйства находились на особом положении именно в силу того, что собственником их являлись русские императоры, управлявшие своим обширным хозяйством через Кабинет.

В ходе развития кабинетского хозяйства в Сибири расширялись его территориальные рамки. Во второй половине XVIII в. началось интенсивное освоение месторождений руд к востоку и югу от первоначально вошедшего в это хозяйство района Западной Сибири. Уже после включения в его состав Нерчинских заводов в начале XIX в. создается рудная база сереброплавильного производства в правобережье верхнего течения Иртыша, разрабатывается богатое Салаирское месторождение полиметаллических руд и других полезных ископаемых в кабинетском хозяйстве.

Сложившееся в Сибири кабинетское хозяйство включало в себя современную территорию Алтайского края, Новосибирской, Кемеровской, части Томской, Павлодарской, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской областей в Западной Сибири и большую часть Читинской области в Восточной Сибири. Оно стало главным центром добычи серебра в России. Алтайское серебро отличалось высоким содержанием золота. Все экономические ресурсы кабинетского хозяйства в Сибири были подчинены горному делу²⁷, развитие которого сопровождалось использованием в широких масштабах не только принудительного труда мастеровых, но и приписных крестьян.

Владельцем Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов в составе кабинетского хозяйства являлся царствующий император. Это красной нитью проходит через все проанализированные выше законодательные акты при всей их сложности (повторимся еще раз!), на первый взгляд, для однозначного прочтения.

В конце XIX в. на Всероссийской Нижегородской выставке был представлен Алтайский округ. М.И. Струков получил задание к ее открытию написать краткий исторический очерк края для ознакомления посетителей выставки с историей «одной из самых лучших местностей по своему плодородию и изобилию ископаемых богатств». Как чиновник особых поручений Кабинета, М.И. Струков использовал содержавшиеся в его делах материалы по истории кабинетского хозяйства на Алтае. На их основе М.И. Струков пришел к заключению, что его территория с 1 мая 1747 г. являлась частной собственностью царствующих императоров²⁸.

Благородные металлы, выплавлявшиеся из руд Алтая и Восточного Забайкалья, составляли главный интерес для русских царей. Только этим можно объяснить столь настойчивое повторение из указа в указ, из десятилетия в десятилетие положения о том, в чьей собственности находились Колывано-Воскресенские и Нерчинские заводы в составе кабинетского хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ^{1} Демидов П.Н. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя горных заводов, составленное из архивов, сохранившихся у его наследников, и из других сведений. СПб., 1833.
  - ² ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 12. № 9403.
- ³ 200-летие Кабинета Е.И.В. 1704–1904. СПб., 1911. С. 3–32; ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 12, № 9403; *Макеев Т.К.* Из истории развития промышленности на Алтае (1747–1917). Барнаул, 1951. С. 7.
  - ⁴ 200-летие Кабинета... С. 334.
  - ⁵ ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 15. № 1118.
- ^{6} Сборник указов по монетному и медальному делу в России... СПб., 1887. Вып. 2. С. 14–15.
- ^{7} ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 20. № 14868. О том же см.: Сенатский указ от 25 июля 1782 г. «О мерах к принуждению приписных к Колывано-Воскресенским заводам крестьян исправлять возложенные на них работы» // ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 21, № 15476.
- ^{8} Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 20. Д. 236. Л. 47 об.; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 264. Л. 1–4.
- ^{9} ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 22. № 16496; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 264. Л. 8–13, 15–24, 66.

- ^{10} Финансовые документы царствования Екатерины II / Собр. Куломзин А.Н. Т. 1 // Сборник Импер. Рус. ист. общ-ва. СПб., 1880. Т. 28. С. 306.
- ¹¹ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т.26. № 19311; РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 349. Л. 1, 14, 15.
  - ¹² РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 360. Л. 8; Д. 441. Л. 117.
  - ¹³ Там же. Л. 130. Л. 2.
  - 14 ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 38. № 29121.
- ¹⁵ Живописное путешествие по Азии составленные на фр. яз. / Под руководством Эйрио и украшенное гравюрами; Пер. Е. Корша, М., 1839. Т. 1, С. 154.
- ¹⁶ ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 38. № 29124; Собр. второе. Т. 3. № 1960; *Жид-ков Г.П.* Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 62.
- ^{17} Сборник указов по монетному и медальному делу в России... СПб., 1887. Вып. 3. С. 58–59.
- ^{18} Высочайше утвержденные правила о передаче в ведомство Кабинета Е.И.В. принадлежащих оному Алтайских и Нерчинских заводов // ПСЗ. Собр. второе. СПб., 1856. Т. 30, № 29365.
- ¹⁹ Свод законов Российской империи. Изд. 1857 года. СПб., 1857. Т.7. Ст. 1689, 1670, 2137, 2138, 2148, 2149.
  - ^{20} Жидков Г.П. Кабинетское землевладение... С. 63.
- ²¹ Сорокин М.Е. Горно-заводское хозяйство Кабинета в Западной Сибири в 1747–1779 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1965. С. 168–171.
- ^{22} *Ледебур К.Ф.* Путешествие по Горному Алтаю и предгорьям Алтая // Краеведческие записки. Барнаул, 1959. Вып. 2. С. 293.
  - ²³ Там же. С. 290.
- ^{24} Соболева Т.Н. Связь истории Алтая с вотчинной сущностью государственного строя России // Современное историческое сибиреведение XVII начала XX в.: Сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 280.
- ²⁵ Дополнения к большому Наказу // Императрица Екатерина II о величии России. М., 2003. С. 152–153.
- ²⁶ Контев А.В. Рукопись генерала Г. Веймарна первое историко-статистическое описание Колывано-Воскресенских заводов // Алтайский сборник. Барнаул, 2004. Вып. 21. С. 124, 142; Шакинко И. Демидовы. Историческое повествование с портретами. Екатеринбург, 2000. С. 106.
- ²⁷ Романов В.В. Горная промышленность Рудного Алтая в период разложения и кризиса феодализма: Автореф...дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1968; *Григорьева А.А.* Сдвиги в географии, промышленности Сибири (XVIII начало XX в.) // Хозяйственное освоение и заселение районов Сибири. Дореволюционный период / Иркутск, 1975. С. 20.
- ²⁸ Струков М.И. Краткий очерк Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества. СПб., 1896. С. 1.

ПОСТУПЛЕНИЯ ИЗ КАБИНЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СИБИРИ В «КОМНАТУ Е.И.В.» И ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИХ РУССКИМИ ИМПЕРАТОРАМИ

Как создавались и расходовались «личные сбережения» русских императоров

В монографии, посвященной общему обзору двадцатилетнего царствования Елизаветы Петровны, Е.В. Анисимов совершенно справедливо полагает, что до определенного времени у нее «никогда не было денег», а «любовь гвардейцев», с помощью которых Елизавета Петровна пришла к власти, «без звонкой монеты оставалась бы платонической». А.Б. Каменский пишет: «Елизавета Петровна испытывала до воцарения постоянную нужду в деньгах, а для удовлетворения ее потребностей денег нужно было много. В итоге эта жизнелюбивая, веселая, легкомысленная женщина, более всего на свете любившая удовольствия и вовсе, вероятно, не жаждавшая власти, поняла, что у нее есть лишь один способ обрести независимость и свободу действий, возможность жить по-своему и удовлетворять все свои желания — взять эту власть в свои руки». Но власть еще предстояло подкрепить денежными средствами 1.

Не случайно в первые же дни после восшествия на престол императрица прежде всего занялась решением вопроса, какими средствами она может располагать за счет соляных сборов. Она потребовала опечатать все бумаги соляной конторы и прекратить любое расходование соляных денег без ее личного повеления. 29 ноября 1741 г. в соляную контору был командирован генерал-майор С. Апраксин «для опечатанья денег, книг и дел с составлением ведомости наличному». На протяжении более двух месяцев с конца ноября 1741 г. Елизавета Петровна вплотную занималась делами соляной конторы. Соляные деньги она считала в те дни главным источником средств для свободного распоряжения ими².

После изъятия у Демидовых Колывано-Воскресенских заводов императрица получила возможность тратить деньги «из своего кармана».

В конце 40-х гг. XVIII в. в царских указах появляется упоминание о целевом назначении изготовленных денег — «для комнаты Е.И.В.». В частности, в сентябре 1748 г. императрица распорядилась о выпуске 20 тыс. червонных золотых монет с ее портретом «из наличного на монетных дворах золота» и отпустить еще один пуд золота из Кабинета, а изготовив монеты, «взнесть в комнату Е.И.В. немедленно». На случай

нехватки золота предписывалось: «доделывать из приходящего на монетные дворы впредь и сколько когда сделано будет, оные в комнату же Е.И.В. взносить». Особой колыванской суммой ведал архивариус И. Железной.

Именным указом от 3 марта 1751 г., объявленным из Кабинета монетной канцелярии, повелевалось из наличного в канцелярии золота три пуда «употребить в дело червонных российских, какие пред сим сделать велено и по переделе взнесть в комнату Е.И.В. как скоро в готовности будут», а остальное золото «наличное и которое впредь в приходе будет» хранить в конторе при монетной канцелярии и «в расход без указа Е.И.В. не употреблять»³. В приведенных указах 1748 и 1751 гг. упоминается «комната Е.И.В.», в которую поступали деньги, изготовленные из золота и серебра с Колывано-Воскресенских заводов.

В указе от 21 февраля 1754 г. уже прямо говорилось об изготовлении рублевых серебряных монет на сумму в 1 млн р. из привоза серебра с Колывано-Воскресенских заводов 1753 г., при этом императрица предписала, если не хватит серебра, доделать монеты до установленной суммы позднее из поступлений 1754 г. или «употребить Нерчинское» с возвратом его из поступлений с Алтая. Новую партию монет также следовало «взнесть» в «комнату Е.И.В.»⁴.

Поступавшие туда деньги хранились в специально для этой цели изготовленных сундуках. Во время нередко случавшихся во дворце пожаров сундуки с деньгами переносились в надежное место. З ноября 1753 г. член монетной канцелярии надворный советник Любовников получил задание вместе со служителями монетной канцелярии отыскать «на бывшем при высочайшем дворе пожарище слитков серебра, золота и других вещей»⁵.

В 1754 г. произошел пожар в Лефортовском дворце, куда незадолго до этого после пожара во дворце свезли большую часть золотого и серебряного сервиза Елизаветы Петровны и сундуки с деньгами «комнаты Е.И.В.». Из обгоревших сундуков по земле рассыпались серебряные монеты, которые тут же начал расхватывать сбежавшийся на пожар народ. Караульные штыками разгоняли народ, хватавший монеты под видом помощи⁶.

В 1756 г. «в особливом хранении монетной канцелярии» находился 1 млн р., принадлежавших императрице. Елизавета Петровна приказала из этой суммы отпустить для нее 400 тыс. р., остальные деньги «иметь по-прежнему в своем хранении для употребления по Нашим указам»⁷.

Екатерина II вспоминала, что сохранились счета на сумму в 1600000 р., израсходованных при Елизавете Петровне из государствен-

ных средств на строительство Зимнего дворца. При многократных перестройках дворца императрица, по свидетельству Екатерины II, «тратила много денег из своего кармана», «но счетов на них нет», под конец жизни она «елико возможно копила деньги, держала их при себе, ничего не отпускала на государство» и «скопила столько денег, сколько было возможно, не употребляя ни на какие государственные нужды»⁸.

Необычная роскошь и внешний блеск, присущие жизни двора Елизаветы Петровны, традиции которой в этом плане свято соблюдались всеми ее преемниками, были проявлением ее желания «блистать во всем и служить предметом удивления». Однако для реализации такого желания для императрицы требовались колоссальные материальные средства, которые невероятно возросли, когда она стала собственницей Колывано-Воскресенских заводов. По данным за 1748—1759 гг. с Алтайских заводов было получено свыше 2824 пудов серебра и свыше 89 пудов золота на общую сумму почти в 3200 тыс. р. 9

По особым императорским повелениям часть благородных металлов, полученных с Алтая, использовалась на изготовление изделий из них. По распоряжению Елизаветы Петровны из привоза серебра конца 40-х гг. была изготовлена рака (гробница) Александра Невского. Поступавшее с Алтая серебро (на изготовление гробницы ушло около 90 пудов) доставлялось на сестрорецкие заводы. Там из него получали листы, которые перевозили в особо устроенную мастерскую в Петропавловской крепости, где и была изготовлена гробница иноземными и отечественными мастерами серебряных дел и художественной чеканки. В 1922 г. гробница поступила из Александро-Невской лавры в Эрмитаж, где и хранится ныне 10.

В сентябре 1767 г. Екатерина II писала управляющему Кабинетом: «Адам Васильевич, прикажи сделать золотой кубок тысячи в две с моим медальоном с надписью о пожаловании его графу А.Г. Орлову». В декабре она интересовалась, изготовлен ли кубок 1. Позднее у статссекретаря А.В. Храповицкого Екатерина II запрашивала: «Осведомитесь, много ли пуд золота отложено на сервиз золотой... скажите мне, где то золото?» 12 В 1791 г. по ее распоряжению «было употреблено для дела» 4 пуда 14 фунтов золота, а из 5 фунтов 53 золотников «в крохах и сорах» в «комнатную сумму» в 1792 г. поступило 1892 р. 37 к. В 1793 г. все привезенное из Сибири на монетный двор золото «по высочайшему Е.И.В. повелению» было «обращено на некоторое употребление... а не в передел... монеты, почему и следующей к комнатной сумме Кабинету прибыли к отпуску никакой быть не может», как сообщили из Санкт-Петербургского монетного департамента управляющему Кабинетом 13.

По данным за ряд последующих лет также можно судить о неравномерном поступлении денежных средств в «комнатную сумму» из золота и серебра с Алтайских и Нерчинских заводов¹⁴.

Доходы собственника заводов на Алтае с 300 тыс. р. в год в 40-е гг. XVIII в. возросли до 1,7 млн р. к концу столетия за счет увеличения выплавки серебра за это же время с 200 до 1150 пудов в год. В первой четверти XIX в. они заметно снизились, но, по общему признанию исследователей, продолжали оставаться высокими. Добыча золота и серебра обеспечивала ежегодно свыше 1 млн р. дохода только с Колывано-Воскресенских заводов 15. За все время развития горно-заводского производства в районе Нерчинских заводов под управлением Кабинета было выплавлено золотистого серебра около 14 тыс. пудов. Колывано-Воскресенские заводы в дореформенный период дали 116 тыс. пудов серебра 16.

По подсчетам на 1 апреля 1786 г. стоимость всего имевшегося в «комнате Е.И.В.» имущества определялась суммой в 552015 р., на 1 августа того же года – в 618270 р. По данным за 1801 г. «мягкой рухляди», бриллиантовых и прочих изделий в «комнате Е.И.В.» было почти на 2 млн р. К концу царствования Александра I одни бриллиантовые украшения, хранившиеся в ней, стоили 1 млн р. 17

Истинная стоимость поступавшего в «комнату Е.И.В.» была неизмеримо выше приведенных сумм. Многие изделия, оплаченные из «комнатных сумм», передавались сразу адресату. Заказанный Екатериной II сервиз для ее «милого и возлюбленного князя Потемкина», как и многие другие заказы императоров за счет «комнаты Е.И.В.», не учитывался среди того, что в ней хранилось. В марте 1778 г. императрица писала барону Гримму: «...а чтоб сервиз вышел получше, я сказала, что он для меня» ¹⁸.

Не поддается общему учету все раздаренное русскими императорами и императрицами из «комнаты Е.И.В.». Однако по многочисленным свидетельствам все же можно составить примерное представление о размерах расходов и назначении средств «комнатной суммы».

Общеизвестно, как одаривала своих фаворитов Екатерина II. Английский посланник Гаррас писал, что семейство Орловых, кроме десятков тысяч крепостных душ, получило от Екатерины II 17 млн р. деньгами, дворцами, драгоценностями и посудой; Васильчиков за неполных два года: 100 тыс. р. (серебряных), 50 тыс. р. золотыми вещами, дом «с полной обстановкой» в 100 тыс. р., сервиз в 500 тыс. р., годовую пенсию в 20 тыс. р.; Потемкин за два года: драгоценностями, посудой, дворцами – около 9 млн р.; Завадовский за полтора года: 80 тыс. р. драгоцен-

ностями, 150 тыс. р. деньгами, сервиз стоимостью в 30 тыс. р. и пенсию в 10 тыс. р.; Зорич: за один год, кроме имений в Польше, Лифляндии, 500 тыс. р. наличными деньгами, 200 тыс. р. драгоценностями. При всех расхождениях цифр, приводимых по поводу расходов Екатерины II на содержание фаворитов, они, эти цифры, «ужасают своими размерами»¹⁹.

Общепризнано, что все фавориты Екатерины II обошлись в 92,5 млн р. Каждый фаворит наносил огромный ущерб государству: Екатерина не только не скупилась на подарки и пожалования, но и не имела привычки отбирать их после отставки очередного любимца²⁰.

Исследователи считают Екатерину II, осуждавшую расточительность Елизаветы Петровны, еще более расточительной. «Она сорила деньгами в масштабах, до того невиданных в России... Она стремилась к тому, чтобы ею восхищались и любили ее. Она использовала ум как одно из средств в завоевании всеобщего поклонения; деньги – как второе»²¹.

М.В. Кричевцев, оспаривая суждение Екатерины II относительно того, что интересы ее предшественников расходились с интересами государства, приводит пример с крупными займами, которые делали Елизавета Петровна и Петр III Сенату. Автор цитирует Екатерину II, писавшую о том, что Елизавета Петровна, накопив «под конец своей жизни елико возможно, копила деньги, держала их при себе, ничего не отпускала на государство, которое во всем чувствовало нужду: почти никто не получал жалованья. Петр III действовал почти так же. Когда у них просили денег на государственные потребности, они с гневом отвечали: «Добывайте, как знаете, эти прибереженные деньги наши». Екатерина II будто бы осуждала своих предшественников за то, что они отделяли свои личные нужды от нужд государственных. О себе она писала: «...видя, что нужда была настоятельная, объявила в полном собрании Сената, ...что все ей принадлежащее должно быть для государства, и чтоб вперед не делали никакого различия между ее собственными выгодами и государственными»²².

М.В. Кричевцев справедливо полагает, что, искажая истину для дискредитации своих предшественников, Екатерина II стремилась к возвеличиванию собственной особы.

Полностью доверяя тому, что о себе заявляла императрица, составитель энциклопедического справочника по истории России П.Г. Дейниченко пишет: «Каково было состояние страны, явствует из того, что уже в первые дни после переворота Екатерине пришлось думать о том, как остановить стремительный рост цен на хлеб и найти деньги на самые необходимые государственные нужды – русская армия в Пруссии уже восемь месяцев не получала жалованья». Факты общеизвестные. Какой

выход из ситуации нашла Екатерина II? В справочнике по этому поводу сообщается читателю: «Она разрешила Сенату использовать свои «комнатные деньги» — те, что считались собственностью государя и шли исключительно на его личные нужды (подчеркнуто мною. — A.Ж.). Членов Сената тронуло то, что императрица считает все принадлежащее ей собственностью государства и в будущем не намерена делать различие между интересами государственными и своими собственными». Оценка составителя справочника сводится к признанию: «Для Екатерины подобный шаг был совершенно естественным»

Источники пополнения государственного бюджета России

Русское правительство испытывало острую нужду в металлах, необходимых для выпуска денег. Еще до появления кабинетского хозяйства в Сибири правительством изыскивались различные источники получения благородных металлов. Указом 1711 г. владельцам золота, серебра, старых монет предписывалось продавать их только Купеческой палате, «иным кому мимо той Купецкой палаты» продавать запрещалось. Вскоре право приобретения благородных металлов и изделий из них для перечеканки в монеты получили монетные дворы. При Петре I отпускались деньги из государственной казны для закупки серебра на Макарьевской ярмарке, стали заключаться контракты с иностранцами на поставку в Россию серебра. В 40-е гг. XVIII в. был запрещен вывоз за границу золотых и серебряных монет, слитков, посуды из золота и серебра. Не только на монетных дворах, но и в портовых городах (Архангельске, Риге, Астрахани), на китайской границе скупались благородные металлы. В государственную казну поступали деньги, изготовленные из конфискованного золота и серебра²⁴.

Деньги изготавливались из золота и серебра, приобретавшихся путями, характерными для первой половины XVIII в. Кроме того, русские купцы, получавшие в обмен на товары от азиатских купцов золото и серебро в Оренбурге и Троицкой крепости, должны были сдавать металлы на монетные дворы. Указом Сената от 27 марта 1751 г. купцам разрешалось сдавать золото и серебро прямо в Оренбурге, а местные власти могли выплачивать им губернские деньги, которые затем возмещались монетными дворами. В указе отмечалось, что это уже практиковалось в предыдущие 1749 и 1750 гг. Вплоть до 70-х гг. XVIII в. драгоценные металлы были главным предметом ввоза в Россию из Средней Азии: серебро в персидских монетах, индийских рупиях, золото — в бухарских монетах. С 1748 по 1755 г. через оренбургскую таможню в Рос-

сию поступило 50 пудов золота, 4600 пудов серебра, много драгоценных камней. В эти официальные данные не вошли показатели контрабандной торговли. Азиатские купцы привозили много золотых и серебряных монет, зашитых в одежду, пояса, а местные власти с этим мирились, понимая, что «азиатцев, дабы не озлобить, крепко штрафовать не возможно». Так же, как и казахский скот, золото, серебро, драгоценные камни продавались беспошлинно²⁵.

C 40-х гг. XVIII в. прослеживается изготовление монет из золота, полученного с Нерчинских заводов. В августе 1742 г. Берг-коллегия о поступлении золота из Восточного Забайкалья сообщила в Сенат, распорядившийся передать его на монетный двор. Императрица Елизавета Петровна 16 февраля 1743 г. издала указ: «Оное золото (24 фунта. – A.Ж.) указали Мы переделать в червонные с Нашим портретом и гербом в городе Москве на монетном дворе» ^{26} .

В 50-е гг. XVIII в. заметно увеличилось поступление серебра с казенных заводов Восточного Забайкалья. Добыча серебра тогда в среднем перевалила за сотню пудов в год. На протяжении 1763–1769 гг. на Петербургский монетный двор поступило 2467 пудов серебра, в среднем по 352 с лишним пуда в год. В 70-е гг. поступление серебра выросло до 373 пудов в год.

А.И. Юхт считает, что с середины XVIII в. серебро, выплавлявшееся на Колывано-Воскресенских заводах, также поступало на перечеканку в монету, шедшую в государственную казну. На этом основании он пришел к выводу: «Крупные успехи сереброплавильной промышленности на Алтае и в Забайкалье значительно ослабили зависимость России от поставок серебра из других стран»²⁷.

И в сибиреведении начинают утверждаться позиции исследователей, полагающих, что с возникновением кабинетского хозяйства на Алтае появились благоприятные условия для решения проблемы пополнения государственной казны за счет золота и серебра с Колывано-Воскресенских заводов. Н.Л. Коньков со ссылкой на исследование А.И. Юхта считает, что из всего добытого с 1745 (автор почему-то полагает, что в этом, 1745 г., Алтайские заводы поступили в собственность Кабинета) по 1779 г. из добытого на Колывано-Воскресенских заводах серебра было получено до 500 пудов золота, из которого изготовлено монеты на сумму в 155596 р. За 1763—1779 гг. сумма изготовленных из серебра с Алтайских заводов (14492 пуда) монет составила 9985057 р. 28

В годы Семилетней войны Петр III передал колыванского золота и серебра на чеканку 1 млн р. На это обращает особое внимание М.В. Кричевцев для подтверждения тезиса об участии драгоценных ме-

таллов с Алтая в пополнении государственной казны. Как известно, это был не первый случай предоставления помощи за счет средств «комнаты Е.И.В.» в годы Семилетней войны. Все попытки правительства привести в соответствие доходы и расходы, чтобы «некоторую сумму для необходимых иногда чрезвычайных расходов оставить», не имели успеха из-за недостатка средств. Поэтому в наиболее затруднительных случаях императрица вынуждена была давать взаймы деньги из своих средств²⁹.

Летом 1758 г., в период Семилетней войны, когда ощущался острейший недостаток денежных средств, Сенат счел нужным для пополнения недостающих средств взять с Колывано-Воскресенских заводов «заимообразно 30 пудов золота и 200 пудов серебра, которое под имянными Е.И.В. указами состоит». В марте 1759 г. к императрице вновь была подана просьба о пожаловании с Колывано-Воскресенских заводов золота и серебра «с обязательством возвратить его теми же драгоценными металлами». Но лишь в декабре 1760 г. Сенат получил позволение «принять из Кабинета заимообразно 1 тыс. пудов серебра для переделки его в монету на содержание армии»³⁰.

Петр III, как и Елизавета Петровна, дал золото и серебро на чеканку 1 млн р. для содержания русской армии в ходе Семилетней войны также «заимообразно».

Позицию М.В. Кричевцева разделяет В.В. Ведерников. В диссертации, защищенной в 2002 г., он пишет: «Кричевцев опровергает стереотипное утверждение, что расходы Кабинета носили частный характер. Это касается колыванского золота и серебра. Небольшая часть его шла на изготовление дорогих вещей для императоров или их заказов для царственных родственников. Основная масса его предназначалась для чеканки российской монеты, оказывая тем самым важную услугу государству». В подтверждение данного заключения приводится пример передачи Петром III колыванского серебра и золота на чеканку 1 млн р. со ссылкой на диссертацию М.В. Кричевцева³¹.

Серьезного внимания заслуживают первые попытки молодого исследователя из Новосибирского университета А.Д. Бирюкова. Заинтересовавшись ролью Колывано-Воскресенских заводов в обеспечении сырьем Петербургского монетного двора в XVIII—XIX вв., он по данным А.И. Юхта выделяет основные источники монетарного золота и серебра.

Проследив процесс увеличения производства серебра и золота на Колывано-Воскресенских заводах с конца 40-х до начала 80-х гг. XVIII в., автор полагает, что во второй половине XVIII в. 1/3 серебра и

более половины золота, поставляемых на монетный двор, приходилось на Колывано-Воскресенские заводы.

В условиях постоянной нехватки золота и серебра для чеканки монеты в первой половине XVIII в., по мнению А.Д. Бирюкова, «только появление Колывано-Воскресенских заводов смогло решить проблему. К 70-м гг. отечественная добыча драгоценных металлов, решающую роль в которой играли алтайские предприятия, оттеснила прежние источники сырья для Петербургского монетного двора». Суть решения проблемы состояла, на взгляд А.Д. Бирюкова, в том, что за счет поставки на монетный двор с Колывано-Воскресенских заводов серебра и золота значительно укрепился российский бюджет, страдавший от непрерывных войн, которые вела Россия во второй половине XVIII в. 32

Заслуживает внимания также позиция Т.Н. Соболевой, полагающей, что при Екатерине II завершилось отделение личной канцелярии главы государства от «материальных дел» императрицы, средоточием которых становился Кабинет Е.И.В. На основании анализа указа Кабинету от 16 июля 1786 г. «О новом устройстве оного» автор приходит к заключению: «Его (Кабинета. – А.Ж.) «комнатная сумма» после 1786 г. была в определенной степени ориентирована на удовлетворение общегосударственных потребностей. Это касалось в первую очередь установленных законом окладных расходов». Т.Н. Соболева приводит размеры этих расходов по подсчетам М.В. Кричевцева за 1789 г. Расходы на пенсии, «единовременные выплаты по разным случаям и в пожалованья придворным, военным чиновникам, мастерам искусств, на содержание административного аппарата Кабинета, подчиненных ему учреждений, благотворительные выдачи поглощали 84 % доходов Кабинета. И только 16 % из них шли на удовлетворение пристрастий и личных прихотей Екатерины II».

Т.Н. Соболева (как и М.В. Кричевцев) полагает, что расходы Кабинета осуществлялись из поступления от управляемого им хозяйства в Сибири. При анализе вышеназванного указа о новом устройстве Кабинета исследовательница наибольшее внимание уделила анализу трех из 16 (9,13,14-й) пунктов этого документа. Она не учла того, что во 2-м пункте указа говорится о «наличных в Кабинете деньгах и вещах», которые должны были храниться в «казенной», куда доходы с Колывано-Воскресенских, а со следующего, 1787 г., и Нерчинских заводов не помещались. Уже с конца 40-х гг. XVIII в. в течение почти 40 лет к 1786 г. именным указом от 18 декабря было подтверждено, что Колывано-Воскресенские заводы «состоят в ведении Е.И.В., и доход, от них получаемый, взносится в комнату Е.И.В.».

Именным указом от 16 июня 1786 г. расходы по всем вышеперечисленным Т.Н. Соболевой статьям производились не из доходов от горнозаводского комплекса в Сибири. И те 16 %, которые шли «на удовлетворение пристрастий и личных прихотей Екатерины II, являлись дополнением к расходам императрицы за счет «комнатных сумм»³³.

Т.Н. Соболева считает, что в результате быстрого роста чиновничества при Екатерине II произошел подрыв царской монополии на политическую власть. Это, по ее мнению, сказалось и на сравнительно незначительных средствах, которыми императрица могла распоряжаться в личных интересах. Вряд ли можно согласиться с тем, что Екатерина II стала заложницей бюрократии и в какой-то степени была ограничена в контролирующих функциях.

Как свидетельствует И.В. Курукин, механизм управления страной при Екатерине II изменился. Расширилась практика выдачи пенсий из кабинетских (но не «комнатных». — А.Ж.) сумм, доходивших до 500 тыс. р. в год. «Но навсегда исчезли былые всесильные оберкамергеры и обер-егермейстеры, вроде отца и сына Долгоруких, Разумовского и Бирона или генерал-адъютанта типа П.И. Шувалова. Высшие придворные Екатерины (...Нарышкины, П.Б. Шереметев, И.И. Шувалов, М.К. Скавронский) — важные вельможи, но все они отстранены от государственных дел и замкнуты в своей сфере». Императрица многие дела решала по докладам Сената, коллегий и других мест самостоятельно. При Екатерине II заметно выросла роль фаворитов, но их статус был уже иным, чем при ее предшественниках.

В сфере внешней политики произошла замена Н.И. Панина И.А. Остерманом и А.А. Безбородко. Курс Екатерины II на прямое государственное обеспечение служащих усиливал зависимость чиновников от центральной власти. Хотя в первые недели после прихода к власти положение императрицы было не простым. Ей пришлось за верность и усердие при вступлении на престол вознаградить все гвардейские и расквартированные в столице полки. Все находившиеся в те дни в столице подразделения не просили, а требовали наград. К 10 июля гвардейские и армейские полки получили около 200 тыс. р. Кроме того, 3681 р. из «комнатных сумм» пошли на отправку в Германию голштинских солдат и офицеров. Но постепенно императрица сумела укрепить свое положение на троне. В немалой степени этого удалось добиться благодаря большим затратам денег из «комнаты» на единовременные выплаты ближайшему окружению императрицы. В 1765 г. входившие в него Орловы, Н.И. Панин, Теплов, Шаховской, Чернышев, Талызин единовременно получили из «комнатных сумм» около 250 тыс. р.³⁴

А что касается изменения функций Кабинета на основании указа от 16 июня 1786 г., как считает М.В. Бабич, он не утратил значения личной канцелярии. Еще с 40-х гг. XVIII в. при монарших канцеляриях состоял особый контингент лиц, отнесенных при Елизавете Петровне к «ведению Кабинета». Под их началом оказались серебро и медеплавильные и железоделательные заводы, императорские фабрики в Петербурге, его окрестностях. В Кабинете в ходе его реорганизации возникла экспедиция Колывано-Воскресенских заводов, действовавшая независимо от других его подразделений.

С конца 50-х до середины 80-х гг. XVIII в. кадровая, делопроизводственная, финансовая деятельность монарших канцелярий находилась в руках А.В. Олсуфьева. Другие императорские секретари единолично управляли своими канцеляриями. Но управлял всеми делами Кабинета А.В. Олсуфьев³⁵. Через него и его преемников императрица и императоры получали деньги, готовые изделия из драгоценных металлов из Кабинета или из «комнаты Е.И.В.» – в зависимости от предназначения запрашиваемого.

Сокращения средств в «комнате Е.И.В.» с 1786 г. не произошло. Они по-прежнему находились в полном распоряжении императрицы как лично ей принадлежащие. Кабинет до Николая II включительно заведовал императорской собственностью.

Применительно к концу XVIII в. Колывано-Воскресенские и Нерчинские заводы считают основными поставщиками серебра государству авторы коллективной монографии «Развитие горного дела в эпоху Екатерины II». Такого рода утверждения встречаются вплоть до недавнего времени. А.С. Мельникова, В.В. Уздеников и И.С. Шиканова утверждают: «Во второй половине XVIII века произошёл заметный сдвиг в решении острой для России проблемы денежного сырья. На Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводах началась промышленная добыча серебра... Это значительно ослабило зависимость России от закупок драгоценных металлов на Западе» (со ссылкой на монографию А.И. Юхта)³⁶. Самое интересное состоит в том, что, оказывается, рост объема производства серебра на Алтае не сопровождался улучшением ситуации с госбюджетом страны. Напротив, именно параллельно с рособъема производства золотистого серебра на Колывано-Воскресенских заводах государственный бюджет переживал все большие трудности.

В целях мобилизации внутренних ресурсов 14 ноября 1755 г. Елизавета Петровна распорядилась, чтобы Сенат секретно объявил статскому советнику и монетной канцелярии главному судье Шлаттеру: «...каким

бы образом и наилучшим способом имеющиеся в Сибири Нерчинские и прочие серебряные, кроме Колывано-Воскресенских, в ведомстве Кабинета находящихся, в состояние и размножение привесть», с выяснением того, «сколько казенного кошта» на это потребуется, кому «по знатности» можно поручить «главное смотрение»³⁷. Как уже отмечалось, с 50-х гг. XVIII в. выплавка серебра на Нерчинских заводах стала постепенно возрастать.

Вступив на престол, Петр III обнаружил «в закромах Кабинета» не менее 500 тыс. р. наличными, кроме того, значительную сумму в виде золота и серебра с Алтайских заводов. Часть колыванского металла по повелению Петра III была отпущена «печальной комиссии», занимавшейся подготовкой похорон Елизаветы Петровны «на делание» 200 медалей и 500 жетонов из золота, 1500 медалей и 10000 жетонов из серебра. Уже после похорон Елизаветы Петровны, когда оказалось, что сделанных памятных знаков не хватило, из Кабинета ушло колыванского металла на изготовление 421 знака «в золоте» и 5320 — «в серебре». Кроме того, в мастерской ювелира И. Позье из колыванского золота была изготовлена корона для умершей императрицы и из серебра — прибор к гробу. Петр III выплатил кредиторам деньги на общую сумму около 5,5 тыс. р. из «своей кабинетской казны» за должников, находившихся под караулом в конторе главного магистра.

Как установлено И.В. Курукиным, вскоре по восшествии Петра III на престол последовали крупные раздачи: 150 тыс. р. – на строительство Зимнего дворца, 60 тыс. р. – на Ораниенбаум, 60 тыс. р. предполагалось потратить на коронацию, намеченную на сентябрь 1762 г., 20 тыс. р. получила фаворитка императора. Выписанные для него «импортные обновки» обошлись в 10 тыс. р. Петр III из кабинетских сумм выделил 100 тыс. р. «для переводу в Голштинию». Поскольку наличные запасы денег оказались быстро исчерпанными, император даже пошел на расход 120 тыс. р., предназначенных для Павла – наследника престола. Он оказался вынужденным прекратить оплату счетов покойной Елизаветы Петровны частным лицам. А по счетам Петра III Екатерина II рассчитывалась до 1767 г. – за мундиры, позументы и «прочую амуницию», за посуду, мебель, книги.

И.В. Курукин считает, что Екатерина II несправедливо упрекала Петра III «в расходовании кабинетских доходов только на себя». В подтверждение своего мнения исследователь достаточно подробно исследовал вопрос о выделении Петром III золота и серебра с Колывано-Воскресенских заводов на чеканку монет на сумму в 1 млн р. Автора интересовало прежде всего то, удалось ли Петру III удовлетворить за-

просы на расходы для военных нужд. Оказалось, что на военные расходы в 1762 и 1763 гг. требовалось 8 млн р., сумма, которая превышала в то время половину годового бюджета. Сенату пришлось заняться изысканием внутренних резервов «в виде поступавшего из Нерчинска золота и серебра». Но основным источником получения требуемой суммы император считал только бесперебойную работу монетных дворов по перечеканке медных и серебряных денег. Принятые меры обеспечили поступление в Кабинет более 2 млн р. «всяких чрезвычайных доходов», в том числе с Алтайских заводов. По иронии судьбы, заключает И.В. Курукин, этими деньгами Екатерина II рассчитывалась с участниками дворцового переворота 28 июня 1762 г. 38

В первые дни восшествия на престол Екатерины II Сенат сделал ей представление «о крайнем недостатке денег в казне». Вскоре сама императрица вынуждена была признать, имея в виду дефицит государственного бюджета: «Нигде ныне денег нет, что и правда»³⁹.

Поэтому особенно в первое десятилетие правления Екатерины II ей пришлось уделять много внимания решению проблемы пополнения государственной казны за счет различных источников.

Одним из источников поступления серебра являлись таможенные сборы от внешней торговли. Во второй половине XVIII в. от пошлинных сборов, по данным А.И. Юхта, ежегодно поступало в среднем 1250 пудов серебра⁴⁰.

В 60-е гг. XVIII в. на изготовление монет для государственной казны использовались металлы, поступившие в Россию из Персии через обер-директора Персидской торговой компании. Часть серебра в иранской монете поступала от казахов⁴¹. По контрактам с зарубежными поставщиками с 60-х гг. XVIII в. в течение 16 лет было приобретено 4207 пудов серебра⁴².

В 1769 г. в Государственном совете началось обсуждение вопроса о возможности передела в деньги турецких пушек⁴³. В письмах к Вольтеру Екатерина II, подробно описывая успехи русских войск на полях сражений с турками, в августе 1770 г. сообщала своему корреспонденту: «с прошлого года мы отняли у врага около 500 пушек»⁴⁴.

К концу апреля 1771 г. из турецких пушек было изготовлено медной монеты на 0,5 млн р. с изображением гербов Молдавского и Валашского княжеств. С российскими купцами, поставлявшими в русскую армию припасы, рассчитывались этими деньгами. Маркитанты в середине 70-х гг. добивались принятия от них в казну монет, изготовленных из турецких пушек, и выдаче им денег, имевших хождение в России⁴⁵.

Еще до начала выпуска медных денег из турецких пушек в целях сокращения дефицита государственного бюджета с 1 января 1769 г. в денежное обращение стали вводиться бумажные ассигнации, которые приравнивались к «ходячим монетам».

Сначала ассигнаций было выпущено на сумму в 1 млн р. Через 18 лет — уже на 100 млн р., а в конце царствования Екатерины II — на 158 млн р.

При этом надежность бумажных денег императрица гарантировала не только от себя лично, но и от имени своих преемников: «Мы императорским словом торжественно объявляем за нас и приемников престола нашего, что по тем государственным ассигнациям всегда исправная и верная последует выдача денег требующим оную из банка». Однако объемы и реальная стоимость ассигнаций скоро разошлись. К 1796 г. стоимость одной ассигнации равнялась 69 к., к 1822 г. она снизилась до 26.4 к. 46

«Золотое время» государственного бюджета России во второй половине XVIII в.

В конце 60-х гг. XVIII в. было объявлено повеление Екатерины II рассмотреть в Государственном совете возможность «чрез уменьшение иных расходов получить некоторую выгоду». При этом, естественно, имелось в виду сокращение расходов не самой императрицы⁴⁷. А к этим годам уже было что ей расходовать за счет, как считает И. Лосиевский, «своих личных сбережений»⁴⁸.

Но представляется, что более естественна для императрицы была трата денег из «комнаты Е.И.В.» без какого-либо учета государственных потребностей в деньгах для казны.

Уже с 60-х гг. XVIII в. Екатериной II тратились огромные средства на приобретение многочисленных европейских коллекций картин и различного рода собраний, которые собирателями накапливались веками.

В 1771 г. в Балтийском море затонул корабль с отправленной на нем коллекцией картин из Голландии. По этому поводу императрица писала Вольтеру: «Потеряно было всего 60000 червонцев. Надобно обойтись без них, в нынешнем году я имела несколько неудач в подобных случаях, что делать? Остается только утешиться» ⁴⁹.

В начале следующего, 1772 г., Вольтер пишет Екатерине II: «Позвольте мне сказать Вашему Величеству, что Вы непостижимы. Едва море Балтийское поглотило картины... которые Вы выписали для себя из Голландии, как Вы покупаете во Франции на 450 тыс. ливров. Сверх

того Вы собираете еще в Италии тысячу редкостей. Признаюсь Вам искренно, я не знаю, откуда Вы берете столько денег?»

В августе того же года Вольтер снова изумлен: «В газетах пишут, что Вы покупаете в Амстердаме бриллиант почти в три миллиона», на что Екатерина II отвечает: «Торгую алмаз величиною с яйцо». На вопрос Вольтера, откуда императрица берет деньги, она отвечает: «Не судите о наших деньгах по доходам других разоренных государств европейских, вы обидите меня этим».

Говоря о финансовых затратах Екатерины II, следует отметить исключительную ценность ее признания по поводу источника расходов на покупку картин: «Вы удивитесь, — писала она в ответ на изумление Вольтера, — что я покупаю много картин, может быть, для меня было бы лучше покупать их поменьше в настоящую минуту, но упущенные возможности не возвращаются; к тому же мои собственные деньги не смешиваются с государственной казной» (подчеркнуто мной. — A.Ж.) ^{50} .

В «комнату Е.И.В.» были «снесены с четырех концов света золотые и серебряные вещи (в том числе и изготовленные из алтайского и нерчинского золота и серебра. — A.Ж.) и драгоценные камни с огромным количеством сибирских ясписов и агатов. В 1777 г. Екатерина II писала барону Гримму: «У меня целый лабиринт комнат, несмотря на то, что я одна; все это полно роскоши... это помещение (здание Эрмитажа. — A.Ж.) получило наименование императорского музея, и раз туда попадешь, то трудно отгуда уйти — столько там любопытного... Всем этим любуются мыши и я». В 1790 г. она ему же писала: «Мой музей в Эрмитаже состоит, не считая картин и лоджий Рафаэля, из 38000 книг, четырех комнат, наполненных книгами и гравюрами, 10000 резных камней, приблизительно 10000 рисунков и собрания естественно-научного, заполняющего две большие залы». В здании Эрмитажа была Алмазная комната, в которой сверкали все драгоценности русских царей ^{51} .

Обладание колоссальными денежными средствами «комнаты Е.И.В.» позволяло императрице не ограничивать себя в удовлетворении постоянно растущих запросов и при этом сохранять хорошую мину перед лицом мировой общественности в условиях все ухудшавшегося положения дел в государственной казне. Лишь время от времени Екатерина II, как и ее предшественники, шла на выделение средств из «комнаты Е.И.В.» на общегосударственные нужды. Имели место факты отпуска денег по распоряжению Екатерины II 20 июля 1762 г. в дворцовую канцелярию 50 тыс. р., «но заимообразно» («а на Москве оные деньги с канцелярии взять»), 10 тыс. р. – в Коллегию иностранных дел – 26 августа 1762 г., тоже «заимообразно»; 30 ноября 1762 г. – в Иностранную

коллегию «заимообразно». В сентябре 1787 г. граф А.А. Безбородко объявил Сенату о повелении Екатерины II Кабинету о передаче им половины полученной золотой и серебряной монеты на нужды войны в обмен на государственные ассигнации.

В следующем, 1788 г., Кабинет заплатил 2006 р. за 100 быков, отправленных для войны в Финляндии⁵². Но выделяемые время от времени средства из «комнатной суммы» были каплей в море быстро растущего дефицита государственного бюджета страны.

С 1769 г. Россия впервые прибегла к иностранному займу для покрытия расходов на Русско-турецкую войну 1768—1774 гг. В дальнейшем царское правительство стало регулярно пользоваться услугами зарубежного денежного рынка. К концу XVIII в. долги России вызывали обеспокоенность государственных деятелей. С 1797 по 1800 г. государственный казначей Васильев заплатил внутренних и внешних долгов около 170 млн р., после чего их осталось еще на 85 млн р., на 7 млн р. с лишним меньше, чем обошлись Екатерине II вознаграждения ее фаворитам.

Покрытие дефицита государственного бюджета не сопровождалось тратой «комнатных денег». Правительство в поисках средств для удовлетворения потребностей в деньгах шло по пути повышения цен на соль и вино, прямых и косвенных налогов, выпуска медных денег и бумажных ассигнаций, внутренних и внешних займов⁵³.

Сведения о расходовании «комнатной суммы» содержатся в императорских записках, распоряжениях, переписке придворной знати на всем протяжении рассматриваемого периода, в дневниковых записях государственных деятелей, биографических очерках некоторых из них.

Как и прежде, в первой половине XIX в. большие затраты производились в дни коронации императоров. Одних золотых и серебряных медалей (около 3 тыс.) с надписью: «Залог блаженства всех и каждого» на одной стороне и на лицевой стороне – с профильным изображением Николая I получили знать и зарубежные гости в день его коронации⁵⁴.

О своем хозяйстве в Сибири императоры имели весьма смутное представление. В феврале 1771 г. почти 10 лет владевшая Колывано-Воскресенскими заводами Екатерина II писала Олсуфьеву: «Адам Васильевич, пришлите ко мне выписку о Колыванском самом богатом руднике; я разговаривала о куске золота отменной величины, который там находится, но не умела сказать, рудник ли семидесятисаженный или подобной кусок золота, но помнится подобное и читала, и вы мне сказывали»⁵⁵. Однако это вовсе не мешало императрице иметь постоянно

хорошую осведомленность о доходах, поступавших в «комнатную сумму» от Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов.

Владелец кабинетского хозяйства не как глава государства, а как крупнейший помещик России получал от него доходы в виде серебра, золота, цветных камней и изделий из них, составивших «камнерезную красоту» Эрмитажа. Золото и серебро использовались на изготовление монет, поступавших в «комнатную сумму», которая тратилась по усмотрению владельца Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов не на общегосударственные нужды.

Основную часть поступлений в «комнату Е.И.В.» составляли доходы от кабинетского хозяйства в Сибири. Пополнение ее за счет поступлений с части доходов с Гороблагодатских и Камских заводов, соляного и таможенного сборов, от передела монет «с убавкою веса» было не постоянным и не столь значительным по сравнению с личными доходами императоров от Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов. За время существования кабинетского хозяйства в Сибири в дореформенный период из него поступило в Санкт-Петербург около 115 тыс. пудов серебра, содержащего более 2 615 пудов золота. Кроме того, Кабинет получил из Сибири различных изделий из цветных камней стоимостью в 1 млн р. 56

Развитие кабинетского хозяйства в Сибири не сопровождалось использованием доходов его владельца на производственные нужды страны.

Обладание колоссальными денежными средствами, сосредоточенными в «комнате Е.И.В.», позволяло императрице не ограничивать себя в удовлетворении постоянно растущих её запросов в условиях всё ухудшавшегося положения в государственной казне.

Покрытие растущего дефицита госбюджета не сопровождалось тратой «комнатных» сумм. Кроме указанных выше источников пополнения государственной казны, правительство в поисках средств шло по пути повышения цен на соль и вино, прямых и косвенных налогов, внутренних и внешних займов.

Большая часть доходов кабинетского хозяйства тратилась на удовлетворение личных потребностей императоров, богатства которых широко рекламировались перед русской знатью, зарубежными гостями, иностранными послами и народом в дни грандиозных празднеств по поводу коронаций. Одним из способов этой рекламы являлись императорские пожалования деньгами из «комнатной суммы», а также различными знаками отличия, предметами роскоши, оплаченными также из «комнатной суммы». Полученные в виде пожалования деньги знать, как и прежде, тратила и на приобретение новых земель. Генерал Дибич, к

примеру, купил землю в Крыму на деньги, подаренные ему Александром I в октябре $1825~{\rm r.}^{57}$

Императорские портреты, украшенные бриллиантами «для ношения на ленте», орденские знаки, осыпанные алмазами, табакерки (финифтяные с золотом, золотые, эмалевые и т.д.), бриллиантовые перстни, золотые и серебряные сервизы, украшенные бриллиантами шпаги, медали, золотые часы, бриллиантовые эполеты, аксельбанты, пуговицы, золотые и серебряные кубки, кружки, паникадила, лампады, различные церковные сосуды «с антиками и бриллиантами», рубинами, туалетные столы, золотые флаконы и «прочие безделушки» – это, видимо, не полный перечень императорских пожалований светским и духовным лицам по самым различным поводам. Царских милостей удостаивались иногда и провинциальные чиновники, некоторые представители купечества, знати национальных окраин России.

Высшая знать нередко получала царские дары без всяких серьезных поводов для этого. 31 июля А.В. Храповицкий был искренне удивлен неожиданным подарком: «Ея Величество, в шутках, похуля мою шпагу, пожаловала мне из новокупленных тульских эфес»⁵⁸. Но он же считал вполне законным пожалование ему по «случаю торжества шведского мира» бриллиантового перстня, 6 тыс. р. «единовременно» и пенсии в 2 тыс. р. ⁵⁹

В своей «Автобиографии» А.В. Суворов не назвал одну Андреевскую звезду с бриллиантами, полученную за царским столом, когда он обратил на себя внимание императрицы тем, что ничего не брал с подносимых блюд, так как тогда соблюдал пост. Екатерина тут же передала ему коробочку со звездой, сказав при этом: «Надеюсь, теперь вы не откажитесь покушать за нашей трапезой» 60.

Мало кто из знати мог устыдиться от получения наград ни за что. Лишь П.В. Лопухин однажды признался А.Р. Воронцову: «Без всяких заслуг от Ее Императорского Величества в короткое время награжден, то и постыдно» ^{61} .

В абсолютном же своем подавляющем большинстве придворная знать, военные и гражданские чины в центре и на местах всегда с нетерпением ожидали новых наград. Для высшей знати они были одним из источников ее обогашения.

Отмеченная еще дореволюционными исследователями склонность Екатерины II к «расточительству», которое она и сама не отрицала, нашла объективную оценку в суждениях ее современников. Статссекретарь Екатерины II А.М. Грибовский совершенно справедливо заметил: «Она делала дары всякого рода... как особа, желающая иметь добрых служителей» ^{62} . Есть все основания полагать, что прежде всего желанием иметь «добрых служителей» руководствовались все преемники императрицы, не скупившиеся на «милости».

Челобитную крупнейшего государственного деятеля времен Елизаветы Петровны, канцлера М.Л. Воронцова, сумевшего наилучшим образом выразить чаяния и устремления придворной знати, мог бы подписать любой ее представитель любого другого времени: «Мы все верные ваши рабы, — писал М.Л. Воронцов, обращаясь к Елизавете Петровне, — без милости Вашей и награждения Вашего Императорского Величества прожить не можем. И я ни единого дома фамилии в государстве не знаю, который бы собственно без награждения монаршеских щедрот себя содержал». Много лет спустя сын М.Л. Воронцова Семен Романович писал: «Отец мой был богат собственным именем и <u>еще более шедротами императрицы»</u> (подчеркнуто мной. — A.Ж.).

В письме к Екатерине II из Парижа 26 января 1764 г. Гримм писал: «Щедроты Ваши не знают ни исключений, ни пределов». Отмеченное им стало характерным для императрицы на все время ее правления⁶³.

Царские дары, в зависимости от того, кому они предназначались, кроме своей материальной ценности, имели различные смысловые нагрузки как знак определенного расположения дарителя к придворным: чести купцу за благотворительность, награды за подвиги полководцу или офицеру, иностранному послу как дипломатический акт и одновременно как демонстрация имперских амбиций, — очень емко сказано о том, что играло важную роль в жизни верхов российского общества⁶⁴.

Главным источником расходов на царские подарки продолжали оставаться «горные рудокопные заводы, состоящие в Колывано-Воскресенске и Нерчинске» ^{65} .

Каждая эпоха по-своему осмысливает понятие богатства. В XVIII в. роскошь нашла свое воплощение в театрализации жизни дворов. Не случайно объектом нападок Дидро оказались столицы, безудержно проповедовавшие стремление к эффектной жизни. Если в предшествующем XVII в. могущество царской власти подчеркивалось церковными церемониями, с середины XVIII в. оно стало демонстрироваться многодневными празднествами императорского двора. Они должны были показать всесилие власти монархов⁶⁶.

Любопытно то обстоятельство, что все, кто в какой-то степени занимается изучением истории России XVIII–XIX вв., обращают внимание на необычную роскошь двора. Но есть основания считать, что никто не задается вопросом, откуда черпались средства для такой жизни и щедрости российских императоров.

Крупнейшие исследователи российской истории этого времени, как правило, такого вопроса и не ставят перед собой. А те историки, которые задаются им, дают ответ, далекий от истины. В частности, М.В. Черников пишет: «Екатерина II обнаружила удручающую картину. Непосредственные предшественники Екатерины на троне — Елизавета Петровна и Петр III — забирали себе все казенные доходы, поэтому казна почти никому не платила» 67.

Американская исследовательница Сюзанна Масси на поставленный ею вопрос «Откуда брались средства, которые расточала Екатерина II?», дает ответ: «Богатейшая Россия, торговавшая зерном, крупным рогатым скотом, древесиной, кожей и мехами, предоставляла ей для этого средства» – «деньги – мощное оружие, позволявшее завоевывать сердца людей» 68.

Ричард Пайпс считает: «Члены императорской фамилии, обладавшие правами наследования престола, получали доходы из государственной казны, прочие содержались за счет дворцовых сел»⁶⁹.

Ни одно из приведенных объяснений по поводу того, чем располагали российские императоры, начиная с середины XVIII в., не отражает реальной ситуации.

Россия не «предоставляла» Екатерине II деньги, доходы, которые она получала из государственной казны в виде жалования или из дворцовых сел. Они не могли бы обеспечивать те богатства, которыми располагали императрица и ее преемники за счет доходов от кабинетского хозяйства в Сибири. Совершенно не случайно в записке о «России...» А.Р. Воронцов особо подчеркивал расцвет роскоши при дворе со времен правления Елизаветы Петровны, во время которого на Алтае были изъяты у Демидовых сереброплавильные заводы.

Л.Н. Семенова подчеркивает, что в советское время история императорского двора была представлена предметом не столько изучения, сколько обличения. «Практически, – пишет автор, – во всех исследованиях с неизменным постоянством подчеркивались его паразитизм, роскошь и распутство. Однако эти характеристики не дают даже отдаленного представления о подлинной роли двора в истории Петербурга» Роль двора, по справедливому мнению Л.Н. Семеновой, была огромна не только в создании облика уникального города, каким был и есть Санкт-Петербург. При том размахе строительства, который имел место с середины XVIII в., обеспечивалась занятость значительной части горожан. Но разве это исключает паразитизм и роскошь двора, сопровождавшиеся непроизводительными тратами огромных средств, которые обеспечивались и эксплуатацией десятков тысяч крестьян, приписанных к Колывано-Воскресенским и Нерчинским заводам в пределах кабинетского хозяйства?

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 2000. С. 8; Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке. Традиции и модернизация. М., 1999. С. 181.
- ² Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1878. Т. 3. С. 76; Книга записная имянным письмам и указам императрицы Анны Иоановны и Елизаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732–1742. М., 1848. С. 235.
- ^{3} Сборник указов по монетному и медальному делу в России. СПб., 1887. Вып. 1. С. 385–386.
  - ⁴ Там же.
- ^{5} Опись высочайшим указам и повелениям. СПб., 1878. Т. 3. С. 278; Архив князя Воронцова. М., 1871. Кн. 3. С. 651–652; Записки Екатерины II. 1907. С. 120–121, 413.
  - ⁶ Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 2000. С. 266.
- ^{7} Из бумаг Елизаветинской канцелярии, 1756 г. // Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 3. С. 530.
  - ⁸ Записки Екатерины II. 1907. С. 120-121, 413.
- ^{9} Кричевцев М.В. Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III. Исторический очерк. Новосибирск, 1993. С. 51.
  - ¹⁰ Сокровища Эрмитажа. Альбом (2-е изд.). Л., 1969. С. 93.
  - ¹¹ Из писем Екатерины II А.В. Олсуфьеву // Русский архив. М., 1963. С. 448–449.
- ^{12} Собственноручныя письма и записки императрицы Екатерины II к А.В. Храповицкому // Русский архив. М., 1872. С. 2073.
  - ¹³ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 349. Л. 1, 14; Д. 805. Л. 77, 83.
  - ¹⁴ Там же. Д. 490. Л. 1; Д. 500. Л. 2; Д. 820. Л. 1, 450; Д. 851. Л. 78; Д. 893. Л. 2.
- ¹⁵ГАЧО. Оп. 2. Д. 23. Л. 19,20; Оп. 1. Д. 294. Л. 176,231; Д. 367. Л. 84,214; РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 490. Л. 1; Д. 500. Л. 2,6; Д. 820. Л. 1,45; Д. 851. Л. 78; Д. 893. Л. 2; Оп. 43. Д. 794. Л. 6–об.; Барнаул / Сост. А.Д. Сергеев. Барнаул, 1980. С. 21.
  - ¹⁶ Розен М.Ф. Очерки по истории горного дела на Алтае. Барнаул, 1955. С. 39.
- ¹⁷ 200-летие Кабинета Е.И.В. 1704—1904. СПб., 1911. С. 401; Балансовая ведомость о суммах Кабинета: Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е.И.В. канцелярии // Русский архив. М., 1908. Вып. 6. С. 1–3; Русский архив. М., 1901. Вып. 7. С. 385.
  - ¹⁸ Из писем Екатерины II барону Гримму // Русский архив. М., 1878. Кн. 3. С. 47.
- ^{19} . Петинова Е.Ф. Во дни Екатерины. СПб., 2002. С. 190; Доминик Ливен. Аристократия в Европе 1815—1914. СПб., 2000. С. 56, 191.
- ^{20} . Павленко Н.И. Екатерина. М., 1999. С. 389; Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. СПб., 1998. С. 380.
  - ²¹ *Сюзанна Масси*. Земля Жар-птицы. СПб., 2000. С. 141.
  - ²². Кричевцев М.В. Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III... С. 71–72.
- ^{23} . Полный энциклопедический справочник. История России в картах, схемах, таблицах / Авт. и сост. П.Г. Дейниченко. М., 2003. С. 165.
- ²⁴. Спасский И.Г. Русская монетная система. Л., 1970. С. 168, 169, 190, 211, 213; Дьяков А.Н., Уздеников В.В. Монеты России и СССР. М.: Советская Россия, 1978. С. 79; Гиль Х., Ильин А. Русские монеты, чеканенные с 1701–1904 г. СПб., 1904. С. Х.; Сборник указов по монетному и медальному делу в России... СПб., 1887. Вып. 1. С. 88, 89, 101, 123, 127, 230, 231, 259, 291–92, 302–306, 339, 341.
- ^{25} . Сборник указов по монетному и медальному делу... СПб., 1887. Вып. 1. С. 399—460; *Зобов Ю*. Мосты в полуденную Азию. У истоков российско-казахской коммерции // Родина, 2004. № 2. С. 64—65.

- ²⁶. Сборник указов по монетному и медальному делу... СПб., 1887. Вып. 1. С. 293.
- ^{27} *Юхm А.И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.: Финансы и статистика, 1994. С. 230, 231.
- ^{28} Коньков Н.Л. «Имеет хождение в Сибири». Денежное обращение в Сибири в XVII—XVIII вв. Тобольск 1999. С. 99–100.
- ²⁹. *Кричевцев М.В.* Кабинетская система Центрального управления горно-заводским хозяйством Урала и Сибири во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1994; *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 248.
- $^{30}.$ История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911. Т. 2. СПб., 1911. С. 110.
- ³¹. Ведерников В.В. Горные инженеры Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1747–1896 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. С. 26.
- ³². Бирюков А.Д. О роли Колывано-Воскресенских заводов в обеспечении сырьем Петербургского монетного двора в XVIII–XIX вв.: Матер XLI Междун. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 2003. Ч. 1. С. 142–145.
- 33. Кричевцев М.В. Финансы Кабинета Екатерины II (к проблеме владельческой принадлежности императорской казны и кабинетских предприятий в Сибири) // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII—XX века). Бахрушинские чтения 1997 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1999; Соболева Т.Н. Управление Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа... С. 11; ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 22. № 16946; Жеравина А.Н. Поступления в «комнату Е.И.В.» от кабинетского хозяйства в Сибири (1747—1861 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 87—92
  - ³⁴. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 416, 417, 437, 439, 440.
- ³⁵. *Бабич М.В.* Из истории государственных учреждений XVIII в.: Кабинет Императорского Величества // Вестник Моск. ун-та. Сер. История. 1998. № 6. С. 22–24, 26, 27.
- ³⁶ Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С. Деньги в России. История русского денежного хозяйства с древних времен до 1917 г. М., 2000. С. 268.
  - ³⁷ Сенатский архив. Т. 9. 1901. С. 462.
  - ³⁸ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 388–391.
  - ³⁹ Русский архив. М., 1863. С. 423–424.
  - ⁴⁰ Юхт А.И. Указ.соч. С. 231.
  - 41 Сенатский архив. Т. 17. 1913. С. 203; *Юхт А.И.* Указ. соч. С. 233.
  - ⁴² Юхт А.И. Указ. соч. С. 232.
- ⁴³ Сенатский архив. Т. 12. 1907. С. 32; *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 248.
  - ⁴⁴ Императрица Екатерина II. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003. С. 758.
  - ⁴⁵ Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1. С. 311–314.
- ⁴⁶ Белоусов Р.А. Государственный бюджет дореволюционной России // Экономическая история России XIX–XX вв.; современный взгляд. М., 2000. С. 38–40.
  - ⁴⁷ Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1. Ч. 1. С. 411.
- ^{48} Лосиевский И. С пером и скипетром // Императрица Екатерина II. О величии России.
- ⁴⁹ Неверов О.А., Пиотровский М.В. Эрмитаж: Собрания и собиратели. СПб., 1997.
- С. 21. ^{50} Переписка Екатерины Великой с господином Вольтером. М., 1803. Ч. 1. С. 79, 112–113; Ч. 2. С. 31.
  - ⁵¹ Из писем Екатерины II барону Гримму // Русский архив. М., 1878. Кн. 3. С. 65.

 ^{52} Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Санкт-Петербургском архиве за XVIII век... Т. 1. С. 140; Т. 2. С. 123; Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1. Ч. 3. С. 315; Собственноручные письма и записки императрицы Екатерины II // Русский архив. М., 1901. Вып. 6. С. 59.

⁵³ Архив князя Воронцова Кн. ZIII. М., 1879. С. 331, 376; Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. С. 613; *Щацилло М.* На деньги немецких кухарок. Иностранный капитал в царской России // Родина. 2004. № 4. С. 20–21; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1889. Вып. 3. С. 329, 368, 369; *Троицкий С.М.* Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. (20–60-е годы) // История СССР. 1957. № 3. С. 180–181; *Он жее.* Финансовая политика русского абсолютизма... С. 213–330, 348.

⁵⁴ Историческое описание священнейшего коронования императора Николая Павловича и императрицы Александры Федоровны в 22 день, и всех предшествовавших и последовавших за оным торжеств в Москве // Отечественные записки СПб., 1827. Ч. 31. Кн. 39. С. 382; Приложение к историческому описанию коронования Е.И.В. Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Федоровны // Отечественные записки. СПб., 1828. Ч. 33. С. 380–389.

⁵⁵ Из писем Екатерины II А.В. Олсуфьеву // Русский архив. М., 1963. С. 453.

⁵⁶ Подечитано по материалам: РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 794. Л. 13–14; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 367. Л. 214, 290, 495, 617; Д. 498. Л. 233; Д. 611. Л. 8; Д. 529. Л. 772, 843, 907; Д. 854. Л. 721, 742, 776, 793, 802; Д. 967. Л. 238, 302; Д. 1027. Л. 3; Д. 1058. Л. 14, 194, 395; Д. 1164. Л. 158, 555, 1019, 1104; Д. 1580. Л. 14, 195, 316; *Ледебур К.Ф.* Путешествие по Горному Алтаю...С. 298, 305–306; *Струков М.И.* Краткий очерк Алтайского округа. СПб., 1896. С. 7.

⁵⁷ Архив князя Воронцова. Кн. 24. М., 1880. С. 217–218.

⁵⁸ Дневник статс-секретаря Екатерины Великой А.В. Храповицкого. 1788–1793 // Русский архив. М., 1901. Вып. 10. Приложение. С. 255.
⁵⁹ Указ. соч. // Русский архив... Вып. 7. С. 203.

 ^{60} Записки Петра Петровича фон Геце. Князь А.Н. Голицын и его время // Русский архив. М., 1902. Вып. 9. С. 69.

⁶¹ Архив князя Воронцова. Кн. 24. М., 1880. С. 217–218.

⁶² *Брикнер А.Г.* История Екатерины Второй. СПб., 1885. С. 140; Записки о императрице Екатерине Великой... Андриана Моисеевича Грибовского. М., 1864. С. 42.

⁶³ Архив князя Воронцова. Кн. 11. С. 618; *Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885. С. 222; Письма барона Мельхиора Гримма к императрице Екатерине II // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1881. Т. 33. С. 1.

⁶⁴ *Келлер Е.Э.* Праздничная культура Петербурга. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. С. 240.

 ^{65} Письмо Н. Селявина П.Д. Киселеву от 30 ноября 1826 г. Архив графа П.Д. Киселева // Русская старина. 1900. № 3. С. 655.

⁶⁶ *Ястребов А.* Богатство и бедность. Поэзия и проза денег. М., 1999. С. 23–24; *Тро-ицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 248.

⁶⁷ Черников М.В. Философия правды в русской культуре. Воронеж, 2002. С. 85.

⁶⁸ *Масси Сюзанна*. Земля Жар-птицы. СПб., 2000. С. 141.

 ^{69} *Пайпс Р.* Собственность и свобода. Московская школа политических исследований, 2000. С. 261.

⁷⁰ Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 135.

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ПРИПИСНОЙ ДЕРЕВНИ И ГОРНО-ЗАВОДСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Расселение пришлых в районе Колывано-Воскресенских заводов

Интеграция приписной деревни и горно-заводского производства нашла свое воплощение, начиная с процесса заселения района Колывано-Воскресенских заводов пришлыми на протяжении 1747–1757 гг.

В 1747 г. вместе с изъятыми у А. Демидова Барнаульским и Колыванским заводами в ведение Кабинета перешли 12 деревень Бердского острога, 17 деревень Белоярской, 5 деревень Малышевской слобод с жившими в них приписными крестьянами (3121 душа м.п.). Тогда же была осуществлена приписка 38 деревень Кузнецкого и Томского уездов (4664 души м.п.)¹.

Указом 12 мая 1747 г. об изъятии демидовских заводов на Алтае предусматривалось заселение земель «по рекам, близ оных текущим». Предполагалось размещение там всех пришлых в Сибирь, выявленных во время проведения II ревизии. Специальная экспедиция, работавшая по заданию горного начальства, пришла к заключению о возможности создания по берегам Чарыша, Алея и Убы 63 населенных пунктов с 1358 дворами.

К тому времени лишь в нескольких местах оказались поселившиеся по своей инициативе. Некоторые выходцы из Екатеринбургского, Тобольского ведомств, из деревень, прилегавших к городам Ишиму, Кунгуру, жили в промышленных избушках².

От крестьян, пришедших на Алтай еще в 20–30-е гг. XVIII в., обнаруженных в деревнях Белоярской слободы, потребовали переселения «с пожитками и детьми в назначенные по указу места». В Кузнецкой воеводской канцелярии получили паспорта для следования к местам поселения государственные крестьяне Чердынского уезда, г. Тотьмы, дворцовые крестьяне Московской и Нижегородской губерний, не знавший родства Т. Родионов и другие крестьяне, жившие в деревнях Бердского острога и Белоярской слободы³.

В деревнях ведения Чаусского острога в приписных крестьянах оказались бывшие оброчные крестьяне, казачьи и драгунские дети, отставные казаки – всего 71 душа м.п. ⁴

Через десятилетия потомки отставных солдат, казаков, пришлых из деревень Тарского, Тобольского ведомств, Ишимского дистрикта,

г. Чердани, бобыля Никольского монастыря г. Верхотурья, оказавшихся по своей воле на Алтае до 1747 г. «от хлебной скудости», шатавшихся «меж дворы» или длительное время находившихся на промысле в «урочищах», а также «крещеные» ясашные, приписанные к заводам, жили в деревнях ведения Бийской земской избы⁵.

Сложнее обстояло дело с зачислением в приписные крестьяне пришлых, расселившихся по всей Сибири. Выявление их и отправка на поселение к Колывано-Воскресенским заводам в предельно короткие сроки поручались Сибирской губернской канцелярии. Начатая летом 1747 г. работа по составлению списков пришлых шла медленно. Начальник заводов А. Беэр, пытаясь ускорить решение вопросов организованной и скорейшей отправки пришлых к местам поселения, сам поехал в Тобольск, где пробыл с 6 по 20 января 1748 г. Он требовал высылки по зимнему пути 200 чел. Однако губернская канцелярия к концу января сумела выявить всего 72 пришлых. Из них годными к поселению признали только 52 чел. Их под конвоем тогда же направили на Алтай.

Из этой партии до Тары дошли 48 чел. Четверых пришлось оставить здесь по болезни, четверо сумели сбежать. Под конвоем 20 тарских казаков 40 пришлых были доставлены на Алтай. Губернская канцелярия объявила по всей Сибири розыск бежавших с пути следования к месту поселения. Все воеводские и управительские канцелярии получили приказ «по сыску, заковав их в крепкие кандалы» выслать прямо в Барнаульский завод. Пойманных беглых доставили в канцелярию горного начальства⁶.

Кроме того, что губернской канцелярии приходилось сталкиваться с большими затруднениями в ходе отправки пришлых к заводам, она сама пыталась оставить часть из них в своем ведении. Среди определенных к поселению оказались пришлые, уже ставшие посадскими людьми Тобольска, Тюмени. Они жили «своими домами и для торговли своих промыслов», платили с них пошлину, «из чего казне, как сообщала Сенату губернская канцелярия, следует приращение». Особую заинтересованность губернские власти проявили в сохранении в своем ведении 9 чел., состоявших в купеческом окладе с торгами от 500 до 5000 р., 3 разночинцев, имевших торги на 500 р. каждый, 11 крестьян и бобылей с торгами от 300 до 1000 р. Губернская канцелярия просила горное начальство вместо тобольского посадского Григория Осколкова принять Т. Самохвалова, крепостного человека его родного дяди – тобольского дворянина И. Маслова. Г. Осколков соглашался платить ежегодно за Самохвалова подушную подать. Горное начальство ответило: «...вместо Григория Осколкова наемщика принять не можно и принят не будет».

Оно направило указ в Ямышевскую крепость о возвращении из крепости назад в губернскую канцелярию наемщика Осколкова «с тем резоном, что он сюда принят не будет». Однако губернская канцелярия не теряла надежды хотя бы некоторых состоятельных людей из пришлых оставить в своем ведении. Ф. Юдину она позволила съездить в Москву за получением освобождения от высылки на поселение. Поездка для него оказалась безуспешной⁷.

Горное начальство, столкнувшееся с явно выраженным нежеланием губернской канцелярии отправлять на поселение таких состоятельных людей, как Ф. Юдин, продолжало требовать высылки их к заводам всех без исключения. В январе 1750 г. из канцелярии горного начальства последовал очередной указ губернской канцелярии. В нем подчеркивалось, что и при заводах записанные в посад и купечество пришлые «надобны для содержания и удовольствия тем купечеством в пользу заводскую», а «заводские работы купцы могут исправлять наймом». В мае 1750 г. Сенат по требованию Кабинета обязал губернскую канцелярию «без всяких проволочек далее» выслать посадских людей и из пришлых, проживавших в Тобольске и Тюмени. В конечном счете горное начальство добилось высылки их к местам поселения. Сгруппировавшись по 2-3 человека, они отправили по 1 человеку раньше «для приготовления и построения домов». В сентябре 1750 г. все остальные, кроме Курдюмова, отпущенного раньше (в 1746 г.) губернской канцелярией в сибирские города «по купеческому делу» и еще не вернувшегося к тому времени, были в местах поселения⁸.

Канцелярия горного начальства не без основания выражала недовольство тем, что время шло, а конца операции по заселению намеченных мест не было видно. Из запланированных 1358 крестьянских дворов к осени 1752 г. было создано только 379 дворов, в которых жили 390 семей и 133 одиноких. Пришлые поселились только в 37 местах (вместо 63), из них 22, выбранные ими, оказались вообще не предусмотренными для заселения.

Не все даже уже высланные на поселение вовремя являлись туда. Почти год добирался до места назначения Смирнов, наказанный за это битьем батогами. Части пришлых не оказалось там, где их выявили. К тому же не всех доставленных на Алтай горное начальство приняло. Поводом к этому служили преклонный возраст и неудовлетворительное состояние здоровья принятого. Из партии в 95 чел., доставленной из Иркутской провинции в марте 1749 г., канцелярия горного начальства приняла только 62 чел., 33 были признаны негодными к поселению и отправлены назад в Иркутскую провинцию⁹.

Ю.С. Булыгиным установлено, что в основной массе пришлые поселились в заводском ведомстве в 1749–1750 гг., некоторые из них были доставлены туда в последующие четыре года. В 1754 г. по берегам Чарыша, Алея и Убы оказалось 1670 пришлых. К этому можно добавить, что до конца 1757 г. губернская канцелярия отправила еще 109 чел. Общее число поселенных составило 1779 чел. ¹⁰ Не все определенные к поселению дошли до места назначения (из-за смерти в пути, бегства с дороги, некоторые умерли в период между составлением списков и отправкой на поселение) ¹¹.

К началу 1759 г. в «недосылке» осталось еще 400 чел. Во время подготовки к проведению III ревизии по распоряжению Кабинета канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства потребовала от провинциальных канцелярий, магистратов Сибири высылки к заводам всех подлежащих поселению там по указу 1747 г. Этим указом определялась и участь детей пришлых: «их детей наличных и впредь рождаемых (! – А.Ж.) отнюдь никуда не принимать, ни в какую службу, в посад, и цехи и ни в какие ремесла не записывать». Они («наличные» и те, которые родятся позднее) автоматически включались в состав приписных крестьян.

Именным указом Сенату 12 января 1761 г. определялась приписка и «по прежнему 1747 г. именному указу пришлых людей, недосланных из Иркутска». Сенат издал указ, направленный губернским властям Сибири с требованием высылки пришлых, еще не отправленных на поселение к Колывано-Воскресенским заводам. Таким образом, действие указа 1747 г. о поселении при Колывано-Воскресенских заводах растянулось на многие годы¹².

Процесс поселения пришлых на Алтае продемонстрировал стиль взаимодействия с ними со стороны властей. Насилие по отношению к включившимся в состав приписных крестьян было с самого начала одним из методов решения вопросов, связанных с организацией горнозаводского производства, в развитии которого существенная роль отводилась крестьянам.

Отношение горного начальства к крестьянским переселениям

Как только на Алтай стали прибывать первые партии пришлых, горное начальство взяло на себя контроль за тем, чтобы «жили они постоянно и порядочно и к побегу намерения не имели». За этим же должна была следить и Колыванская заводская контора. На местах это вменялось в обязанность сотникам и десятникам из числа пришлых же, поселенных при Колывано-Воскресенских заводах, «для того ежели кто

вознамерится к побегу или без отпуску к отлучке, то б те сотники и десятники объявляли без всякого медления» ^{13} .

Без опоры на низовую ячейку органов крестьянского управления ни канцелярия горного начальства, ни заводская контора не могли обеспечить контроль за тем, чтобы пришлые не бежали с мест поселения и не отлучались самовольно хотя бы на короткое время. Избежать этого горному начальству не удалось.

Обязанность десятников и сотников объявлять «без всякого медления» о тех, кто «намеревался к побегу или без отпуску к отлучке» стала постоянной на все время существования кабинетского хозяйства. Введение ее было ответной реакцией Кабинета и горного начальства на проявление крестьянской инициативы в освоении новых земель, на непрекращавшиеся массовые их переселения без соответствующего разрешения.

Отмеченный А. Беэром факт многочисленных переселений приписных крестьян стал объектом пристального внимания горного начальства. Оно взяло в свои руки решение всех вопросов, связанных с переселением крестьян в другие места жительства в пределах заводского ведомства. Только разрешение горного начальства считалось основанием для переезда крестьян. Они же, как правило, просили разрешения на переезд уже после того, как начинали осваиваться или уже освоились на новом месте. Обнаруженные там, они подвергались наказанию «плетьми нещадно при собрании прочих крестьян дабы впредь на них смотря другим так чинить было неповадно».

В течение всей второй половины XVIII в. наряду с телесным наказанием самовольно переселившихся практиковалось разламывать построенные ими дома и «выдворять» их на прежние места жительства. Это хорошо прослеживается по материалам фондов Сосновского, Чаусского острогов, Бердской, Бийской и других судных, земских изб и волостных правлений.

Иногда крестьяне считали себя переехавшими на законном основании, с разрешения земского управителя. 15 семей, переехавшие в 60-е гг. XVIII в. в другие деревни или к «распаханной пашне» в построенные ими избушки «для вешней пахоты и жнитвенной поры и зимнего времени молотьбы и для кормления скота, избегая возки», ссылались на разрешение, данное им управителем Потылицыным. На допросе в канцелярии горного начальства управитель заявил, что только трем крестьянам после неоднократных их просьб разрешил построить «вместо шалашей маленькие избушки», а «не так чтобы им совсем переехать и настоящие тут дома

строить и заводить», и никому «более дозволения на переезд не давал»¹⁴.

С управителя Коршунова за разрешение на переезд бердским крестьянам удержали жалование за полмесяца. Все 12 семей, переселившихся по его разрешению, были возвращены в прежние места жительства¹⁵.

В фондах судных и земских изб, волостных правлений отложилось огромное количество объявлений сотников и десятников о самовольно отлучившихся крестьянах, за которых они несли личную ответственность. Они должны были своевременно сообщать не только о самовольно переселившихся крестьянах, но и о тех, кто намеревался переехать на новое место жительства. Десятника д. Маюровой в 1757 г. наказали как раз за то, что, зная о намерении крестьянина О. Елкова переехать в д. Поспелиху, не рапортовал об этом в Бердскую судную избу. По просьбе последней канцелярией горного начальства «на коште» О. Елкова был послан драгун Соколовский с повелением при наличии у крестьянина дома в д. Поспелихе заставить его продать дом, если не найдется охотников купить его, разломать печь, а дом опечатать 16.

Большой интерес вызывает история возникновения деревень, основанных крестьянами в Кулундинской степи. А.Д. Колесников в начале 70-х гг. писал, что сначала заводские власти пытались выселить самовольных переселенцев на их прежние места жительства, но из этого ничего не вышло. На Кулунду выехал начальник заводов, который нашел, что «место в имеющихся при речке Кулунде двух деревнях: в Черемшанской и Андроновой к жилью человеческому и содержанию скота изобильное и хлебопашеству земель есть довольно лесов на строение также немало». 21 июня 1756 г. по разрешению Христиани было дано указание самовольным переселенцам на р. Кулунде «жить невозбранно, точию в оные деревни других как заводского, так и незаводского ведомства никого не пущать» 17.

В действительности же дела крестьян, первыми переселившихся на Кулунду «без письменного вида», сложились не так, как это было представлено А.Д. Колесниковым. В сентябре 1754 г. Чаусская судная контора направила в канцелярию горного начальства крестьянина Афонасия Заикова, самовольно переехавшего на речку Кулунду. Заиков объяснил свой переезд «не для чего иного, как только для одного рыбного и звериного тут промысла» и «не со всем своим семейством, а только с женою, оставив в д. Луговой в своем доме детей». В ходе допросов Заикова выяснилось, что судная изба уже требовала от него возвращения с женой на «прежнее жительство», чего он не выполнил, «по сущей про-

стоте своей от малорассудия своего думая», что «в нем оставленными в доме детьми никакой нужды не состоит». Заикова наказали батогами, после чего обязали жить «на прежнем месте» в д. Луговой¹⁸.

Летом 1755 г. у крестьянина Малышевской слободы Е. Полковникова, как сообщалось из судной избы в канцелярию горного начальства, «были поколоты семь лошадей». Пострадавший просил судную избу взыскать убыток с крестьянина И. Андронова, жителя вновь заведенной д. Кулундинской.

Начальник заводов С. Христиани сделал запрос в судную избу, откуда и на каком основании переехали в д. Кулундинскую ее жители. Оказалось, что заселение ее началось с переезда 13 семей из двух деревень Бердской судной избы в 1747 и 1749 гг., 8 семей из деревень Малышевской слободы. Переехавший сюда в 1750 г. из д. Самсоновой Бердского острога Г. Белозеров в 1752 г. уже был наказан плетьми. В 1753 г. здесь появились ясашные из Томска (Н. Попов, М. Булатов и М. Рощектаев).

Отправленный в кулундинские деревни шихтмейстер В. Беэр с казаками обнаружил 38 дворов в пяти деревнях, основанных крестьянами. «Дворы 34 крестьян... все до единого разломал», — доложил В. Беэр. Жену И. Белозерова, который в то время в Колывановском заводе был «за продажею скота своего... со всем скотом и животом», казаки перевезли в д. Белкову Малышевской слободы и передали десятнику.

Канцелярия горного начальства распорядилась дворы оставленных 10 крестьян для охраны хлеба, который выдворенные крестьяне не смогли вывезти сразу, весною «разломать и жить тут крестьянам отнюдь никому не давать, но высылать в прежние жилища». И только летом 1756 г. произошло то, о чем писал А.Д. Колесников: начальник заводов разрешил не ломать оставленные В. Беэром четыре двора, а их хозяевам жить злесь же¹⁹.

Ужесточение мер наказания за самовольные переезды крестьян сопровождалось расширением круга ответственных за это в лице всех жителей каждой деревни, сельских и волостных начальников, управителей.

Отношение Кабинета и горно-заводского начальства к переселениям крестьян определялось нуждами горно-заводского производства, развитие которого в значительной мере зависело от своевременного выполнения крестьянами вспомогательных работ. Сам порядок наряда, высылки крестьян на заводскую работу предполагал проживание крестьян там, где они были записаны во время проведения очередной ревизии. Распределение заводских работ производилось ежегодно с учетом данных ревизских сказок. В связи с массовыми переездами крестьян

возникали большие трудности при высылке их на работы. За переселившимися крестьянами приходилось отправлять нарочных, но нередко было неизвестно, куда их направлять. Возникали большие сложности со взиманием провианта с крестьян.

Активное противодействие Кабинета переселениям крестьян наносило ущерб их хозяйству. Создание препятствий на пути крестьянской инициативы при наличии еще не освоенных под сельскохозяйственное производство земель, ущерб, который наносился крестьянскому хозяйству при возвращении самовольно переселившихся на прежнее место жительства, в конечном счете находились в противоречии с заинтересованностью Кабинета и горного начальства в наличии устойчивого хозяйства крестьян.

В пределах заводского ведомства проживали «посторонних команд» люди, которых горному начальству не без успеха удавалось уравнять в обязанностях с приписными крестьянами. Тщетными оказались попытки крестьян деревень Пашковой, Корчугановой, с. Ярского Спасской волости отстоять свои права на пользование землей без обязательств перед заводами²⁰.

Принуждение крестьян к выполнению заводских работ

Интеграция приписной деревни и горно-заводского производства проявилась прежде всего в принуждении крестьян к выполнению самой разнообразной работы во время отбывания заводской повинности. Они работали у плавильных печей, на строительстве заводов, сооружении плотин, рытье каналов, добыче и перевозке руды, глины, рубке и обжиге дров, вырезании кирпичей, изготовлении деревянных лопат, осей, колес к тачкам, плетении черемуховых решеток и т.д.

В соответствии с законом крестьян запрещалось привлекать к выполнению заводской повинности в период весеннего сева, сенокоса и уборки хлеба. Но в действительности это не соблюдалось. В июле 1747 г. крестьяне строили мосты через Чарыш и Алей, причем выполненную ими работу не оплатили и не зачли в подушный оклад. В 1750 г. рубили дрова бердские крестьяне, а поселенных при заводах пришлых в страдное время заставили перевозить через Алей и Чарыш «разного чина и звания людей». Из-за занятости на заводских работах многие крестьяне в то лето не смогли собрать выращенный урожай²¹. По той же причине у части крестьян оказывалось «в поле не сеено»²².

В 1756 г. многие крестьяне работали на добыче руд без отпуска «в дом для посева и снятия с поль хлеба и прочих домовых работ», от чего

пришли «в конечную скудость и разорение и ко исправлению работ в несостояние», как писали крестьяне. Уже в 50-е гг. XVIII в. горное начальство ставило перед Кабинетом вопрос о целесообразности использования труда рекрутов на перевозке руды с 1 мая по 1 октября, чтобы крестьянам дать возможность в это время заниматься своим хозяйством²³. Однако проходили годы, а практика отправки их на отработки в период сева и страды продолжала сохраняться, о чем свидетельствуют многочисленные факты за 60-е гг. XVIII в. ²⁴ В «Раскладных книгах» о расположении... заводских работ» предусматривалась высылка крестьян в перевозку угля в июне — июле²⁵. В летние месяцы 1770, 1773, 1774 гг. было занято на заводских отработках около 4 тыс. крестьян²⁶.

Побывавший в июле 1785 г. во многих деревнях каинских и томских крестьян майор Баженов обратил внимание на то, что «посланные на завод работники не только к вешней пахоте, но многие и к сенокосу и к посеву и поныне в мое обозрение в домы свои не возвращались». В достоверности подмеченного Баженовым сомневаться нет оснований. В деревнях ведения Чаусского острога, через которые Баженов тоже проехал, в том году из 565 дворохозяев 17 имели посевы только озимой ржи, посевов яровых у них не было, о каждом из них в ведомости о посевах крестьян, составленной Чаусской земской избой, написано: «находится в дровосеке»²⁷. По сообщению Чаусского волостного суда в 1798 г. много земли осталось незасеянной «за отлучением немалого количества крестьян в заводские работы»²⁸.

Затраты крестьян на выполнение заводской повинности не исчерпывались отрывом на длительное время из их хозяйства трудоспособного населения приписной деревни или расходованием значительных средств на найм вместо себя в заводские работы.

Эксплуатация детского труда в кабинетском хозяйстве

Развитие горно-заводского производства в Сибири сопровождалось принуждением к выполнению заводских работ малолетних детей крестьян. Со второй четверти, особенно с середины XVIII — первой половине XIX в., эксплуатация детского труда в России получила широкое распространение в текстильной, бумагопрядильной, металлургической промышленности²⁹. Попытки привлечения детей приписных крестьян к возке леса на Нерчинские заводы и рудники относятся к 20-м гг. XVIII в. Позднее крестьянские дети возили уголь, на каждых 10 «малолеток» выделяли трех взрослых мужчин, которые помогали первым при спуске возов с углем на крутых дорогах и на разгрузке его³⁰.

В 1749 г. Колывано-Воскресенская заводская контора потребовала от крестьян Чарышской сотни немедленно выслать детей в Колыванский завод для определения «к ремеслам». От имени 10 состоятельных крестьян мирской староста О. Новоселов обратился в октябре этого года к А. Беэру с просьбой освободить их детей от определения в Колыванский завод, предложив вместо них отдать детей «малотяглых недостаточных» крестьян. Малолетних детей крестьян разных слобод на Новопавловском заводе встретил начальник заводов³¹. По данным В.И. Семевского, в 1769 г. до 500 крестьянских детей горное начальство потребовало из Белоярской, Бийской, Малышевской, Бердской слобод к разбору руд³².

В раскладные книги, в которых фиксировался объем заводских работ на следующий год для каждого крестьянина, дети не вносились. Если на работу отправляли малолетних, подвергались наказанию десятники, сотники и даже управители, а также родители высланных на заводы и рудники подростков. С другой стороны, имели место многочисленные факты наказания крестьян за неотправку ими своих детей на работу, расположенную на них, крестьянских детей. «По недостачеству» горных служителей на Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводах практиковалось ежегодное привлечение детей в возрасте 10–15 лет к разбору руд. Платили им по 4 к. за день работы. Канцелярия горного начальства в середине июля 1770 г. распорядилась, чтобы работающим на Змеиногорском руднике детям отцы их доставили столько провианта, сколько нужно было до отпуска их домой.

С 1772 г. горное начальство приказало высылать к разбору руд от семьи с тремя сыновьями одного из них, с четырьмя — двух. Если они ранее уже занимались этим делом, приобрели в нем какие-то навыки, им платили 5 к. в день, если нет — 4 к. Не все внесенные в ревизские сказки дети крестьян могли быть высланы на работу. Из 186 детей, учтенных по Бийской земской избе к 1772 г., 10 умерли после проведения ревизии, 15 оказались больными. Несмотря на строгие предписания горного начальства на 7 мая 1772 г. из тех детей, что были здоровы и еще не отправлены на рудники, явилось всего трое (10, 11 и 13 лет). Крестьяне всячески оттягивали отправку детей на работу. Горное начальство приказало заковать управителя Пяткова в «ножные железа», жалование ему с 10 мая «доколе те крестьянские дети к разбору руд на Змееве все не явятся... не давать», а отцов, не обеспечивших доставку своих сыновей на рудник, «когда в июне... управитель объезд иметь будет, наказывать нещадно».

В течение мая – первой декады июня 1772 г. дело с отправкой подростков на Змеиногорский рудник ничуть не продвинулось. На 8 июня у разбора руд было всего 14 чел. До сведения крестьян довели, что если к 20 числу не будут высланы остальные, работу за детей будут выполнять их отцы или наемщики, которых предписывалось «употреблять тамо столько дней в работу, сколько от 25 апреля по день явки детей их за огурством время упущено, а потом отпустить в домы», заплатив за день работы по 3 к. В конце концов с большим трудом горное начальство добилось отправки на рудник 23 подростков с их отцами³³.

Весной 1774 г. крестьянин д. Барсуковой Бердского осторога Т. Шемонаев попытался отстоять своего сына от отправки на рудник на том основании, что сын у него один. Но его просьбу канцелярия горного начальства сочла совершенно необоснованной. Она сослалась на свой указ от 7 марта этого же года, согласно которому родных братьев, живших в разных домах, полагалось считать одним семейством. Трое братьев Шемонаевых жили раздельно, «раздел учинили без ведома канцелярии горного начальства», каждый из них имел по «малорослому сыну». Несмотря на то, что сыновья двух братьев Т. Шемонаева уже работали на руднике (в этом случае каждый из братьев был признан главой отделившейся семьи в результате признанного незаконным раздела), просителя «за неосновательную просьбу, наведение оною в переписках затруднения и непослушание своей команде» канцелярия горного начальства приказала «наказать батоги», а сына его выслать в заводские работы³⁴.

Ежегодно десятки детей крестьян каждой земской избы снаряжались на работу. В апреле $1776 \, \mathrm{r}$. $36 \, \mathrm{подростков}$ на разбор руды привезли отцы или их родственники из Бийской земской избы ^{35} .

В 70-е гг. XVIII в. горное начальство пыталось внести некоторые поправки в оплату труда подростков. Она производилась в зависимости от того, в который раз прибыл подросток на работу. Кто был у разбора руды 2 года и более, получал 6 к., на второй год работы – 5 к., в первый год, как отмечалось выше, – 4 к. в день при выполнении нормы. Тогда же был удлинен срок пребывания подростков на работе – с 1 апреля (до этого они высылались с 26 апреля) до 1 октября ^{36} .

Манифестом от 21 мая 1779 г. не предусматривалось принуждение крестьянских детей к горно-заводской работе, но практика эксплуатации детского труда сохранилась. Начальник Колывано-Воскресенских заводов Б.И. Меллер просил у Кабинета разрешения на привлечение к разбору руд солдатских детей, находившихся на обучении в школах Томска и Кузнецка, а также детей отставных, находившихся на своем пропитании. Кабинет просьбу Меллера удовлетворил. В 1781 г. на

Змеиногорском руднике работало 574 подростка³⁷. При Нерчинских рудниках только по данным за 1789—1797 гг. было занято на работе 3713 подростков. На Алтае после 1779 г. горное начальство попыталось привлекать крестьянских детей у разбора руды за договорную плату по 10 к. за день. Никто из крестьян добровольно не согласился отправить своих детей за 10-копеечную плату³⁸. Однако дети крестьян и после 1779 г. и на Алтае, и в районе Нерчинских заводов работали у разбора руды вместе с детьми солдат, посельщиков и отставных. На отдельных рудниках в общей сложности работало до тысячи и более детей³⁹.

Некоторых крестьянских детей горное начальство освобождало от работы при условии поставки их родителями провианта. В 1775 г. получили освобождение от заводских работ за поставку провианта 8 бийских крестьян и члены их семей, в том числе и малолетние дети⁴⁰. В 1802 г. крестьянин д. Алексеевой Я. Попов просил горное начальство отпустить навсегда домой его 13-летнего сына, который не первый год занимался разбором руды, живя дома только зимой. Просьба крестьянина была удовлетворена при условии поставки им ежегодно по 100 пудов муки в Зыряновский рудник⁴¹.

Некоторые крестьяне старались избавить своих детей от непосильного труда путем найма вместо них. В 1772 г. за В. Оксенова работал сын отставного драгуна А. Стракотин, за И. Кречетова и Н. Тумашева, И. Мартынова, Н. Попова тоже работали наемщики. В мае 1779 г. крестьянин д. Карповой Красноярской земской избы нанял самовольно вместо своего сына Василия к разбору руды сына отставного казака А. Пичугина Терентия за 12 р., отвез его в Змеиногорский рудник «и по отвозе велел ему, Пичугину, отметиться и работать до положенного времени именем сына своего Василия». Узнав об этом, канцелярия горного начальства приказала крестьянина Шестакова «за самовольный вместо сына наем и за подлог, что он наемщику при руднике велел писать именем сына своего, наказать батоги, чтоб ему впредь и другим на то смотря такого подлогу чинить было неповадно и по ряде деньги 12 рублей, если не отданы, отдавать не велеть, а буде уже отданы, то ему возвратно взять, а сына его, назначенного к разбору руд, немедленно в Змеиногорскую контору выслать, которой оного приняв, определить в работу, а наемщика отпустить в дом ^{42} .

На протяжении первой половины XIX в. эксплуатация детского труда в горно-заводском производстве Сибири не только сохранилась, она осуществлялась в значительно больших размерах. Это было вызвано тем, что в результате хищнического использования месторождений руда обеднела, её добыча возросла, осложнилась сортировка, увеличилось

лось расстояние от новых рудников до поселков. Ежегодно сотни крестьянских детей работали у разбора руд на Петровском заводе в Нерчинском горном округе. В 1807, 1808, 1810, 1811 гг. на его рудниках занимались разбором руд соответственно 855, 110, 968, 1011 «малолеток» 10–15 лет⁴³.

В 20-е гг. XIX в. 15- и даже 14-летние подростки стали зачисляться в «годные» работники, а «малолеты» младше их продолжали принуждаться к разбору руд. Ещё в 50-е гг. Т.И. Агапова, установив, что в 1837 г. им было занято 3865 «малолетов», пришла к выводу о том, что крестьянские дети стали привлекаться на заводские работы у разбора руды с 30-х гг. XIX в. 44 Однако это произошло на много десятилетий раньше. Фактически с самого начала существования кабинетского хозяйства наряду с взрослым населением приписной деревни подростки стали объектом эксплуатации в горно-заводском производстве.

Крестьяне с раннего возраста привлекали своих детей к посильному труду по хозяйству⁴⁵. Отвлечение их на длительное время на рудники в период сельскохозяйственных работ не могло не сказаться на развитии сельского хозяйства. Родителям приходилось доставлять сыновей к месту работы, снабжать их продуктами питания на все время пребывания на работе, тратить деньги на наем вместо них. Все это увеличивало расходы крестьянской семьи на выполнение членами её заводских работ.

Порядок изъятия из приписной деревни рекрутов для пополнения мастеровых

Для обслуживания заводов и рудников Кабинета требовались кадровые рабочие, занятые на производстве круглый год. На Колывано-Воскресенских заводах А. Демидова по генеральной описи 1745—1747 гг. числилось 736 мастеровых. При переводе демидовских заводов под управление Кабинетом мастеровые были закреплены за заводами. Но вскоре выяснилось, что многие из них только числились мастеровыми, «подлинно мастерства не знают, а живут по деревням и имеют хлебопашество». В 1749 г. по распоряжению начальника заводов А. Беэра их стали назначать на работы за подушный оклад вместе с другими приписными крестьянами.

Несмотря на то, что в 40–50-х гг. XVIII в. к основным заводским работам привлекались приписные крестьяне, солдаты, казаки, рабочих рук не хватало.

А. Беэр в рапорте от 16 июля 1748 г. не случайно особо подчеркивал, что солдаты и казаки, хотя и добывают руду, но «ведая, что они

люди не той службы и к тому не определенные, не так рачительно работают и к научению никакой прилежности не имеют, но токмо время продолжают и смены ожидают»⁴⁶.

Потребности развивающегося производства при низкой производительности труда настоятельно требовали увеличения рабочих рук. Рапорты и письма начальников заводов сопровождались сетованиями на недостаток мастеровых и вызванные этим упущения в работе. В своем рапорте от 13 сентября 1750 г. А. Беэр доносил управляющему Кабинета И.А. Черкасову: «Токмо ныне недостаток как в мастеровых, так и в приписных крестьянах». Через год он же сообщает Черкасову в частном письме: «Многие работы принуждены были остановить за неимением работных людей»⁴⁷.

Горное начальство еще до официального разрешения Кабинета начало брать на постоянную работу при заводах приписных крестьян, преимущественно беднейших, не имевших своего хозяйства. В кабинетском хозяйстве стало широко практиковаться определение в вечную горную работу несостоятельных крестьян. В 1749 г. в вечных горных работниках оказались некоторые крестьяне Бердского острога, Чарышской сотни. В 1750 г. из бердских крестьян стал вечным горным работником А. Обоскалов, у которого хлеба в посеве «никакого не было». В 1751 г. 100 крестьян, не имевших домов и пашен, также были определены в вечные горные работники⁴⁸.

Недостаток кадровых рабочих тормозил рост горного и металлургического производства. Канцелярия горного начальства в доношении Кабинету от 18 октября 1757 г. объясняла уменьшение выплавки серебра недостатком мастеровых и крестьян и заявляла, что если «других работников или крестьян к ныне имеющимся в наличии в добавок не определить», то может случиться «в выплавке серебра наиболее уменьшение» ⁴⁹.

К работе на заводе привлекались дети заводского населения. По мере развития горно-заводского производства этот незначительный вначале внутренний источник рабочей силы приобретал все большее значение. Дети с раннего возраста привлекались непосредственно к производству. В 10-летнем возрасте их использовали на толчении и промывании руд, в еще более раннем возрасте — у разбора руд.

В марте 1765 г. из канцелярии горного начальства сообщалось Кабинету, что «мастерские и прочих находящихся в заводской службе людей дети, которые придут в возраст до 15 лет и выше, все определяются в комплект к ремеслам и никогда оное пропущено не бывает». Недостаток 15-летних детей администрация компенсировала привлечением малолетних. В 1768 г. дети 10–12 лет, подлежавшие набору в школу при Барнаульском заводе, уже второй год работали на монетном дворе при Нижнесузунском заводе ^{50} .

Подрастающие сыновья мастеровых стали одним из резервов рабочей силы на предприятиях кабинетского хозяйства.

Указом от 12 января 1761 г. был узаконен путь мобилизации рабочей силы, закрытый для других заводовладельцев России. Этим указом был установлен постоянный источник пополнения мастеровых за счет рекрутов, набираемых из приписных крестьян и подрастающих сыновей мастеровых. Численность мастеровых после 1761 г. стала быстро увеличиваться. По штатам начала 70-х гг. XVIII в. в районе Колывано-Воскресенских заводов было уже около 5500 мастеровых, большинство из них были заняты на рудниках, где числилось 2915 рудокопов и 275 промывальщиков В пополнении мастеровых преобладающую роль играли приписные крестьяне. По подсчетам 3.Г. Карпенко в 1795 г. из 844 мастеровых Салаирского рудника 56 % составляли крестьянские сыновья – рекруты, 29 % – сыновья мастеровых 52.

Уход на завод по рекрутскому набору означал полный разрыв с сельским хозяйством, превращение в работного человека. Рекруты резко меняли весь строй своей жизни, вливаясь в состав постоянно живших при заводе работников на жаловании. Они приобретали трудовые навыки одной из заводских специальностей и никогда уже не возвращались к хлебопашеству.

По мере развития кабинетского хозяйства функции органов управления приписными крестьянами расширялись и уточнялись. Кроме расположения, наряда и высылки крестьян на заводские работы, они участвовали в решении сложнейшей проблемы комплектования из крестьянской среды мастеровых для заводов и рудников кабинетского хозяйства. Ими становились набиравшиеся в приписной деревне рекруты.

Сохранился интересный документ, позволяющий судить не только об отношении крестьян к рекрутскому набору, но и представителей горного начальства к набору, проводившемуся Томской воеводской канцелярией, когда отданные в рекруты крестьяне должны были выбывать за пределы заводского ведомства. Весной 1747 г. в с. Ирменское Томская воеводская канцелярия послала приказчика Г. Гречанина «для набору рекрут», отчего все крестьяне разбежались, и, как сообщил в Барнаул староста села И. Чупин, на Барнаульский завод «в работу высылать некого». 26 мая только что прибывший по направлению Кабинета на Алтай лейтенант Христиани распорядился: «... по прежде посланному от меня к тебе (старосте Чупину. – А.Ж.) ордеру крестьян... нарядить и

выслать в Барнаульский и Колыванский заводы», чтобы они явились на работу «без отлагательства» к 1 июня, а «рекрут и лошадей прикащику Гречанину до получения распоряжения от заводов» не отдавать.

Сопротивление при наборе рекрутов оказали не только крестьяне с. Ирменского, но и других деревень ведения Чаусского острога. Некоторые из них, прихватив косы и ружья, укрылись в лесу, они открыли стрельбу, когда Гречанин попытался выдворить их оттуда. А в съезжей избе в с. Ирменском староста и собравшиеся крестьяне договорились, что если Гречанин до получения ордера из завода будет «силно требовать, то мы его свяжем и в завод увезем или из ружья убъем». Затем на совете старосты, сотника и «прочих крестьян» порешено было на том же⁵³.

Для заводских властей такое поведение крестьян при рекрутском наборе в то время не было криминальным. Взятые в рекруты, они оказывались на военной службе за пределами заводского ведомства, горному же начальству было выгоднее, чтобы молодые, самые здоровые крестьяне оставались на своих местах жительства в прежнем положении крестьян. Что же касается крестьян, только что приписанных к Колывано-Воскресенским заводам, то, судя по их поведению и переписке с заводским начальством, они, возможно, надеялись получить от него поддержку их противодействию набору в рекруты, может быть, даже надеялись на отмену для них рекрутских наборов.

Горное начальство добивалось запрещения брать в рекруты приписанных к Колывано-Воскресенским заводам крестьян и высланных на поселение при них пришлых. С 1762 г. набиравшиеся в приписной деревне рекруты поступали на заводы и рудники кабинетского хозяйства в качестве мастеровых. Это положение распространилось и на Нерчинские заводы в составе кабинетского хозяйства.

Назначение рекрутов с 1762 г. изменилось, отношение крестьян к рекрутским наборам осталось прежним. Только теперь они скрывались по лесам, оказывали отчаянное сопротивление представителям горнозаводских властей и сельской администрации, в обязанность которой было вменено проведение набора в строго установленные сроки. Он дорого обходился семье, из которой брали в рекруты, всей деревне, обязанной позаботиться о снаряжении рекрута и выполнении за него повинностей, прежде всего заводских работ. Крестьянам ждать защиты было не от кого, рекрутский набор ими воспринимался как неизбежное. Крестьянский мир уяснил, что его не избежать, а потому надо решать, кого отдавать в рекруты и как обеспечить их доставку к месту назначения. Сельской администрации приходилось сталкиваться с большими трудностями при наборе рекрутов, когда надо было выполнить очеред-

ной набор, при этом выполнить его так, чтобы отстоять интересы состоятельных крестьян. Сельская администрация и «прожиточные» крестьяне на сходах дружно выступали перед лицом несостоятельного односельчанина, в судьбе которого в результате определения в рекруты, как и в судьбе его семьи, многое менялось.

Крестьяне, отдававшиеся в рекруты, всегда оказывали решительное сопротивление. Рапорт выборщика Ф. Козьминых в Чаусскую земскую контору от 7 декабря 1785 г. илллюстрирует лишь то, что было обычным явлением в период рекрутского набора. Крестьяне разбежались, и «отыскать их не можно», «везде укрываются», «отбиваются ножом», «с самого начала рекрутского набору убегают» — такие сообщения поступали отовсюду.

В 1789 г. наказанных «при собрании народа» за угрозу посыльным «припластать ножом» Алексея и Сидора Вавиловых (сразу двух членов семьи забрали в рекруты!) из д. Поперешный Искитим Тутальской земской избы отправили на службу в Барнаульский завод, но по дороге они бежали из-под караула. Только через месяц их нашли, одного в Тарсминской слободе в д. Колотовкиной, где он у крестьянина О. Колотовкина был «в закроме загребен хлебом овсом», другого – в Искитимских юртах. Обоих доставили на завод. Когда в д. Поперещенской пришли за определенным в рекруты вне очереди Д. Кузнецовым («состояния недоброго»), он «сделался противен миру и сделал против народу отбой со стрельбою и ножом выскоча из окна побежал», но был пойман и отправлен на службу⁵⁴.

Иногда в деревне трудно было найти подводы для отправки рекрутов к месту назначения 55. В 1785 г. в Тутальской земской избе отданные в рекруты Б. Кузнецов и Е. Елгин «сохватили старосту Василия Попова за волосы... смертельно били и таскали». Заковав в цепи, рекрутов отправили в Барнаульский завод в сопровождении В. Дуреева, который, вернувшись в земскую избу, доложил, что Кузнецов и Елгин в дороге «чинили ему немалое притеснение», грозясь «ушибить до смерти». Избитый рекрутами староста спрашивал у земского управителя, «што с таковыми преступниками учинить соизволите, штобы и другие таковых дерзостей чинить не отваживались». Резолюция управителя Ахвердова гласила: «Староста, дурак ты, что у меня об этом просишь. Есть закон, таковых дерзких людей, каковые тебя били, при собрании народа староста может наказать всем, чем хочет, кроме кнутом, и ты, брат, согласно с данным старосте над крестьянином правом оных бездельников как нарушителей опшево спокойствия при собрании крестьян высек и дал

бы ударов по ста и так другой раз бунтовать бы забыли. Вот моя резолюция, получа оную, выполни по предписанию» ^{56} .

Совершенно очевидно, что староста обратился к управителю не потому, что затруднялся в определении меры наказания по отношению к избившим его «дерзким людям». Избиравшиеся на административные должности наделялись правом наказания крестьян, особенно когда им приходилось иметь дело с сопротивлением односельчан при исполнении служебных обязанностей. Однако пользоваться предоставленными для них правами было небезопасно. Им проще было наказать того или иного крестьянина по распоряжению земской избы, управителя, нижнего земского суда, канцелярии горного начальства, горной экспедиции.

Стараясь навсегда избавиться от рекрутчины, некоторые крестьяне наносили себе увечья. Отмеченные для 70-х гг. XVIII в. подобного рода факты имели широкое распространение в 80–90-е гг. и в первой половине XIX в. В 1788 г. Ординская земская изба сообщила в Колыванский нижний земский суд, что определенные в рекруты крестьяне «кладут на себя увечья, отсекают у рук и ног персты, делают крюком, простреливают из ружья у рук ладони, отчего и сволокает все персты», некоторые натирают глаза чесноком, «отчего бывают якобы больные, а до набору бывали здоровыми, иные делают на себе гноевые язвы, чем и освобождаются за увечья от рекрутских наборов». Земская изба спрашивала, что делать с теми, которые «самовластно без божьего посещения кладут на себя... увечья, не соизволено ль будет из таковых в реченую рекрутскую службу в нынешней набор высылать». Земский суд приказал набирать рекрутов по очереди, но непременно только способных по состоянию здоровья нести службу⁵⁷.

В конце 1785 г. Томский нижний земский суд распорядился тщательно расследовать в Чаусской земской избе обстоятельства, при которых крестьянин д. Мыльниковой отрубил палец у левой руки, и можно ли ему верить, что это случилось, когда он тесал доски для изготовления бочек и «не было ли умыслу, чтоб палец нарочно отрубить, дабы не был взят в рекруты», как в 1779 г. крестьянин Мальцев, отрубив палец, сумел освободиться от рекрутства. В случае, если подтвердится «умысел» Погадаева, заранее предписано было наказать его «палочьем при народе»⁵⁸.

В указе канцелярии горного начальства от 16 апреля 1798 г. отмечалось, что многие крестьяне, годные в службу, «предупреждая наборы... рубят пальцы, портят глаза и надеются чрез то сделать себя к службе неспособными», другие, «уведав о наборе, оставя свои дома, разбегиваются, в положенный двухмесячный срок для набора бывает не сыскать

их». Являвшихся домой после окончания набора в рекруты предписывалось забирать в счет набора следующего года. Это широко практиковалось. Десятки крестьян, которым удавалось уклониться от очередного набора, отдавались в рекруты в счет будущего. В 1819 г. вместо 353 рекрутов на Алтае предстояло взять 320 чел., 33 чел. были приняты уже ранее. Относительно увечивших себя предписывалось, если их совсем нельзя брать в службу из-за непригодности к ней, ссылать «с наказанием в каторжную работу»⁵⁹.

В связи с тем, что проведение наборов в рекруты сопровождалось активным противодействием крестьян, в сентябре 1819 г. перед проведением очередного рекрутского набора в заводском ведомстве канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства на основании сенатского указа предписала допускать к набору крестьян, «имеющих такого рода пороки или недостатки, кои не могут службе препятствовать». Не годными к службе признавались только страдающие «чахоткой, удушьем, каменной болезнью, мешочными опухолями, расширением жил, проказой, близорукостью, направлением ресниц в глаз, заячьим глазом, истечением гнои из уха, с тупым слухом», если заболевание подтверждалось. Крестьян предупредили, чтобы они не рассчитывали на освобождение от набора в рекруты путем нанесения себе каких-либо увечий. В рекруты приписная деревня отдавала молодых и здоровых крестьян. Не отвечавшие этим критериям даже по прибытии к месту службы возвращались назад: взамен волостные правления отправляли других крестьян.

Земским управителям предписывалось «в выбор рекрут отнюдь не вмешиваться», предоставив его «на волю общества, имея за тем только неослабное попечение, чтобы по расписанию люди для приема в рекруты от волостных правлений... предоставляемы были без упущения времени» ^{60} .

Приговоры о наборе текущего года сельской и волостной общинами признавались справедливыми. Они пересматривались только в случаях непринятия горным начальством отданных в рекруты крестьян, а также в случаях, когда «достаточные» крестьяне подавали прошения о замене находящихся в службе их сыновей односельчанами или жителями других деревень.

Заинтересованное в развитии экономики приписной деревни, горное начальство шло навстречу состоятельным крестьянам. По их просьбам земским избам, волостным правлениям разрешалось не только во время очередного набора «сыскать не имеющих хлебопашества и шатающихся в наймах по срокам», отправлять их в рекруты, но и освобождать от службы «имущих просителей», уже отданных в нее. Более того, имели

место случаи, когда горное начальство само возвращало взятых в рекруты из семей состоятельных крестьян на том основании, что они занимаются «довольным» или «изобильным» хлебопашеством.

Главным при рекрутских наборах являлся принцип имущественного положения крестьянской семьи. Он четко выражен в рапорте Нерчинской горной экспедиции от 13 сентября 1817 г., в котором нашло отражение общее положение в кабинетском хозяйстве: «с приписных к заводам крестьян поступают не по очереди, а единственно по приговорам общества и те самые, которые к домоводству и хлебопашеству нерачительны... которые служат единственно в тягость обществу»⁶¹.

Признававшийся самим горным начальством набор рекрутов из приписной деревни без соблюдения очередности не только считался допустимым, но более того, в 1822 г. начальник Нерчинских заводов заявил, что он «не требует перемен». Общественные приговоры принимались в полном соответствии с требованием горного начальства Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов отдавать в рекруты вместо «очередных прожиточных» крестьян несостоятельных. Этот принцип соблюдался на всем протяжении существования кабинетского хозяйства в рассматриваемый период, о чем свидетельствуют общественные приговоры об отдаче крестьян в рекруты. Найм в службу состоятельными крестьянами вместо сыновей также вел к уходу в рекруты несостоятельных.

Документы волостных правлений изобилуют свидетельствами о наиболее распространенной форме протеста крестьян, насильственно вырванных из приписной деревни и превращенных в горных работников, — о побегах, индивидуальных или небольшими группами в два-три человека¹³.

Сосланные на Алтай пугачевцы в тюрьме при Змеиногорском руднике встретились со взятыми в рекруты в 1770–1774 гг. И. Исаковым, П. Копыловым, М. Тимофеевым, Е. Кабановым, В. Тетериным, посаженными за неоднократные побеги со службы⁶³.

Горно-заводской администрации, несмотря на суровые наказания, не удавалось предотвратить побеги рекрутов со службы: ежегодно объявлялся розыск десятков беглецов. Бежали преимущественно низкооплачиваемые горные и заводские служители. Среди 154 неразысканных мастеровых за 1748–1796 гг. бергайеров было 58 чел., горных работников – 33, запасных служителей – 16, горных работников – 15, рудокопов – 6, доменных и молотовых работников – 6^{64} .

В начале 40-х гг. XIX в. в Нерчинский горный округ с Алтая сослали 12 бывших приписных крестьян, отданных в рекруты и совершивших от 6 до 10 побегов⁶⁵.

Причины бегства мастеровых были тесно связаны с их социальным положением. Они хорошо прослеживаются по судебно-следственным делам. На суде мастеровые показывали, что «бежали от тягости заводских работ», «по недавнему взятью в службу, оказывалось им в работах очень тяжело», «не могли более оной (работы. – A.Ж.) снесть», бежали, «чтоб не мучиться», «лучше в киргизы уйти пасти коней, а не работа» (на руднике. – A.Ж.), «по малочисленности там команды и селениев, тоскливо становится, отчего и бежали», «как наскучила мне работа, решился бежать». Отдельные мастеровые бежали «для свидания с женами и детьми». В 1796 г. 17-летний Иван Карпов, «работая у плавильной печи, стосковался по матери своей и... в ношное время бежал».

Бергайер К. Ярлыков, переведенный с Колыванского завода на Змеиногорский, а затем на Бухтарминский рудник, более трех лет не виделся с семьей и в конце концов бежал. Мотив свидания с родными в среде мастеровых считался «законным» поводом для бегства. Столь же оправданным поводом для побега служили случаи произвола и самоуправства горной и заводской администрации, когда мастеровые не находили «ни с какой стороны защищения».

Готовясь к побегу, мастеровые намеревались уйти в деревню для работы по найму либо скрываться в незаселенных пустых местах и заняться промыслами ^{66} .

Побеги мастеровых были средством борьбы скорее не за улучшение условий быта и труда в рамках нового социального положения, а за возвращение к крестьянскому труду и прежнему крестьянскому образу жизни.

Оказавшись в бегах, мастеровые пробирались через деревни под видом нищих, жили в степи, непроходимых местах в одиночку, «имея пропитание от рыбного и звериного промыслов». Промышлявшие орехами для продажи и обмена их на хлеб выходили на томский базар, выдавая себя за мещан ^{67} .

Чаще других поводов к побегам приводится стремление мастеровых уйти от невыносимо тяжелых условий труда. Рабочий день на заводах и рудниках длился 12 часов. Наиболее тяжелой была работа на плавильных печах из-за «ядовитого чада». В рудниках главными орудиями труда были кайла и кирка. Почти вся работа проходила там в полутьме. Только главная штольня освещалась фонарями с сальными свечами. Отсутствие вентиляции вело к накоплению рудничных газов, отравляв-

ших воздух. Особенно тяжело было в забоях, где приходилось всю смену пребывать в неудобном, согнутом, часто лежачем положении, задыхаясь от скопившихся газов и промокая от стекавшей со стен подпочвенной волы.

Штрафы, жестокие телесные наказания батогами, лозами, шпицрутенами были постоянными явлениями палочного режима, существовавшего на заводах и рудниках. Нездоровая обстановка работы, отсутствие элементарной техники безопасности, крайнее напряжение сил в условиях примитивной техники производства, плохие жилищные условия и скудное питание – все это подрывало силы и здоровье мастеровых⁶⁸.

Поэтому они совершали побеги «не хотя работать», «в намерении уйти за границу, в камень, ибо от разных людей слыхали, что там есть промышленные и к житью способные места». Только постоянный приток рекрутов восполнял недостаток мастеровых. Он маскировал фактическое вымирание, обусловленное высоким травматизмом, тяжелыми условиями труда, низким материальным уровнем жизни⁶⁹.

Недостаточность материального обеспечения мастеровых была замечена горной администрацией, признававшей, что «одно казенное содержание становится недостаточным, иногда не может отвести самой нищеты». В 1826 г. на 1898 служителей Барнаульского завода собственные дома имели 920 чел., на квартирах проживали 978 чел. Вследствие тяжелого материального положения многие мастеровые не имели семьи и жили в казармах под надзором горных офицеров. Срок обязательной службы для мастеровых засчитывался с 18 лет, но на практике широкое применение получило использование труда детей. Опасаясь угрозы физического вымирания мастеровых, в 1852 г. на Алтай был распространен закон о запрещении применения детского труда до 15 лет. Сроки обязательной службы мастеровых до штата 1849 г. не были определены. Лишь в последнее дореформенное десятилетие мастеровые из рекрут стали получать отставку по истечении 25 лет работы, а из потомственных — через 35 лет.

Заводская администрация внушала крестьянам, что их освобождение от сдачи рекрутов в армию и обращение рекрутчины в пользу заводов является императорской милостью. В указах канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства о проведении рекрутских наборов предлагалось разъяснять и внушать крестьянам «Высочайшую Её Императорского Величества милость, по которой они службу продолжать имеют при здешних заводах в близости своих родственников и свойственников, с которыми нередко видеться могут». Однако эти внушения успеха не имели и не могли иметь в силу того, что не подкреплялось на

деле право рекрутов «нередко видеться» с родственниками. Поэтому крестьяне обоснованно рассматривали заводскую рекрутчину как одну из тяжелейших повинностей. Каждый рекрутский набор был бедствием для деревни. От хозяйства, от семей отрывались молодые, работоспособные люди. Отрывались навсегда, без возврата. Сама заводская служба считалась крестьянами, может быть, немного лучше каторги. Не случайно иногда земские избы предлагали направлять провинившихся крестьян в заводскую службу вместо телесного наказания, потому что крестьяне боятся этой службы больше любого тяжкого наказания. Сопротивление крестьян набору, бегство рекрута отражали отношение крестьян к рекрутчине.

Совершенно беззащитными во время рекрутского набора оказывались люди одинокие, бессемейные, сироты, за которых заступиться было некому. Иногда крестьянский мир использовал рекрутский набор для избавления от людей неспокойных, в чем-то провинившихся⁷¹.

Подавляя всякое сопротивление крестьян, администрация Колывано-Воскресенских заводов изымала рекрутов из приписной деревни насильственным путем. Рекрутская повинность приписного крестьянства до отмены крепостного права оставалась самым главным источником пополнения рабочей силы на Алтайских заводах и рудниках.

Травматизм крестьян и мастеровых во время выполнения заводских работ

При тех баснословных прибылях, которые получал за счет эксплуатации принудительного труда мастеровых, приписных крестьян и их детей владелец Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов, управлявший ими Кабинет четко придерживался принципа «дешевее» во всем, что касалось затрат, связанных с оплатой ли труда непосредственных производителей на заводах и рудниках, с обеспечением ли их орудиями труда, средствами перевозок угля, руды для заводов.

Крестьяне, занятые на заводских работах, нередко получали увечья, травмы, даже со смертельным исходом, в результате чего крестьянская семья несла невосполнимую утрату. В глазах горного начальства крестьяне были лишь объектом нещадной эксплуатации, что особенно ярко проявлялось при выполнении ими заводских работ. Причиной довольно распространенного травматизма крестьян во время пребывания их на заводских работах являлось несоблюдение заводским начальством элементарных норм техники безопасности, отсутствие медицинской помо-

щи. За увечья и травмы, полученные крестьянами на заводах и рудниках, никто не нес никакой ответственности.

В 1748 г. умерли, будучи в горной пешей работе, бердские крестьяне Ф. Востров, Ф. Дягилев, Ф. Козлов (последний работал по найму), А. Басманов, чаусские крестьяне В. Шандуров, П. Шещуков (тоже работал по найму). В 1764 г. был отпущен с работы пробывший на ней всего два дня С. Гынгазов, который, по свидетельству заводской администрации, был «нелегко поврежден... во время упадшего кирпичного сарая». Компенсацией за тяжелое увечье С. Гынгазова стали 33 дня, зачтенные ему как проведенные на работе. В 1768 г. получил серьезную травму крестьянин В. Шестаков («при строении плавильной фабрики»). В 1770 г. во время пребывания в Змеиногорском руднике перешибло ногу крестьянину д. Ануйской Бийской земской избы Т. Попову, от чего он вскоре умер. После его смерти осталась жена с 13-летним сыном и четырьмя дочерьми (10, 6, 5 и 2 лет). В 1777 г. с неё требовали подушные за сына, мужа и второго сына, умершего ещё 9 лет назад. В ответ на просьбу крестьянской вдовы войти в ее положение, мир решил: за одну «умершую душу» подушные собрать с жителей деревни, за другую – взять с вдовы, сына – «положить» в работу, которую должен был «исправить» крестьянин д. Верхней Соколовой, приходившийся ему дядей. В разные годы умерли во время заводских отработок К. Епонешников, П. Пущин, П. Рыбников и малолетний Я. Бобин. Приехавший в 1789 г. в Змеиногорский рудник «для погребки и отвозу на заводы руд» крестьянин д. Локтевой Л. Просеков заболел и умер, не доехав до дому. Во время выполнения заводской работы Н. Жилин был «без чувств» доставлен в лазарет Локтевского завода, где и скончался (1826 г.), А. Малеев, будучи «в рубке дров», заболел и умер в сентябре 1830 г. «от давления сердца». И. Тюкавин умер в пути следования с углем из курени на Змеиногорский рудник⁷². Не единичными были случаи заболевания и смерти крестьянских детей во время работы⁷³.

Крестьянам, получившим травмы или заболевания во время пребывания на заводских работах, практически не оказывалось никакой помощи. В районе Колывано-Воскресенских заводов в 40-х гг. XVIII в. был всего один лекарь, которого начальник заводов держал при Барнаульском заводе, где сам жил. Секретарь канцелярии горного начальства В. Щербаков, бывший в больших неладах с А. Беэром, не грешил против истины, когда летом 1749 г. писал в своем доношении в Кабинет: «Обращающихся крестьян в горных и заводских работах по немалому числу из которых несколько и померло при работах, а ежели б лекарь и те Колыванские заводы и рудники почасту посещал, то может быть некоторой бы мог и спо-

соб чинить», если бы «на тех крестьян употребил медикаментов, и оные б могли они миром и заработать заводскою работою». За полгода пребывания в Барнаульском заводе в 1749 г. лекарь Цедер Копф, по свидетельству В. Щербакова, всего один раз выезжал из Барнаула, и то к больному родственнику начальника заводов, инженерному ученику В. Беэру. Ещё один раз лекарь две недели ездил вместе с А. Беэром, когда тот осматривал заводы. Находившиеся при Копфе два ученика «более на ево лекаря всякую работу выполняли» (возили землю в огород, косили сено и т.д.), «нежели лекарским наукам обучались».

А. Беэр по поводу доношения Щербакова не нашел ничего лучшего, как написать в объяснении причин смертельных исходов о травмах, получаемых крестьянами на заводах и рудниках: «Не сыскать лекаря, который бы мог от смерти вылечить, ибо от смерти избавительная трава не выросла» ⁷⁴.

Во время эпидемии летом 1750 г., когда от страшной засухи «хлеб посох» на корню, начался массовый падеж скота, моровое поветрие перекинулось на жителей деревень и заводских поселков. Из пришлых, незадолго до этого поселенных при Колывано-Воскресенских заводах, умерло более 100 чел. («мужеска и женска полу и малых детей»). Сообщая об этом Кабинету, Беэр заключал: «Так нещастливо нынешнее лето болезнями, что... народу наполовину больных и поныне многие ещё лежат... Что же впредь соизволит бог, неизвестно»⁷⁵.

В последующие десятилетия из заводских контор в канцелярию горного начальства время от времени поступали сообщения о том, что во время заводских работ тот или иной крестьянин «волею божею помер», «умре».

Не говоря уже о крестьянах, Кабинет не проявлял никакой заботы о здоровье мастеровых, с которых постоянно высчитывалось по 1-2 к. с рубля получаемого ими жалования на медикаменты. Когда в 1780 г. Б.И. Меллер внес предложения по улучшению медицинского обслуживания в госпиталях при Колывано-Воскресенских заводах, где срочно надо было построить новые помещения для них, Кабинет ответил: «...построение пространных и выгодных больниц есть бесспорно дело весьма нужное». «Но ввиду того, что «годной (лес. – A.Ж.) к строению там не в дешевую цену обходится, то не лучше ли исподволь, то есть не в один год, но в нескольких годах построить больницы каменные, избрав к тому положение мест удобное и окруженное всегда чистым воздухом». Кабинет просил Меллера сообщить, «во что таковое каменное строение обойтится может», насколько выгоднее будет содержание каменных больниц по сравнению с деревянными, и, кроме того, нельзя ли

организовать изготовление хотя бы части медикаментов силами лекаря и подмастерья, «ибо есть лекарства дорогие, которые однако ж в врачевании имеют равное действие с теми, коих состав лехче, простее, потому и дешевее» ⁷⁶.

Вопрос о лечении крестьян в лазаретах возникал в редких случаях после получения ими травм на заводской работе 77. Крестьянин Стретинской волости Н. Кожин, пробыв в Нерчинском госпитале с 13 декабря 1821 г. по 6 января 1822 г., должен был заплатить 2 р. 26 к. за питание и 17 р. 38½ к. за медикаменты 78. В 1849 г. по просьбе старшины д. Казаковой Ундинской волости «для отнятия ноги» у крестьянина В. Лескова, болевшего уже больше года, был отправлен лекарский ученик, который, осмотрев больного, просил распоряжения о доставке его в Нерчинский госпиталь для операции. Пока вопрос в течение нескольких месяцев решался горной экспедицией, Лесков умер в страшных муках, так и не получив необходимой помощи 79. Здоровье непосредственных производителей приписной деревни не входило в круг практических дел управления кабинетским хозяйством в Сибири.

Нужды горно-заводского производства обеспечивались путем жестокой эксплуатации жителей приписной деревни при минимальных затратах со стороны заводов и рудников на создание элементарных условий труда крестьян и их детей.

Не случайно весь дореформенный период в истории кабинетского хозяйства на Алтае был временем непрекращавшейся борьбы приписных крестьян за право быть государственными, а не приписанными к заводам. Необычайной остроты противодействие жителей Усть-Каменогорской, Крутоберезовской, Убинской волостей проявилось в конце XVIII в. Тогда, как известно, произошло включение их в заводское ведомство в обмен на выведенных из него крестьян отдаленных от заводов и рудников северных волостей. Горно-заводской администрации с огромным трудом, при поддержке военной силы, жестоко расправившись с наиболее решительными крестьянами, удалось вынудить сопротивлявшихся признать свою принадлежность к приписным крестьянам⁸⁰.

При переводе приписных крестьян Алтая в 1830 г. под управление Министерства финансов среди них стали распространяться слухи об освобождении их от заводских работ. Крестьянин Ояшинской волости Никифор Вершинин разъезжал по селам Колыванского и Кузнецкого округов и разъяснял крестьянам, что «они давно уже свободны от заводских работ» и «горное начальство несправедливо их к тому принуждает». В 1831 г. крестьяне Ояшинской волости отказались представить

раскладные росписи на выполнение заводских работ, заявив, что «они с поступлением Колывано-Воскресенских заводов под управление Министерства финансов сделались государственными крестьянами, следовательно, и не обязаны более исправлять заводских работ» и поставлять рекрутов на заводы и рудники в качестве мастеровых⁸¹.

Горно-заводское производство на Алтае развивалось в рамках кабинетского хозяйства в «тепличных» условиях. Оно было искусственно ограждено от конкурентов, принудительным путем обеспечивалось дешевой рабочей силой. Превращение крестьян в мастеровых было одним из наиболее жестоких методов насильственной интеграции алтайской приписной деревни и горно-заводского производства⁸².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 12, № 9403; *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII веке. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. С. 262.
- ² Булыгин Ю.С. Колонизация русским крестьянством бассейнов рек Чарыша и Алея до 1763 года // Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964. Вып. 1. С. 16–32; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 639–643, 651.
- ^{3} Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 149; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 41, 75, 79, 103, 105.
- ⁴ ГАНО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 61. ⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 12. Л. 330; Д. 15. Л. 98, 302; Д. 22. Л. 59, 62–64; Д. 23. Л. 307; Д. 26. Л. 314, 416, 417, 543 об. –544; Д. 27. Л. 301 об; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 193.
  - ⁶ РГИА, Ф. 468, Оп. 18, Д. 64, Д. 3; ЦХАФ АК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 17, Д. 231, 341, 416.
  - ⁷ Там же. Д. 82. Л. 13, 16, 26; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 455, 534, 694, 694 об.
- ⁸ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 883.
   ⁹ Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 57; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л.127–128; Д. 55. Л. 811, 813, 819–821; Д. 59. Л. 66.
  - ¹⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 82. Л. 205, 212, 237; Д. 99. Л. 76.
  - ¹¹ *Булыгин Ю.С.* Первые крестьяне... С. 58.
- ¹² *Булыгин Ю.С.* Колонизация русским крестьянством... С. 22; О неотложном содействии к распределению выгод и пользе Колывано-Воскресенских заводов // ПСЗ. СПб., 1830. Т. 15. № 11185, № 11241.
  - ¹³ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 151.
  - ¹⁴ Там же. Д. 124. Л. 403, 403 об.
  - ¹⁵ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 23. Л. 23, 102, 104; Д. 25. Л. 222.
- ^{16} Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 140. Оп. 1. Д. 5. Л. 608; РГА-ДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 19. Л. 811.
- ^{17} Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII начале XIX в. Омск, 1973. С. 294.
- ¹⁸ ГАНО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 8. Л. 48; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 32. Л. 144, 569; РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 37. Л. 148–149; Д. 40. Л. 677–678; Д. 43. Л. 641.
  - ¹⁹ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 166. Л. 78, 79, 85–88, 90, 91, 94; Д. 211. Л. 19, 21, 23, 29.
  - ²⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1157. Л. 2, 3, 18–20.
  - ²¹ Там же. Оп. 18. Д. 99. Л. 48; ЦХАФ АК. Ф. 1.Оп. 1. Д. 21. Л. 559, 561.
  - ²² ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 196. Л. 118.
  - ²³ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 99. Л. 48, 51.

- ²⁴ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 20. Л. 101, 210; Д. 19. Ч.П. Л. 92, 93, 194; ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 25. Л. 38, 46, 52–56, 58; Ф. 1. Оп. 1. Д. 196. Л. 118, 334.
- ²⁵ РГАДА, Ф. 1402, Оп. 1. Ч. 2. Д. 14. Л. 1024–1072.
- ²⁶ РГИА, Ф. 468, Оп.18, Л. 99, Л. 48, 51; Л. 163, Л. 32, 39; Л. 164, Л. 77, 104, 105, 114; Л. 165. Л. 7.; РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 2. Д. 19. Л. 226, 334; ²⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 372. Л. 2–3; Д. 378. Л. 1.

- ²⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 110. Оп. 1. Д. 13. Л. 163, 166.
- ^{29} Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 1. С. 253-255; Балобанов М. Как возник и развивался рабочий класс в России. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 11; Он же. Очерки по истории рабочего класса в России. Крепостная Россия. М.: Экономическая жизнь, 1926. Ч. 1. С. 118; Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949. Т. 1. С. 307, 312; Из истории Урала. Свердловск, 1971. С. 29: Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии (конец XVIII – начало XX в.) / Обзор документов. М., 1968. С. 15–16. 65: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М.: Наука, 1983. С. 79; Томсинский С.М. Эксплуатация детского труда на заводах Урала в первые десятилетия XVIII в. // Из истории рабочего класса Урала. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1961. С. 65-76; Он же. Эксплуатация детского труда на заводах Урала в первой половине XVIII в. // Вопросы истории Урала. Пермь. 1966. С. 14-27.

³⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 30. Л. 130; Оп. 43. Д. 616. Л. 141.

- ³¹ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 580; 581; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 165. Л. 77.
- ³² Семевский В.И. Горно-заводские крестьяне во второй половине XVIII в. // Русская мысль. 1900. Кн. 1. С. 8.
- ³³ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 20. Л. 210, 211; Д. 23. Л. 372, 398; Д. 24. Л. 118–126, 325, 326, 332, 400.
  - ³⁴ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 701. Л. 59.
  - ³⁵ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 26. Л. 123.
  - ³⁶ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 30. Л. 115–118; РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 290. Л. 118. ³⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 334. Л. 41; Д. 303. Л. 6.

  - ³⁸ Там же. Д. 303. Л. 13; Д. 311. Л. 30, 31.
- ³⁹ Там же. Д. 417. Л. 10 об.; Оп. 20. Д. 439. Л. 6, 8; Д. 464. Л. 2, 8; Д. 760. Л. 176–183, 278, 285.
  - ⁴⁰ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 25. Л. 199.
  - ⁴¹ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 30. Л. 115–118.
  - ⁴² ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 30. Л. 112.
- ⁴³ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 439. Л. 6; Д. 464. Л. 2, 8; Д. 760. Л. 176, 275; Чусовитин Н.Г. Петровск-Забайкальский завод – один из первых в черной металлургии Забайкалья // Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск, 1978. С. 57.
- 44 Агапова Т.И. Положение народных масс и классовая борьба на сибирских горных предприятиях (конец XVIII – 60-е годы XIX в.) // Учён. зап. Кабард. пед. ин-та. Нальчик. 1958. Вып. 7. C. 93, 95, 96.
- 45 Бояршинова З.Я. Крестьянский двор в Сибири как производственная единица в Сибири // Вопросы истории дореформенной Сибири. Томск, 1983. С. 9.
- 46 Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700— 1860 годах. Новосибирск, 1963. С. 82-83.
- 7 Агапова Т.И. Возникновение и развитие кабинетского хозяйства на Алтае в XVIII в. // Сибирь в XVII–XVIII вв. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния АН СССР, 1962. С. 216.
  - ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 344. Л. 117.
  - ⁴⁹ *Карпенко З.Г.* Указ. соч. С. 82.
- ⁵⁰ Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. С. 110.
  - ⁵¹ История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 238.

- ⁵² Карпенко З.Г. Указ. соч. С. 83.
- ⁵³ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–25.
- ⁵⁴ ГАТО, Ф. 137, Оп. 1, Л. 7, Л. 112, 156, 157, 431.
- ⁵⁵ Там же. Л. 4. Л. 5.
- ⁵⁶ Филов В.Г. Пугачевцы на Алтае. Барнаул, 1955. С. 81–82. ⁵⁷ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 13, 20, 22, 23; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 13–14.
- ⁵⁸ ГАНО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.
- ⁵⁹ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5. Л. 291; ГАНО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.
- ⁶⁰ Там же. Л. 291–295; Д. 24. Л. 187; Ф. 59. Оп. 1. Д. 5. Л. 140; Ф. 61. Оп. 1. Д. 9 а. Л. 173.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 37. Л. 613; Д. 42. Л. 52; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 39. Л. 214, 215; Д. 46. Л. 752; ГАТО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 3. Л. 7, 8.
  - ⁶² ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 24. Л. 187; Ф. 59. Оп. 1. Д. 5. Л. 410; Ф. 61. Оп. 1. Д. 9 а. Л. 173.
  - ⁶³ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 272. Л. 60–79.
- ⁶⁴ ГАТО, Ф. 68, Оп. 1. Л. 22, Л. 26–229; Ф. 61, Оп. 1. Л. 15, Л. 389, 405, 459, 463; Л. 19, Л. 267, 271, 410; Д. 24. Л. 37, 75, 378; Д. 27. Л. 58, 534, 538, 541, 743; Д. 29. Л. 274, 275, 330, 372, 401, 453, 466, 575, 589, 641; Д. 33, Л. 11, 14, 44, 173, 307; Д. 37, Л. 82, 98, 137, 242, 285, 310, 311, 315, 316, 344, 361, 415 и др.
  - 65 Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 31. Оп. 1. Д. 1432. Л. 127–131.
- 66 Мамсик Т.С. Побеги как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40-90-е гг. XVIII в. Новосибирск, 1978. С. 39-44.
  - 67 Там же. Указ. соч. С. 81–82.
  - 68 История Сибири. Т. 2... C. 392.
  - ⁶⁹ *Мамсик Т.С.* Указ. соч. С. 83, 90–91.
- ⁷⁰ Никишина Н.В. Семья горнозаводского населения Алтая второй половины XIX в.: Авто-
- реф... дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. С. 14–23.

  ⁷¹ *Булыгин Ю.С.* Приписное крестьянство как источник формирования рабочих кадров Колывано-Воскресенских горных заводов (XVIII век) // Промышленность Сибири и ее кадры (конец XVI – начало XX в.): Сб. науч. тр. Новосибирск, 1977. С. 94–96.
  - ⁷² ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 10. Л. 97; Д. 11. Л. 51; Д. 17. Л. 27.
- 73 Хрестоматия по истории Алтайского края (с древнейших времен до конца XIX в.) / Сост. А.А. Худяков. Барнаул, 1966. С. 35.
  - РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 93. Л. 99, 101, 243. 245
  - ⁷⁵ Там же. Д. 67. Л. 203, 204, 206, 207.
  - ⁷⁶ Там же. Д. 319. Л. 1, 2, 4, 5.
- 77 Ледебур К.Ф. Путешествие по Горному Алтаю и предгорьям Алтая // Краеведческие записки. Барнаул, 1959. Вып. 2. С. 296.
  - ⁷⁸ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 818. Л. 48.
  - ⁷⁹ Там же. Оп. 2. Д. 153. Л. 503, 505, 509.
- 80 Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия. XVIII – первая половина XIX в. М., 2000. С. 212-226.
- Карпенко З.Г. Указ. соч. С. 179.
   Моисеев В.А. Змеиногорский горно-металлургический комплекс в первой половине XIX века // Серебряный венец России (очерки истории Змеиногорска). Барнаул, 1999. С. 173.

О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АЛТАЙСКИХ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН И ВЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Организация выполнения заводских работ

Приписные крестьяне продолжали быть тем источником, за счет которого функционировал горно-металлургический комплекс. Крестьяне обязаны были выполнять ряд вспомогательных работ, а также снабжать провиантом и фуражом заводские и рудничные поселки, принимая таким образом на себя часть затрат на горно-заводское производство. Поэтому сохранение способной к выполнению повинностей приписной деревни было в интересах Кабинета и горно-заводской администрации и вынуждало власть внимательно относиться к изменениям в хозяйственной деятельности приписных крестьян.

В первой половине XIX в. был предпринят ряд поездок чиновников по приписной деревне Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа с целью ревизии, результатом которой должна была стать выработка более адекватных взаимоотношений власти с приписными крестьянами. В частности, неоднократно совершались поездки горного инженер-полковника А.И. Кулибина по округу, а в начале 1850-х гг. горный округ, наряду со всей Сибирью, ревизовал чиновник Министерства государственных имуществ Ю.А. Гагемейстер. Позднее их наблюдения были опубликованы А.И. Кулибин и Ю.А. Гагемейстер, будучи представителями власти, имели в своем распоряжении статистические данные, а также в результате поездок по округу у них сложилось личное впечатление о том, как жила приписная деревня.

Чиновники отмечали изменения, происходившие в хозяйственной деятельности приписных крестьян. Направление трансформации крестьянского хозяйства, вызванной интеграцией его в систему горнозаводского производства, определилось неизбежным приобщением крестьян к товарно-денежным отношениям, потребностью в деньгах для найма в заводские отработки. Крестьяне стали развивать те отрасли своего хозяйства, которые дают больший денежный доход, сохраняя при этом, в силу своей крестьянской сущности, остальные отрасли на уровне собственного потребления. Специализация крестьянского хозяйства, появление новых видов хозяйственной деятельности, вызванные потребностью в денежном доходе, представляются власти естественным и благотворным развитием приписной деревни, которое проходит под

трансформирующим влиянием горно-металлургического комплекса. По мнению Ю.А. Гагемейстера, благополучному положению приписных крестьян способствовали бдительный надзор горного начальства, «беспрерывное понуждение их к труду»² и вообще горное ведомство, а также частная золотопромышленность, от продажи которым своих произведений крестьяне получали дополнительный доход. Но такое развитие приписной деревни представляется им неудобным, поскольку система управления, выполнения повинностей была рассчитана на однородную приписную деревню и теперь она перестает быть эффективной. Горнозаводское начальство было заинтересовано решить возникшую проблему несогласованности развития приписной деревни и потребностей горно-металлургического комплекса. Власть была настроена относиться к изменениям в приписной деревне уважительно, поскольку видела в них проявление логики развития крестьянского хозяйства, а не протест. Но при этом у власти были и свои интересы, которые необходимо было соблюсти. Представляется важным рассмотреть, как в этой ситуации нарабатывался опыт конструктивного взаимодействия власти с народом.

Появление в хозяйственной жизни приписной деревни такого явления, как найм в заводские отработки, сразу же вызвало его регламентацию, запрещение отдельных видов найма. Но все же приходилось принимать найм, его развитие. На его примере удобно проследить внимание власти к инновациям в хозяйственной деятельности приписных крестьян, то, что власть считалась с тем путем, каким пошло развитие приписной деревни.

Отдельные случаи найма «расположенными в работу» за себя были еще в середине XVIII в., и со временем найм вошел в повседневную практику. Долгое время существовало ограничение, согласно которому наемщику запрещалось брать с крестьянина за исполнение заводских работ больше двойной платы (то есть не более 1р. 70 к. х 2). Однако за найм в конце XVIII в. приходилось платить 10 р. и более³. По мнению Н.М. Зобнина, во второй половине XVIII – начале XIX в. частыми были случаи, когда горно-заводское начальство требовало снижения платы за найм, возврата переплаченных денег. Например, Канцелярия горного начальства в 1770 г., узнав о том, что один крестьянин нанялся к другому исполнить работу за 13 р. 75 к. за «душу», приказала вернуть 10 р. из этой платы, оставив, таким образом, сумму, приблизительно равную двойной плате⁴. Подобное отношение власти не могло не вызывать напряжения во взаимоотношениях крестьян с властью.

В 1771 г. было велено, чтобы десяток, куда относится не явившийся на работы крестьянин, отрабатывал за него. За эту работу заводы плати-

ли двойную плату. Этот крестьянин должен был выданные за него деньги отработать на заводах, куда его нужно было доставить и следить за его работой⁵. Крестьяне, отрабатывавшие за «нетчиков» из своего десятка, оказывались, по сути, нанятыми, и именно за двойную плату, как того добивалось горно-заводское начальство. Впоследствии «нетчики» не должны были непременно отрабатывать эту плату, а деньги с них взыскивало волостное правление. В этой ситуации для части крестьян могло оказаться выгодным оставлять недоимку и затем оплачивать ее выполнение, так для них снижалась плата за найм.

Вплоть до 1828 г. разрешено было наниматься не более чем за три «души» работы. Хотя уже в конце XVIII в. в отношении дальних волостей не препятствовали наниматься и за большее количество крестьян. Так, в 1795 г. в Салаирский край из дальних волостей Томского округа явилось 308 человек, которые должны были отработать 1200 «душ» работы за себя и по найму⁶.

Вслед за «вольными возчиками», нанимавшимися за одного-двух крестьян, появились подрядчики, которые нанимались за большее количество крестьян, иногда счет шел на десятки и сотни. Появление крестьян-подрядчиков было выгодно и нанимающим, так как такой найм был дешевле. Положение 1828 г. и Правило 1830 г. сняли эти ограничения, существовавший с начала XIX в. подрядный способ был узаконен. Теперь ограничений на цены не было, они устанавливались самими крестьянами. Горно-заводское начальство вынуждено было, вольно или невольно, принимать, узаконивать наработанные приписным крестьянством хозяйственные практики, включать их в систему функционирования горно-металлургического комплекса.

Узаконение реально сложившейся системы исполнения заводских повинностей наймом должно было привести к тому, что более отлаженной станет система, будут устранены злоупотребления. Так, Н.М. Зобнин писал о случаях, когда волостные власти, видимо, желая сократить количество возможных «нетчиков» из числа крестьян своего ведения, не спросив того, за кого нанимают, сдавали работы в подряд. Крестьяне потом вынуждены были платить большие деньги, и, что более важно, незапланированные, не согласующиеся с возможностями хозяйства в данный период их хозяйственно-демографического цикла, что негативно сказывалось на состоянии крестьянского хозяйства. С этого времени с согласия нанимающих крестьян должен был составляться общественный приговор о подряде, а затем заключался контракт с подрядчиком. Волостные начальники и земские управители не имели права сдавать работы в подряды, это могли делать только сами крестьяне⁷.

Приняв факт существования найма в заводские отработки, горнозаводское начальство принялось его регулировать. Вошло в норму административное влияние на несоблюдающих условия найма крестьян, у крестьян появился такой защитник в этом вопросе, как горно-заводское начальство. Нередко наемщики в силу различных причин уходили с работы до полного ее выполнения или не выходили на работы вовсе⁸. В этой ситуации горно-заводское начальство вставало на сторону нанимателя и предпринимало меры к поиску наемщика и принуждению его выполнить подряд. В 1813 г. Сузунская горная контора велела Легостаевскому волостному правлению «отыскать» крестьянина Степана Бочкарева, взявшегося исполнить по найму работу по перевозке угля за крестьянина дер. Манойловой Ивана Тарскова за 1 ½ «душу» и не явившегося вовремя, и «не принимая от него никаких отзывательств к исправлению работы с лошадью и упряжкой выслать»⁹.

Горно-заводское начальство ограничивало найм, вероятно, потому, что его распространение приводило к тому, что власти пришлось бы вслед за крестьянами увеличивать плату за вольнонаемный труд. Крестьяне платили за найм в 12–18, а иногда 30–35 раз больше, чем заводская администрация платила приписным крестьянам Труд «вольных возчиков» использовался заводами еще в XVIII в., работы приписных крестьян того объема, который приписная деревня фактически могла исполнить, не хватало для обеспечения беспроблемного функционирования горно-металлургического комплекса 11.

Вольные перевозки планировались горно-заводским начальством в связи с заводскими отработками крестьян. Для «вольных возчиков» оставлялись лучшие, более удобные участки, с целью привлечения их, а остальное, в частности вывоз руды и угля из труднодоступных мест, выполнялось за счет принудительного труда приписных крестьян. Традиционно в первой половине XIX в. значительное количество «душ работ» приписных крестьян назначалось для перевозки руд на Змеевскую площадь (Змеиногорский рудник) с рудников юга горного округа. Эта площадь была традиционным местом сбора «вольных возчиков», откуда они, по наблюдению чиновников, довольно охотно везут руды далее на север округа, в Локтевский, Барнаульский, Павловский, Сузунский заводы могли платить несколько меньше за работу, которая была легче, а сложные перевозки осуществлялись приписными крестьянами либо наймом за их счет.

Политику горно-заводского начальства в отношении выполнения приписными крестьянами повинностей определяли ограничения по сумме, ассигнованной, в частности, на перевозку руд.

Вступив в должность начальника заводов 18 июня 1817 г., П.К. Фролов обратил внимание на то, что при заводах нет запасов руд не только на 2 года, как это было предписано Кабинетом, но и было недостаточно на один год. Перевозка же руд признавалась как «важнейшая из перевозок в здешних заводах как по количеству перевозимого, так по денежным расходам и по последствиям» ¹³. Поэтому этот вопрос привлек особое внимание нового начальника заводов.

Важнейшими препятствиями к выполнению перевозок П.К. Фролов назвал:

- 1. Уменьшение у крестьян лошадей.
- 2. Наем крестьян на перевозку соли.

Как выяснилось, уменьшение у крестьян количества лошадей произошло из-за «ветроносной болезни», но в большей мере из-за выкупа лошадей за пределы горного округа. Решение этой проблемы П.К. Фролов видел только в одном — запретить выкуп лошадей в заводской округе.

Найм крестьян под своз соли мешал перевозке руд потому, что губернское начальство платит за своз соли намного больше, чем горнозаводское начальство за перевозку руд. Кроме того, нанимая под своз соли, комиссионеры дают крестьянам задаточные деньги, причем иногда «в таком количестве», уточнял П.К. Фролов, «которое многие и поныне не могут выполнить работами, чем необходимо уже отвлекаются от занятия перевозкою руд». П.К. Фролов видел два способа решения этой проблемы – либо «не позволять крестьянам наниматься под перевозку соли», либо увеличить плату за перевозку руд так, чтобы «занятие сею последнею для крестьян было выгоднее, нежеле найм под своз соли».

Но запрет на выкуп лошадей или найма на перевозку соли, по словам П.К. Фролова, было бы «стеснением их (крестьян. -O.У.) промышленности и лишением права распоряжаться собственностью». Вторым следствием этих запретов называется недовольство, которое выразило бы губернское начальство на препятствия к снабжению разных мест необходимым запасом соли.

Увеличить плату за перевозку руд Фролов тоже не посчитал возможным, так как в этом случае заводы выйдут «из определенной им на годовое содержание суммы».

Не видя путей решения проблемы, П.К. Фролов посчитал необходимым поднять этот вопрос на заседании Γ орного совета ^{14} .

Организация закупок провианта по выгодным для заводов ценам

Процесс закупки провианта для заводов и рудников также сопровождался значительными ограничениями для крестьян, но вместе с тем и вынужденными попытками учета их интересов.

Несмотря на то, что поставки провианта пытались осуществлять по навязанным крестьянам ценам, приходилось считаться со складывающейся ситуацией. Далеко не всегда горно-заводскому начальству удавалось однозначно диктовать цены, по которым крестьяне должны были продавать хлеб в заводские магазины.

В конце 1824 г. Канцелярия горного начальства, рассмотрев сведения о поставках провианта и фуража, предоставленные заводскими и горными конторами, издает указ¹⁵, который был разослан в заводские и рудничные конторы, земским управителям и в волостные правления. Канцелярией были определены объемы необходимых поставок и даны рекомендации по организации закупок хлеба. В документе говорится, что «цены, по которым с выгодою можно бы было заготовлять провиант и овес, нельзя точно определить для всякого места» 16, поэтому хотя и устанавливались справочные цены, по которым нужно было покупать хлеб, но это не всегда удавалось соблюсти. В другом документе того же времени земский управитель сообщал в Чаусское волостное правление, что «цены назначаются в заводы Барнаульский, Павловский, Сузунский, Томский и край Салаирский на провиант 40 и фураж до 35 копеек. В край же Змеевский на провиант до 60 и фураж до 45 копеек за пуд или по большой мере не дороже того, почему закупают хлеб в одних и тех же волостях в постороннее ведомство»¹⁷. Канцелярия предписывала в этом случае избирать «расторопных», «опытных» и «усердных к покупке» людей, а также большую роль отводила волостным правлениям и земским управителям, которые должны были указывать закупщикам селения, где хлеб в изобилии, сопровождать их в поездке по волости и при этом также следить, чтобы «продавцам в сем случае не только не было обид и притеснений, но делаемо было все возможное приохачивание» 18.

Горно-заводское начальство, опасаясь увеличения цены на провиант и фураж в случае съезда нескольких закупщиков в одну волость, расписывало, в какие волости представители от каких горных и заводских контор должны были ехать. Обращает на себя внимание тот факт, что волости были расположены максимально близко к заводам, куда потом подрядившимся крестьянам нужно будет вести хлеб. В частности, закупщики от Барнаульской конторы должны были ехать в Белоярскую, Боровлянскую, Тальменскую, Чумышскую и Верх-Чумышскую волос-

ти; от Змеевской и Локтевской контор – в Чарышскую, Барнаульскую, Касмалинскую, Колыванскую, Убинскую, Усть-Каменогорскую и Крутоберезовскую ^{19} .

Были определены наиболее выгодные для горно-заводского ведомства условия поставки, но предписывалось, в случае несогласия крестьян продавать на предложенных условиях, делать им уступки. Так, сроки поставки назначались с 1 марта по 1 сентября 1825 г., однако «в случае несогласия продавцов» предписано было назначать поставки до конца ноября²⁰. Столь значительный срок означал, что поставки могли быть как из прежнего урожая – из того хлеба, который на момент заключения контракта у продавца был, так и из будущего урожая. Увеличение срока поставок до ноября было удобно крестьянам, они могли доставлять провиант по зимнему пути, который открывался в начале ноября и продолжался до конца марта²¹.

Предписывалось также склонять крестьян к продаже без задатков, а в случае их отказа выдавать задатки, но не более половины суммы.

Цены на провиант зависели и от урожайности года. В частности, в 1832 г. провиант был заготовлен по достаточно высоким ценам. В 1833 г. Горное правление решило простить непоставщикам провианта подряд за 1832 г., предписав тех, кто поставил хотя бы в размере задатка, из числа непоставщиков исключить, а с остальных взыскать задаточные деньги и тоже списать долг. Горное правление объясняло такую меру тем, что благоприятный урожай хлеба в этом году «не представляет никакого затруднения сделать заготовление оного вновь выгоднейшими ценами против прошлого года» 22.

Заводские конторы должны были закупать хлеб не только на текущий год, но и на будущий, с тем, чтобы иметь трехгодичный запас на случай неурожая, но не безоговорочно, а при благоприятных условиях, то есть при низких ценах. В частности, в 1851 г., исходя из предложения управляющего Алтайскими горными заводами генерал-майора Бегера, министр финансов распорядился создать трехлетние запасы хлеба при заводах, когда цены на него понизятся до 50 к. асс. за пуд. В случае же, если цены будут выше, предписывалось не торопиться с закупкой всего объема и ждать, пока цены понизятся до 50 к. за пуд – той цены, на которую ориентировалось в этом году горно-заводское начальство, планируя закупки. Так, если цены поднимутся выше 80 к. асс. за пуд, то закупить следовало на четверть от годового объема меньше, если выше 90 к. — то на третью часть, выше рубля — на половину. При первом же удобном случае этот недостаток провианта должен был быть ликвиди-

рован и в целом уменьшение разрешалось производить не более чем на головой объем²³.

Планируя закупку, горное правление запросило от земских управителей сведения, по каким ценам можно будет закупать провиант в 1851 г. для заводских магазинов в волостях их ведения. В ответ каждый земский управитель перечислил цены, по которым «надеется купить» провиант. Минимальные цены просили крестьяне волостей ведения Чаусского земского управителя, которые соглашались поставлять провиант в Барнаульский и Сузунский заводы, на Егорьевский золотой промысел по цене 15–19 к. Намного более высокие цены крестьяне просили на поставку провианта в рудники Змеиногорского края, на Бухтарминскую и Усть-Каменогорскую пристани – 40–65 к. 24

Белоярский и Бачатский земские управители «никаких цен не назначили». Белоярский земский управитель донес, что «достоинство урожая, по причине неуборки с полей хлеба крестьяне объяснить не могут и цен никаких не выспрашивают», что друг другу крестьяне продают хлеб от 15 до 20 к., фураж – до 15 к., крупу – до 26 к., и предположил, что если погода не помешает уборке, то цены еще понизятся. Бачатский земский управитель также сообщал, что «по случаю неокончательной уборки с полей хлеба цен на поставку его в заводские магазины никаких не выспрашивают, но между собой на местах в селениях продают провиант от 12 до 15 коп., а фураж от 10 до 12 коп. сер.»²⁵.

15 ноября 1851 г. главный начальник Алтайских заводов отправил рапорт министру финансов, в котором говорилось, что 12 ноября он распорядился «открыть покупку провианта, фуража и круп для заводских мест у приписных к заводам крестьян через земских управителей, по назначенным горным правлением низшим ценам, и если при том потребуется прибавить цены на провиант, фураж и крупу, то представить управителям самим без особенной переписки под личною их ответственностию повышать оную за высшею ценою до 3 коп. сер. на каждый пуд. За всем тем я разрешил горному правлению по усмотрению своему в случае необходимости по местным обстоятельствам без затруднения надбавлять цену по постановлениям своим до штатного назначения» ²⁶.

Увеличить объем закупа провианта на выгодных для заводов условиях было довольно сложно. Так, 8 мая 1846 г. министр финансов предложил ввести выдачу провианта на семейство служащих на Алтайских заводах, но вместе с тем было сказано, что провианта заготовлена только двухгодичная пропорция и только на самих служащих. Поэтому предложили временную меру — часть провианта выдавать натурой, насколько позволяют запасы, а остальное — деньгами. Впоследствии заво-

дские власти «по необыкновенному возвышению цен на провиант в последние годы по заводскому округу не имели возможность составить достаточные запасы хлеба по штатным ценам, чтобы можно было выдавать оный семействам служащих и мастеровых». В этой ситуации министр финансов вынужден был просить у императора позволения продлить выдачу денег вместо провианта еще на 3 года — по 1 июля 1852 г.²⁷

Приписные крестьяне занимались не только поставкой провианта, но и его перевозками. В конце 1842 г. в Зыряновском магазине оказалось запаса провианта для продовольствия служащих всего на два месяца. Поэтому необходимо было в короткое время перевести провиант, хранящийся в магазине Верхней пристани. Управляющий рудником просил земского управителя объявить крестьянам, что цена на перевозку увеличена до 12 к. асс. с пуда. Данное требование было доведено до Бухтарминского волостного правления, которое 13 декабря донесло земскому управителю, что «желающих из крестьян здешней волости никого не оказалось». В этой ситуации управляющий рудником просил земского управителя «принять все зависящие меры на приглашение» перевозить провиант по предложенной цене тех крестьян, которые еще не выполнили свои повытки по перевозке руды. Отмечается, что во избежание затруднений в выдаче провианта служителям необходимо ежемесячно перевозить с пристани 3 тыс. пудов, а «сдача провианта непоставщиками по прежним подрядам почти прекратилась»²⁸.

Проблема снабжения провиантом населения заводских и рудничных поселков, в том числе и Змеиногорского края, заставила обсуждать этот вопрос на заседании Горного совета в 1860 г. в связи с вопросом об учреждении пароходства в Горном округе. Горный совет констатировал, что в Змеиногорский край, а также в Павловский и Сузунский заводы «подряжаются доставлять хлеб земледельцы ближайших только мест к заводам, а удаленные считают таковой подряд по дальнему расстоянию вовсе для себя не выгодным»²⁹. Предполагалось, что введение судоходства по р. Оби и постройка двух складочных магазинов даст возможность уничтожить это затруднение. «При таких условиях земледельцы, не желающие подрядиться доставлять хлеб прямо в означенные заводы, будут по своим расчетам охотнее доставлять оный в складочные магазины и, следовательно, по уменьшенным ценам»³⁰.

Заводы были поставлены в условия закупать хлеб исходя из той суммы, которая на эту цель была ассигнована. По смете, утвержденной на 1851 г., Алтайским заводам на заготовление провианта было ассигновано 162314 р. 90 ½ к. сер. Из них действительно употребле-

но было 122313 р. 14 к. На следующий, 1852 г., запланировано также 162314 р. 90 ½ к. сер., а остаток (предположительно 45454 р. 50 ½ к. сер.) должен был остаться «в запасе на случай повышения цен на провиант» ^{31} . На 1860 г. было ассигновано 231519 р. 41 ¾ к. ^{32}

В 1859 г. от повышения цен на провиант потребовалось на 16326 р. 97 к. больше, чем было ассигновано. Горный совет решил взять эти деньги из запасного капитала, произошедшего от сбережения прежних лет при закупке провианта³³.

Таким образом, реализуя постоянно существовавшее стремление как можно дешевле обеспечить потребности заводского населения в провианте, предпринимались меры по снижению цен. Хотя и удавалось навязать крестьянам подряды по ценам намного ниже тех, которые предлагали золотопромышленники и военные линии, вынужденные за счет высоких цен привлекать крестьян продавать хлеб именно им, противопоставляя высокую цену тому административному ресурсу воздействия на крестьян, которым обладало горно-заводское начальство, но предстоял второй этап — дождаться или добиться, чтобы крестьяне привезли хлеб именно в заводские магазины.

Приписные крестьяне брали подряды на поставку хлеба в заводы и рудники, но рассматривали их, видимо, как крайний вариант на случай, если не удастся продать провиант дороже. В 1796 г. крестьянин д. Песчаной Бийской волости П. Шевелев подрядился поставить в Локтевский завод 50 пудов муки. В 1803 г. крестьянин П. Поклонов, который поручался за него на протяжении этих лет, сообщал, что «Шевелев неоднократно из дому своего муку в тамошнее место увозил, но куда она принадлежала, не отдавал, а продавал повольно желающим людям»³⁴.

При этом оставались значительные, переходящие из года в год недоимки. На 23 июня 1826 г. крестьяне не поставили провианта по подрядам 1823 г. – 14830 пудов, 1824 г. – 28699 ½ пуда, 1825 г. – 40772 пуда³⁵. На 4 марта 1827 г. объем непоставок несколько сократился: по подрядам 1823 г. оставался в недоимке 7391 пуд, 1824 г. – 17097 пудов, 1825 г. – 19439 пудов³⁶. Крестьяне поставляли провиант в заводы и рудники, когда не удавалось сбыть хлеб другим покупателям. Как бы то ни было, предприятия Кабинета были значительным потребителем хлеба. Именно их наличие и влияние на торговлю хлебом заставляло остальных покупателей держать высокие цены на хлеб, а в случае, если крестьянам не удастся продать им хлеб, крестьяне всегда имели возможность отдать его, пусть по более низкой цене, но там, где продажа была гарантирована, где зачастую уже был заключен подряд, получен задаток и покупатель не только ждет, но и разыскивает продавца.

В этой ситуации горно-заводскому начальству, организовавшему закупки, раздавшему крестьянам половину тех денег, которые оно должно было заплатить по подряду, и дожидающемуся поставок в течение нескольких лет, пришлось предпринимать меры против непоставщиков, поэтому постоянными стали требования к земским управителям высылать разыскивать и непоставщиков с провиантом.

Горно-заводское начальство принимало меры против нарушений срока. Так, к примеру, крестьянин д. Верхмильтюшской Бердской волости И. Овчинников в 1794 г. взял подряд на поставку в Сузунской завод 100 пудов муки по 45 к. за пуд и получил задаток 22 р. 50 к. Подряд был выполнен только в августе 1799 г. и оплачен ему по 30 к. за пуд. Кроме того, с него вычли 5 р. 23 $\frac{1}{2}$ к. за просрочку. В итоге П. Овчинников получил за поставленный им провиант 24 р. 76 $\frac{3}{4}$ к. $\frac{37}{4}$ Но, видимо, такой риск крестьянам казался оправданным.

Неудивительно поэтому, что власть постоянно находилась в напряжении по этому вопросу, внимательно следила за ценами, которые «испрашивали крестьяне» и изыскивала способы снижения их, и далеко не всегда ей удавалось обеспечить полностью свои потребности, как и нарастить объем закупаемого провианта с 1846 по 1852 г. для снабжения им не только мастеровых, но и их семей.

Выработка приемлемых для власти условий переселения крестьян

Больным вопросом для власти были крестьянские переселения, которые не прекращались, несмотря ни на какие запреты и препятствия. Осознавая их объективную необходимость для крестьян, власти приходилось считаться с крестьянскими переселениями, но она стремилась их контролировать и регламентировать, поскольку существовавшая в округе подушная система налогообложения требовала, чтобы крестьянин всегда был на виду и переселение его, чтобы не быть препятствием к выполнению повинностей, должно было сопровождаться «перечислением» их по документам в канцелярии горного округа, в горно-заводских конторах. На деле же сложилась практика, согласно которой крестьяне сначала переселялись, обзаводились на новом месте домом и хлебопашеством и только через несколько лет просили разрешения на переезд, который уже фактически состоялся.

Самовольные переселения по-прежнему однозначно запрещались. Предписания о запрете самовольных переселений, «наистрожайше и в последний раз», Кабинет издавал на протяжении всей первой половины XIX в. и требовал от горно-заводского начальства препятствовать таким

переселениям. Но на протяжении всей первой половины XIX в. достичь этого не удавалось.

Старшины деревень, волостные начальники, земские управители, допустившие самовольное переселение крестьян, подвергались штрафам и отстранялись от должности³⁸. Крестьяне также подвергались наказаниям, их выселяли на прежнее место жительства, а дома разрушали, но этим подрывалось состояние крестьянского хозяйства. Такие мероприятия власть могла позволить осуществить только в отдельных случаях, в целях устрашения остальных крестьян, но применить их ко всем переселявшимся крестьянам было невозможно без значительного подрыва экономической мощи приписной деревни, в сохранении и развитии которой горнозаводское начальство было безусловно заинтересовано.

Поэтому стремились выявлять намерения переселиться до того, как само переселение состоялось, — тогда у горно-заводского начальства появлялась возможность запретить переселение, и в этом большая роль отводилась земским управителям и волостным правлениям. К примеру, 11 сентября 1836 г. было издано постановление, в котором начальник заводов предписал, чтобы горное правление поставило в обязанность земским управителям и волостным правлениям предотвращать возможные переселения без разрешения на это горного правления. В противном случае «за ненаблюдение» они должны были понести наказание³⁹.

От крестьян требовали составлять прошения с изложением причин переселения, а также предоставлять увольнительную подписку от общества своей деревни и приемную от той, куда хотят переселиться. В целях регламентации процедуры переселения составлялись формы увольнительных и приемных подписок. В частности, такие формы были составлены и разосланы земским управителям в $1836 \, \Gamma$.

Основной уважительной причиной переселений признавался недостаток «пахотных мест и сенных покосов и прочих крестьянских угодий», кроме того, в форме указывалось, что причиной переселения могло быть сближение с родственниками, а также для «удобности исполнения работ заводских по сближению к заводам и рудникам»⁴¹.

Крестьяне подавали прошения о переселении земскому управителю, он писал рапорт в канцелярию, от земского управителя впоследствии крестьяне узнавали о решении их дела.

В канцелярии рассматривали вопрос о разрешении, выявляли «препятствующие причины», среди которых основными были рекрутская очередь, наличие недоимок по взносам в сельские запасные магазины, по выполнению заводских отработок и выплаты других податей⁴².

В 1830-е гг. в Горном правлении на основе рапортов от земских управителей были составлены ведомости о крестьянах, которые просят перечислить их из одного селения в другое. Основными графами этой таблицы и, следовательно, основными условиями при рассмотрении вопроса о переселении были: кто именно из семьи и когда ушли в рекруты, в каком тысячном участке состоят и в какой перечисляются, есть ли недоимки по податям и отработкам, сколько десятин хлебопахотных земель и сенокосных угодий имеется на душу на прежнем месте жительства и сколько на новом. Затем эти ведомости высылались земским управителям, которые на их основании объявляли крестьянам о данном им разрешении на переселение⁴³.

Переселиться разрешали, если на семейство не выпадает рекрутская очередь при первом и втором последующих наборах.

В увольнительной подписке перечислялся мужской состав семьи по данным последней ревизии. По прибытии на новое место жительства они вносились в окладные книги, которые составлялись ежегодно. Причем вносили туда не только тех, кто переехал, а всю семью с умершими, выбывшими в рекруты и т.д., и они платили за них подати и на новом месте жительства.

Так, например, в 1837 г. верхотомскому земскому управителю было подано прошение, а также увольнительная и приемная подписки от крестьянина Алексея Суховольского, который просил перечислить его с семейством в пяти душах из деревни Пестеревой Касминской волости в д. Чумашкину Мунгатской волости. По сказкам 8-й ревизии Алексею Суховольскому было 25 лет, под его номером были записаны отец Терентий 46 лет, братья Григорий, Ефтихий и Степан (22, 20 и 18 лет соответственно). В рекрутских списках Алексей Суховольский показан в четырех душах, так как его отец умер в мае 1834 г. Рапорт земского управителя с изложением этих обстоятельств был рассмотрен в Горном правлении и «по неимению никаких препятствующих причин» им было позволено переселиться. Вместе с ними был перечислен и умерший отец, за которого они должны по-прежнему платить подати до следующей ревизии⁴⁴.

В 1820 г. на заседании Горного совета рассматривалось прошение крестьянина д. Хорошеборской Пачинской волости Фоки Акинфиева Баранова, который сообщал, что еще в 1817 г. им было подано в канцелярию прошение о переселении из-за недостатка хлебопахотных земель и сенокосных мест в д. Логинову Мунгатской волости. Канцелярия приказала земскому управителю перечислить крестьянина Фоку Баранова с сыном, но «неизвестно почему» этого не было сделано. В 1820 г. оказа-

лось, что он так и остался неперечисленным. В то же время «в надежде такового перечисления» с разрешения жителей д. Логиновой он переехал и обзавелся домом. К этому времени сын Иван уже поступил в рекруты. По донесению земского управителя за крестьянином Барановым и его сыном Иваном в невыполнении остается работа за два года при Гавриловском заводе рубкою дров. Поэтому перечислить его «никак не можно», но, приняв во внимание, что выселение обратно в Пачинскую волость привело бы к полному разорению крестьянина Баранова, ему разрешили остаться на жительство в д. Логиновой и взыскать с него недоимку на новом месте, а с 1821 г. перечислить «платежом податей» в Мунгатскую волость⁴⁵.

В форме приемной подписки, изданной в 1836 г., в очередной раз повторялось требование, что крестьяне сначала должны получить право на переселение и только потом обзаводиться на новом месте домом и хлебопашеством. Видимо, это связано с тем, что если крестьяне построят дом и обзаведутся хлебопашеством, то уже запретить переселение им будет затруднительно, так как они понесут большие убытки и могут разориться.

Всех переселившихся крестьян необходимо было внести в содержимую в Горном правлении книгу о переселяемых 46.

Таким образом, в первой половине XIX в. горно-заводское начальство вынуждено было разрешать крестьянские переселения, требуя, чтобы они были произведены с ведома власти, с соблюдением необходимой процедуры и не затрудняли горно-заводское производство.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению при Сибирском комитете. СПб., 1854. Ч. 2; Кулибин А.И. Описание Колывано-Воскресенских заводов по 1833 г. // Горный журнал. СПб., 1836. Ч. 1, кн. 1. С. 158-180.

² Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. С. 394.

³ Жеравина А.Н. Очерки истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири. Томск, 1985. С. 33.

⁴ Зобнин Н.М. Приписные крестьяне Алтая // Алтайский сборник. Томск, 1894. Т. 1. С. 47. ⁵ Там же. С. 44.

⁶ Там же. С. 45.

⁷ Жидков Г.П. Наемный труд в хозяйстве кабинетских крестьян Западной Сибири первой половины XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев.1966. С. 504.

⁸ Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство Сибири (1747–1861 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 141.

⁹ ГАНО, Ф. 78, Оп. 1, Л. 138, Л. 161–161 об.

- ¹⁰ Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860-х годах. Новосибирск: СО АН СССР, 1963. С. 153.
- ^{11} Жидков Г.П. О наемном труде на алтайских заводах в XVIII первой половине XIX в. // Материалы по истории Сибирь. Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 232.
  - ¹² Там же. С. 232.
  - ¹³ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 610. Л. 53 об.
  - ¹⁴ Там же. Л. 27–29 об.
  - ¹⁵ ГАТО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 19. Л. 835–836 об.
  - ¹⁶ Там же. Л. 836.
  - ¹⁷ Там же. Л. 36 об.
  - ¹⁸ Там же. Л. 836 об.
  - ¹⁹ Там же. Л. 385 об.
  - ²⁰ Там же. Л. 836.
  - ²¹ Кулибин А.И. Указ. соч. С. 169.
  - ²² ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 43. Л. 34.
  - ²³ РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 360. Л. 3.
  - ^{24} Там же. Л. 5 об -7.
  - ²⁵ Там же. Л.7 об.
  - ²⁶ Там же. Л. 1–1 об.
  - ²⁷ Там же. Л. 9–10.
  - ²⁸ ЦХАФ АК. Ф.9. Оп. 1. Д. 89. Л. 213–213 об. Л. 215–215 об. Л. 217–218.
  - ²⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1885. Л. 169.
  - ³⁰ Там же. Л. 169 об.
  - ^{31} Там же. Л. 10 об -11.
  - ³² Там же. Л. 90.
  - ³³ Там же. Л. 90 об.
  - ³⁴ *Жеравина А.Н.* Кабинетское хозяйство... С. 170.
  - ³⁵ ГАТО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 23. Л. 317.
- ³⁶ *Лукичев С.С.* О поставках приписными крестьянами Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа провианта и фуража для заводов и рудников // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 45.
  - ³⁷ Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство... С. 168.
  - ³⁸ Там же. С. 226–227.
  - ³⁹ ЦХАФ АК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5. Л. 407.
  - ⁴⁰ Там же. Л. 370–372 об.
  - ⁴¹ Там же. Л. 370.
  - ⁴² ГАТО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 24. Л. 236–236 об.
  - ⁴³ ЦХАФ АК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5. Л. 452–456.
  - ⁴⁴ Там же. Л. 421–422 об.
  - ⁴⁵ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2438. Л. 71–72 об.
  - ⁴⁶ Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5. Л. 515.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО АЛТАЙСКОЙ ПРИПИСНОЙ ДЕРЕВНИ В 20–50-е гг. XIX в.

Определение характера и направленности развития крестьянского хозяйства алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX в. в условиях мобилизации на обслуживание горнометаллургического производства (эмпирически-интуитивные подходы)

Хозяйство алтайских приписных крестьян в 20–50-е гг. XIX в. выказало феноменальные способности поддерживать свою мощь в условиях интеграции в систему горно-металлургического производства. 20–50-е гг. XIX в. были временем адаптации крестьян к навязанному им статусу приписных. Развитие хозяйства приписных крестьян в это время уникально с точки зрения мобилизации всех резервов и формирования новых хозяйственных практик.

В комплексном крестьянском хозяйстве в 20–50-е гг. XIX в. базовой отраслью оставалось земледелие как традиция хозяйствования, приспособленная «к природным условиям того или иного района» еще в XVIII в. Оно развивалось экстенсивно, посредством освоения новых территорий. Еще одной характерной чертой развития земледелия приписной деревни Алтая в указанный период был консерватизм. Сохранение традиционных орудий сельскохозяйственного производства и агрономических приемов оставалось основополагающим ориентиром хозяйствования, не нарушавшим его стабильного и естественного существования. Основные методы земледелия воспроизводили отшлифованные в предыдущие времена приемы. Ярким примером консерватизма земледельческой отрасли является ситуация с возделыванием картофеля на Алтае, когда «проклятый плод» только в 40-е гг. XIX в. стал частью земледельческой культуры крестьянства².

Однако консерватизм крестьянского хозяйства не исключает улучшений технического оснащения земледельческого производства. В 1830-е гг. в горном округе крестьяне почти повсеместно перешли от употребления бесколесной сохи «рогалюхи» к использованию колесной сохи «колесухи»³. Если учесть, что процесс овладения техническими новшествами у крестьян растягивается на длительные сроки, то факт серьезного технического перевооружения в земледельческой отрасли за столь короткий хронологический отрезок времени свидетельствует о многом. Именно таким эффективным приспособительным приемом крестьяне отреагировали на мощный фискальный прессинг со стороны Ка-

бинета, внеся тем самым качественное изменение в организацию своего хозяйства, повысив в целом его эффективность. С.С. Лукичев, опираясь на данные официальных отчетов, выяснил, что среднегодовые размеры посевов и сборов хлебов с 1812 до начала 1840-х гг. оставались примерно одинаковыми. Далее с 1842 г. на протяжении четырех лет происходит резкое увеличение этих показателей, однако впоследствии до 1860-х гг. величина посевов и сборов стабилизировалась на достигнутом уровне⁴. Такая динамическая картина хлебопашества дает историку основание сделать вывод о застойном характере развития земледелия. Однако с крестьяноведческой точки зрения можно иначе посмотреть на проблему отсутствия устойчивой динамики роста земледельческого производства. Не исключено, что это было обусловлено не сдерживающей силой, безусловно, тяжелых феодальных повинностей, а самой инвариантной природой крестьянского хозяйства. А.В. Чаянов выделил специфическую закономерность функционирования трудового семейного хозяйства. «При каждом данном уровне техники и условиях данной рыночной конъюнктуры всякая трудовая семья, располагающая возможностью регулировать площадь своего землепользования, могла повышать производительность своего труда, увеличивая капиталоинтенсивность своего хозяйства до известного оптимального для семьи этого уровня. Всякая форсация капиталоинтенсивности за пределы этого оптимального уровня поведет к усилению тягостности труда и даже к падению его оплаты, так как, с одной стороны, повышение расходов на восстановление снашиваемого капитала будет погашать полезный эффект дальнейшей капиталоинтенсификации, а с другой – хозяйственная реализация этого капитала потребует от хозяйствующей семьи большего напряжения труда, чем это допускается равновесием внутрихозяйственных факторов хозяйства»⁵. И если следовать данной методологической установке, то не исключается предположение, что в 1840-е гг. крестьянское хозяйство среагировало на благоприятную экономическую конъюнктуру, обусловленную эффектом денежной реформы, и в дальнейшем стабильно функционировало на новом уровне как типическое традиционное крестьянское хозяйство. Определенная подвижка в развитии земледельческой отрасли в 1840-х гг. может также объясняться тем, что именно на эти годы приходится относительно полное хозяйственнодемографическое освоение территории округа, или тем, что в эти годы дала эффект территориальная специализация. В любом случае этот исторический эпизод может стать показателем социально-экономических подвижек, если исследовать «равновесие внутрихозяйственных факторов», и в этой части продолжение исследовательской практики представляется целесообразным и продуктивным.

Другой базовой сельскохозяйственной отраслью горного округа было скотоводство. Оно, как и земледелие, развивалось исключительно экстенсивно и оставалось примитивным. Разведение лошадей являлось необходимым для приписных крестьян. С внедрением в 1830-е гг. сохиколесухи и с обозначившимся ростом освоения новых целинных земель остро встал вопрос о наличии двух-трех лошадей для нормального функционирования крестьянского хозяйства. А крестьянской семье, для того чтобы обеспечить простое воспроизводство своего хозяйства, необходимо было иметь как минимум 5-6 лошадей⁶. Именно в таком относительно большом масштабе развития скотоводства крестьянское хозяйство носило повсеместно унифицированный характер. Скотоводство в предреформенный период стало тем видом хозяйственной деятельности, который позволил крестьянам при наличии сильных препятствий для свободного торгового оборота земледельческой продукции переключиться на разведение скота как малозатратное и менее трудоемкое занятие.

Уровень хлебопашества и скотоводства не позволял развитию только этих отраслей решать новые более сложные экономические задачи. Возрастающая роль денежного компонента в крестьянском хозяйстве побуждала крестьян придавать большее значение развитию подсобных видов деятельности. Мотивация крестьян задействовать весь арсенал трудового ресурса с целью получения необходимого дополнительного дохода становилась приоритетной. Дополнительные источники доходов способствовали выполнению фискальных обязательств, балансировали многоотраслевое крестьянское хозяйство, страховали крестьянский труд в базовых отраслях от перенапряжения. Включение в хозяйственную деятельность новых отраслей определялось, прежде всего, крестьянским представлением об опасности оказаться за нижним пределом потребления. Однако говорить о том, что подсобные занятия уменьшали трудовую нагрузку, нельзя. Из всех промыслов, пожалуй, только пчеловодство позволяло минимизировать затраты труда в земледелии и скотоводстве без ущерба для формирования режима рационального питания крестьянской семьи. Вместе с тем в литературе нет указаний на то, что пчеловодство стало самостоятельной отраслью, оно всего лишь вносило коррективы в региональное комбинирование в рамках базовых отраслей. Не случайно составители окладных книг – основного документа учета хозяйственной состоятельности крестьянского двора в 20–50-е гг. XIX в. – старались учесть эту статью крестьянского хозяйства.

Промыслы, даже если занятие ими поощрялось горной администрацией, например мукомольное дело, в связи с тем, что власть предпочитала закупать муку и крупу, а не зерно, так и не получили самостоятельного значения. То же мукомольное дело, будучи повсеместно распространенным, было малопроизводительным. Как выяснил Ю.С. Булыгин, ветряные и водяные мельницы были преимущественно мелкими и обслуживали в основном 2–3 двора⁷.

При исследовании промысловых занятий алтайских приписных крестьян отдельного внимания заслуживает их специализация на извозном промысле. Это занятие обусловливалось необходимостью несения конных отработок на заводах и рудниках, которые со временем превратились в вид крестьянского подряда. Но, по-видимому, как раз это обстоятельство и мешало превратиться этому занятию в полноценную составную часть крестьянского хозяйства именно приписных крестьян. Такой вывод следует из научных изысканий Ф.С. Кузьминой. Так, она пишет, что «приписные крестьяне Колывано-Воскресенского горного округа в извозном промысле по Московскому тракту, т.е. там, где по-настоящему извоз мог быть самостоятельным занятием, принимали «незначительное участие». «В 1825 г. их доля участия в грузоперевозках составила всего 5%, а в 1830 г. – 3% от общего количества перевезенного груза» ^{8} . Думается. тезис о возрастающей роли промыслов в крестьянском хозяйстве адекватен, если исходить из их подсобной роли. Они, главным образом, усиливали комплексный характер традиционного крестьянского хозяйства.

Специфическое проявление получила в алтайской приписной деревне торговая деятельность, которая, как и все другие занятия крестьян, развивалась под воздействием приписки. Значительную долю повинностей приписных крестьян составляли денежные выплаты и хотя бы уже поэтому крестьяне были вынуждены добывать деньги, и делали они это по законам добывающего хозяйства, в рамках которого не было места для перепродажных спекуляций. Это было особенно сложно сделать в рамках политики ограничений на торговлю сельскохозяйственной продукцией. Преимущественно реализуя излишки основных сельскохозяйственных отраслей на предприятиях Кабинета по заниженным ценам, крестьяне с целью увеличения объемов продаж вынуждены были расширять ассортимент реализуемой продукции за счет вспомогательных видов деятельности. Несмотря на то, что торговая деятельность крестьян была опосредована как земскими управителями, так и скупщиками, лавочниками и маркитантами, её значимость была велика, и своеобразным свидетельством успешной вовлеченности крестьян в товарно-денежные отношения является тот факт, что крестьяне осознанно становились «нетчиками», предпочитая компенсировать невыполнение работ деньгами⁹.

Крестьяне также сознательно попадали в число недоимщиков, но при этом, несмотря на запреты со стороны горного начальства, продавали провиант на линии. Во второй четверти XIX в. это явление, по мнению А.Н. Жеравиной, стало массовым 10. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: в 1848–1854 гг. оживление крестьянской торговли по линиям и трактам за пределы горного округа привело даже к некоторому снижению крестьянских недоимок. Последнее обстоятельство является показательным с точки зрения определения качественного состояния крестьянского хозяйства. Есть основание полагать, что в эти годы посредством обращения к чисто рыночному сбыту крестьянам удалось сбалансировать свое хозяйство и вновь восстановить стабильные поставки на заводы и рудники¹¹. В последующие годы крестьяне, усвоив преимущества рыночной торговли, побуждали Кабинет к развитию повсеместной ярмарочной торговли на территории округа под вполне благовидным предлогом необходимости приобретать элементарные «веши и орудия» 12. Рост ярмарочной крестьянской торговли вполне мог означать, что крестьяне, согласно теоретическим выкладкам известного русского экономиста С.Н. Булгакова, увидели в торговой деятельности мощный приспособительный прием по сохранению достигнутого в 1840-е гг. оптимального «стандарта жизни» 13.

Активное участие приписных крестьян во второй четверти XIX в. в ярмарочной торговле, казалось бы, должно было приводить к капитализации крестьянского хозяйства, но этого не происходило. Дело в том, что на протяжении всего изучаемого периода не менялась структура рыночного оборота, доминировала торговля продуктами скотоводства, а продукты земледелия отсутствовали или продавались в малых размерах 14. Деньги становились средством укрепления собственно крестьянского хозяйства. Приобщение к не свойственной крестьянской норме торговой деятельности помогло крестьянам лишь справиться с многообразной и возрастающей налоговой нагрузкой. Торговая деятельность стала обязательным алгоритмом крестьянствования, но она в большей степени страховала хозяйство от разорения, нежели способствовала его приумножению. Емкость рынка обусловливалась лишь объемом денежной массы, необходимой для компенсации начисленной на крестьян оброчной и подушной подати.

Благодаря деньгам, как отмечает З.Г. Карпенко, сложилась система выполнения заводских работ крестьянами с помощью подряда ¹⁵. Повсеместно имела место стихийная торговля зачетными квитанциями. Сло-

жившаяся к 1840-м гг. система выполнения заводских работ посредством найма была элементом механизма экономической адаптации. К 1861 г. менее половины исполняли ее лично¹⁶. Экономическая зависимость бедных хозяйств от богатых позволяла последним перекладывать выполнение заводских отработок на первых. То, что найм в отработки был возведен в систему, не обязательно свидетельствовало о социальной трансформации крестьянского хозяйства. В подрядной организации выполнения заводских отработок, как и в применении наемного труда в самом крестьянском хозяйстве, трудно определяются границы эксплуатации. Использование наемного труда не обязательно имело целью получение прибавочной стоимости: оно в приписной деревне рассматривалось как средство сохранения простого воспроизводства в состоянии интегрированности в систему горно-металлургического производства. Наемный труд был естественной нормой традиционного крестьянского общества при так называемых «критических» фазах производства (посевная и уборочная, страда, сенокошение, возведение жилых и производственных построек и прочее). Наемный труд был характерен для хозяйств всех уровней и играл подсобную роль. Ему было моральное определение «помочи». М.М. Громыко пишет, что нередко небогатым крестьянам, вынужденным наниматься в отработки, оказывалось расположение и уважение со стороны богатых путем предоставления для скорейшего выполнения им своих лошадей и даже ссужения их семьям денег и оказания всяческой моральной поддержки¹⁷.

Состояние мобилизованности на обслуживание горно-металлургического производства неизбежно выводило крестьянское хозяйство на товарный уровень функционирования. Основой эволюции товарности как свойства крестьянского хозяйства стала территориальнохозяйственная специализация.

В предреформенный период сформировалась четкая отраслевая структура крестьянского хозяйства горного округа. Определенные виды хозяйственных занятий становились в различных местностях приоритетными. В усложнившейся структуре крестьянского хозяйства ни один вид хозяйственной деятельности не утратил роли органического связующего всего производства. Земледелие так и не стало фактором преуспевания, оно по-прежнему лишь страховало крестьянство от голода и оставалось гарантом стабильности. В скотоводстве реализовалась элементарная предпринимательская логика, суть которой в минимизации затрат на труд и максимизации его результатов. В промыслах, всевозможных подрядах, торговой деятельности проявился колоссальный мобилизационный ресурс, который вынудил и позволил крестьянскому

хозяйству функционировать в течение всего года и целенаправленно ориентироваться на получение необлагаемого налогами дохода.

Комплексное крестьянское хозяйство не могло оставаться неизменным в условиях приписки. Разнообразие видов хозяйственной деятельности приводило к различным их сочетаниям в крестьянском хозяйстве. Возможности комбинировать виды хозяйственной деятельности использовались крестьянами в полном объеме. Картина хозяйственнотерриториальной специализации алтайской приписной деревни в исторической литературе довольно противоречива. Например, Г.П. Жидков утверждает, что «север специализировался на торговом земледелии, юг на скотоводстве с преимуществом разведения лошадей...» 18, в то время как К.В. Русаков говорит об обратном, отмечая, что «у приписного крестьянства северных и центральных волостей произошла стихийная переориентация на другие занятия, хлебопашество отступило на второй план, и в 20-е годы XIX века они в основном стали заниматься скотоводством» 19. С.С. Лукичев также не соглашается с тем, что Томский veзд был основным поставшиком товарного хлеба в регионе. Он полагает, что в этой части горного округа доминировало скотоводство²⁰. Внесение ясности в этот вопрос необходимо как алгоритм в познании феномена мощи крестьянского хозяйства приписной деревни.

Основу хозяйства приписного крестьянства, как известно, составляли хлебопашество, скотоводство, пчеловодство и в меньшей степени извоз и кустарные промыслы. Именно комбинация этих отраслей, а не предпочтение какой-либо из них в ущерб другим, как раз и обусловливалась хозяйственными отношениями того времени, взглядами крестьянина - хозяина, который заботился, прежде всего, об удовлетворении необходимых потребностей своей семьи собственными силами. Согласно А.В. Чаянову, крестьянское хозяйство больше основывается на трудовых традициях, культуре потребления, чем на сознательном приспособлении к рынку²¹. Последний для крестьянина начинается, как правило, за гранью оптимального личного потребления как пищевых продуктов, так и продукции кустарных промыслов. На это обратил внимание, применительно к изучаемому региону, ещё Г.Н. Потанин. Прожив лето 1856 г. в семье крестьянина станицы Чарышской, он заметил, что «крестьянское хозяйство было основано на старании как можно больше производить, ничего не покупать, а излишек своих произведений большей частью от вспомогательных производств – продавать... Крестьянское хозяйство должно производить все то, что может производить»²².

Вышесказанное плюс технологическая неразрывность (скот – как упряжная сила для земледелия; последнее – как источник кормов для

02. Глава 5

скота, неземледельческие занятия - как вид переработки продукции сельского хозяйства и пр.) делали безусловной комбинацию основных занятий крестьян. Углублению многообразия сочетания отраслей крестьянской экономики способствовала реализация на практике такого экономического принципа, как непрерывное использование рабочей силы, материальных средств производства и минимизация риска через распределение его по отраслям. В связи с тем, что сельскохозяйственное производство имеет сезонный характер, зимой крестьяне могли заниматься извозом или кустарными промыслами. Следствием явилось то, что крестьянское хозяйство алтайской приписной деревни все более обретало комбинированный вид. Природа крестьянского хозяйства такова, что, казалось бы, при всех преимуществах хозяйственной специализации оно тяготеет к самообеспечению, универсальности и эволюционирует через переорганизацию и комбинирование внутри себя. По определению, в сельском хозяйстве техническое разделение труда как физическое приспособление к строго определенным операциям невозможно. В этой связи целесообразно говорить, что с развитием процессов хозяйственной специализации происходит всего лишь некоторая переорганизация абсолютного натурально-потребительского типа и образование новых типов крестьянского хозяйства.

Конечно же, весомый вклад в «деформацию» абсолютного типа вносили товарные отрасли, поэтому можно вести речь о складывании в массе своей универсальных рыночно-ориентированных типов крестьянского хозяйства. Каждый тип со своей структурой и своим сочетанием земледельческих, скотоводческих и промысловых отраслей имел тенденции развития в направлении установления оптимального соотношения всех элементов крестьянского производства, а специализация становилась основной пружиной реализации «новых» типов комплексного хозяйства, и, следовательно, она тождественна хозяйственной типологии.

Хозяйственная типология алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX в.

Районирование кабинетских земель Западной Сибири методами многомерной статистики

Хозяйственная типология предполагает осуществление локализации формирующихся типов, ибо последние помещались в определенных географических районах, обладающих суммой таких хозяйственных

условий, которые наиболее благоприятствовали именно данному типу. Иными словами, под географической локализацией необходимо понимать исторический процесс постепенной специализации разных регионов округа в отношении развития той или иной отрасли крестьянского хозяйства. В связи с этим предпринимается районирование кабинетских земель Западной Сибири.

Осуществление типологического районирования связано с выделением того круга признаков, которые представительно характеризуют основные стороны крестьянского хозяйства. Нет нужды ставить себе невыполнимую цель учета всех элементов, всех признаков, характеризующих экономический облик района. Нужно выделить лишь необходимые и достаточные для определения тех его черт, которыми, с одной стороны, различаются районы, а с другой — перекрываются второстепенные различия.

Вероятно предположить, что выделяемые типичные регионы неоднородны и внутри себя, поэтому важно четко определиться с понятием «тип крестьянского хозяйства» и с контекстом его употребления. Наиболее емкое и удачное определение типа крестьянского хозяйства дает один из представителей «организационно-производственной школы» Г.А. Студенский. «Под типом сельскохозяйственного производства надо понимать организационный строй массового хозяйства, среднее состояние некоторой реальной совокупности хозяйств, объединенных в понятие типа по ряду важнейших организационных признаков, к которым в первую очередь я отношу сочетание производственных элементов и сочетание производительных сельскохозяйственных отраслей»²³. То есть типичное индивидуальное крестьянское хозяйство представляет собой качественно однородную производственную модель. Хозяйство в «чистой форме» мыслится как некое условное (идеально-научное) состояние. Типологическая картина по возможности должна иметь контуры на карте. Несмотря на то, что теоретически возможна проработка вопроса в поселенном масштабе и этот вариант представляется идеальным с точки зрения адекватного отражения реальности, целесообразно и оптимально рассмотрение на уровне волости. В практике делопроизводства в Алтайском горном округе изучаемого периода волость была начальной счетной единицей сводной экономической отчетности, поэтому именно волость является практически неделимой малой территорией, с помощью которой можно воспроизвести географию типов.

Необходимая и достаточная для исследования информация содержится в сводных хозяйственно-статистических описаниях округа за 1825 и 1851 гг., которые были составлены соответственно немецким

ботаником К.Ф. Ледебуром и царским чиновником Ю.А. Гагемейстером²⁴. Богатый статистический материал, сведенный в таблицы, выдерживает критику на предмет достоверности. В подавляющем большинстве контрольные цифры, содержащиеся в источниках, совпадают с аналогичными цифрами в исследованиях современных историков, которые в свою очерель сверяли их с данными окладных книг²⁵.

Исходный пункт статистической обработки материала – кластеризация. Кластерный метод – это общее название множества вычислительных процедур, используемых в классификации. В результате этих процедур образуются «кластеры» – группы похожих (однородных) объектов. С точки зрения конкретных методов организации кластер-анализа различают иерархические и неиерархические виды процедуры классификации. Обращение к тому или иному виду кластеризации обусловлено характером исследовательских задач.

Необходимо представить полную картину районирования, т.е. окончательно определиться в поволостном составе типов крестьянского хозяйства, положив в основу итоги классификации методом К-средних. В 1825 г. первую группу составили волости (в порядке убывания показателя расстояния до центра кластера): Тутальская, Карасукская, Торсминская, Бердская, Мунгатская, Тальменская, Чингинская, Ординская, Бийская, Пачинская, Боровлянская, Верхотомская, Белоярская, Кайлинская, Чумышская, Легостаевская, Кривощековская, Ояшинская, Ильинская, Кузнецкая, Касьминская, Енисейская, Бурлинская, Убинская, Чаусская, Бухтарминская, Малышевская. Во вторую группу вошли Колыванская, Бачатская, Усть-Каменогорская, Уксунайская, Верхчумышская, Алтайская, Шадринская, Барнаульская, Касмалинская, Кулундинская, Крутоберезовская, Чарышская, Нижнекулундинская.

В 1851 г. первая группа выглядит следующим образом: Верхчумышская, Боровлянская, Легостаевская, Чаусская, Убинская, Тутальская, Чингинская, Кайлинская, Чумышская, Усть-Каменогорская, Верхотомская, Бердская, Белоярская, Касьминская, Крутоберезовская, Алтайская, Мунгатская, Торсминская, Пачинская, Тальменская, Кузнецкая, Ояшинская, Бухтарминская, Кривощековская волости. Вторую группу составили соответственно волости: Уксунайская, Кулундинская, Бийская, Енисейская, Ординская, Малышевская, Ильинская, Колыванская, Бурлинская, Карасукская, Чарышская, Шадринская, Бачатская, Касмалинская, Нижнекулундинская, Барнаульская.

Выявленная структурная картина дает все основания к тому, чтобы обозначить их в массе своей как комплексные земледельческо-

скотоводческий (земледельческий) и скотоводческо-земледельческий (скотоводческий) типы.

Территориальные рамки распространения земледельческого типа охватывают северную, центральную и частично южную часть округа. Компактно земледельческие волости расположены в основном в лесостепной зоне междуречья Оби и Томи и в меньшей степени в предгорьях.

Будучи нацеленным на исследование качественных сторон развития экономики приписной деревни, сельскохозяйственное районирование выявило картину практического исчезновения к концу изучаемого периода традиционного натурального крестьянского хозяйства. Для него уже характерен в массе приоритет одной из основных отраслей, что означает товарный их характер. С одной стороны, товарный характер сельского хозяйства этого округа данного периода — установленный в историографии факт, с другой — это косвенно вытекает из логики проведенного исследования.

К 1851 г. типы претерпели эволюцию: для земледельческого типа стало «нормой» преобладание хлебопашества. Скотоводческий тип при сохранении в целом приоритета скотоводства несколько нивелировался, что означает оформление его как единого комплексного сбалансированного хозяйства. Другими словами, скотоводство как специализированная отрасль на протяжении 20–50-х гг. XIX в. не вытеснило другие отрасли, а напротив, подтянуло их до своего уровня. Данное обстоятельство вполне опровергает тезис о территориальном разделении труда как элементе формирующегося капиталистического уклада в сельском хозяйстве горного округа. Вполне уместной и логичной представляется следующая трактовка. Коммерциализация всех видов хозяйственной деятельности приписных крестьян и специализация на какой-либо из базовых отраслей — это не более чем реализация норм традиционного крестьянского хозяйства.

Таблица 1 Средние хозяйственные показатели крестьянского хозяйства на 1825 и 1851 гг.

Типы кресть-	Кол-во деся- тин на р. д.		Кол-во лошадей на р. д.		Кол-во КРС на р. д.		Кол-во овец на р. д.		Кол-во ульев на р. д.	
янских хозяйств	1825	1851	1825	л. д. 1851	1825	1851	1825	1851	1825	1851
Земле-	2,2	2,8	2,5	2,2	2,0	1,7	2,1	1,9	0,9	2,2
дельчес- кий										
Ското-	1,5	2,1	3,9	2,7	2,5	2,5	3,3	2,6	2,9	
водче- ский										

Парадоксальную картину показывает сравнительная характеристика имущественного состояния крестьян различных типологических регионов. (табл. 1).

В 1851 г. средние хозяйственные показатели в земледельческом типе меньше, чем в скотоводческом, тогда как специализированный характер земледелия к этому времени только усилился, что явно не вписывается в логику капитализации крестьянского хозяйства. Правда, следует оговориться, что относительная бедность крестьянства региона мнимая. Было бы неверно полагать, что в горном округе, являвшем собой единое социально-экономическое пространство, был неодинаковый стандарт жизни крестьян. Безусловно, в волостях земледельческой ориентации крестьянского хозяйства имел место мощный пласт скрытой экономики. Для регионов распространения того или иного типа крестьянского хозяйства был характерен свой типичный оптимальный размер хозяйства по базовым отраслям, обеспечивающий достаточный уровень жизни. Доходы от несельскохозяйственных занятий всего лишь компенсировали невыгодность развития основных отраслей крестьянского хозяйства.

Факторы районирования и его динамических изменений в экономике алтайской приписной деревни 20–50-х гг. XIX в.

На развитие хозяйственной деятельности, на хозяйственнотерриториальную специализацию решающее влияние оказывали два фактора: природно-климатические условия и внешняя по отношению к крестьянскому хозяйству рыночная конъюнктура. Природные условия задают первоначальное направление в специализации крестьянского хозяйства, служат ее первоосновой, рынок же вносит коррективы в географию сельскохозяйственных отраслей. Географическая среда в смысле и климата, и почв практически на всем пространстве горного округа позволяла реализовываться почти всем видам хозяйственной деятельности крестьян. Выход же за рамки натурального крестьянского хозяйства, происходящий в форме хозяйственной специализации различных регионов (преимущественное развитие в них производства тех или иных видов продукции), основан на наиболее эффективном использовании особо благоприятных природных условий региона. Именно этот постоянный по своему воздействию фактор задал направленность хозяйственной типологии кабинетских земель Западной Сибири.

Подробнее рассмотрим, какие природно-климатические условия были эффективны и в какой мере они использовались в зоне скотовод-

ческого и земледельческого типов. Ряд волостей скотоводческого типа был расположен на всхолмленной степной и предгорной частях Салаирских и Кузнецких гор. Второй массив волостей этого типа помещается на огромной территории со следующими особенностями рельефа: на юге он как бы отталкивается от предгорий Алтая, занимает ровную малоизрезанную реками Кулундинскую степь и входит в заболоченную на западе и покрытую смешанными лесами на востоке Барабинскую равнину. Что касается почв, то для большей части зоны скотоводческого типа характерны, как правило, солончаковые, глинистые и каменистые почвы, которые ограничивали возможности земледелия. Но нужно сказать, что широко распространены были в местностях скотоводческого типа, в особенности в восточной части, и черноземные почвы, более располагающие к занятию хлебопашеством. Это и обусловливало относительно высокий уровень данной отрасли. Климат сколько-нибудь существенным образом территорию скотоводческого типа не выделял в масштабах округа.

Вопреки особо благоприятной природно-климатической среде эволюция земледельческого типа в направлении превращения земледелия в отрасль специализации происходить не могла. Земледельческий район представляет большое разнообразие форм рельефа, почв и климата. Северная и центральная части - это равнина и степь, покрытые лесами и изрезанные речными долинами, и предгорья; южная часть - сложный средне- и низкогорный рельеф с долинами в межгорных понижениях. Весь земледельческий район характеризуется наличием богатых заливных лугов. Существенно в нем различаются и почвы - от подзолистых каменистых до высокогумусных черноземов. Плодородию почв, в плане развития хлебопашества, придавалось особое значение современниками. В «Статистическом обозрении Сибири», напечатанном по «Высочайшему повелению» в 1810 г., ситуация в центральном районе описывалась следующим образом: «В здешних местах земли весьма плодородны и всякий хлеб родится очень хорошо; почему крестьяне прилежают к хлебопашеству»²⁶. Спустя полвека аналогичным образом характеризовал этот район округа И. Завалишин: «Особенно славятся плодородием земли по рекам Чумышу, Ини, Мунгаю, Уксунаю, Касьме, Торсьме и вообще по равнинам, прилегающим к Мариинскому округу. Здесь родится отличная белизной и упеком пшеница, рожь, ярица, греча, просо»²⁷. Ю.А. Гагемейстер в этом отношении выделил крайние восточные территории. По его наблюдениям, у подножия Кузнецких гор «накопился вековым действием вод слой тучного чернозема»²⁸. Крайний юг Ал-

тайского горного округа выгодно отличает климат. По характеру он такой же, как и везде, континентальный, но более мягкий и влажный.

Будучи статичными по своему характеру, природно-климатические условия испытывают воздействие активных социально-экономических факторов, как-то: особенности хозяйственного освоения округа, стихия рынка и целенаправленная регулирующая деятельность горной администрации. Об этом, как о своеобразной коллизии условий выбора крестьянами отрасли специализации, писал Ю.А. Гагемейстер. Его удивляет то, что «в южном отделе Алтайского округа, где и почва, и климат наиболее благоприятствуют посевам..., производится соответственно числу душ почти 1/4 менее хлеба, чем в северном отделе»; или же он рассуждал так: «...по хлебопашеству северный отдел Алтайского округа имеет преимущество перед прочими, скотоводство наиболее развито в среднем, пчеловодство — в южном; на деле же известно, что и почва, и климат более благоприятствуют всем произрастаниям в южной части заводского округа...»²⁹

Решающей силой, формирующей типологический облик приписной деревни изучаемого периода, была рыночная коньюнктура отдельных местностей. Специализация крестьянского хозяйства на производстве какой-либо продукции означала сначала выход за потребительские рамки семьи. Хозяйство крестьян в этом своем свойстве консервативно и поэтому его расширение сверх натуральных нужд, по мнению А.Н. Челинцева, «оказывается возможным только при приемлемо-выгодном сбыте продуктов» Степень благоприятности рыночного положения определяется близостью пунктов сбыта продукции специализированных отраслей. Следовательно, местный рынок, как самый устойчивый для крестьянина, выходит на первый план, и тем самым опосредуется роль рынков более высокого порядка. К тому же местный рынок более восприимчив к сложившемуся типу крестьянского хозяйства.

Основным потребителем сельскохозяйственной продукции в округе были предприятия Кабинета. Их размещение внесло принципиальные коррективы в географию сельского хозяйства. Продукция отраслей специализации использовалась не сельским населением других регионов, а предназначалась для нужд горно-металлургического производства. В дореформенный период было три промышленных района. Первый — Верхне-Иртышский горно-заводской, включающий Змеиногорский, Риддерский, Зыряновский рудники с прилегающими к ним приисками, Локтевский, Алейский, Змеевский заводы и Колыванскую шлифовальную фабрику. Второй — Приобский, в основном заводской, включающий Барнаульский, Павловский и Сузунский заводы. Третий — Салаирский

горно-заводской, включающий Салаирский рудник, Гавриловский, Гурьевский сереброплавильные и Томский железоделательный заводы с тяготеющими к ним рудниками. Судя по тому, что волости скотоводческого типа за редким исключением располагались близко к промышленным районам, и их локализация почти полностью соотносится, горно-металлургическое производство позитивно сказывалось в большей степени на развитии скотоводства. Хотя такой характер влияния заводов и рудников виделся официальным властям для сельского хозяйства в целом. К примеру, в докладной записке о приписных крестьянах в 1858 г. генерал-майор Г. Соколовский писал, что «если бы действие Алтайских заводов прекратилось, то благосостояние крестьян не только не улучшится, но и сделается хуже: ...они лишатся верного сбыта своих произведений...»

Выгодно для скотоводческого типа размещались основные ярмарочные центры горного округа: «внутренняя» торговля была сосредоточена на Введенской (Барнаул) и Никольской (в Сузунском заводе) ярмарках, проходивших поочередно в ноябре, декабре³². Сбывала скот и продукты скотоводства приписная деревня и за пределами горного ведомства. Продукция скотоводства находила стабильный сбыт в губернском городе Томске, на Московском тракте, на Иртышской линии. А.И. Кулибин, объясняя наибольшее развитие скотоводства в западных и северо-западных волостях, замечал, что «лошади продаются в разные губернии, особенно в Пермскую и Казанскую, откуда нарочно приезжают покупщики...» Примечательно, что и в Киргизской степи лошади находили сбыт. Так, только через Семипалатинскую таможню в 1843 г. туда была выведена 9531 рабочая лошадь³⁴.

В 30-е гг. XIX в. на сопредельных территориях Томской и Енисейской губерний складывается золотопромышленный комплекс, ставший выгодным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции. Данное обстоятельство, безусловно, способствовало реализации скотоводческого типа в ряде восточных волостей.

Специфическим было положение на хлебном рынке округа в дореформенный период. Дело в том, что производство и торговля хлебом крестьянами находились под постоянным бдительным контролем горного начальства. Объем и места сбыта хлеба подробно расписывались в документации того времени. К примеру, в «Ведомости об урожае хлеба...» за 1853 г. приоритеты в торговле хлебом определяются следующим образом. «Приписные к Алтайским заводам крестьяне избыток хлеба продают главнейше в заводские магазины для продовольствия мастеровых и прочих служащих нижних чинов и их семейства; также

для продовольствия рабочих, находящихся на частных золотых промыслах, на винокуренные заводы, в воинские магазины, расположенные по сибирской линии, в этапы по главному сибирскому тракту. Сверх того, для сплава на судах и баржах по рекам Оби и Томи в Енисейскую и Тобольскую губернии»³⁵.

Специфическим, соответственно, было и влияние хлебного рынка на типологические процессы в приписной деревне. Хлебная монополия горной администрации в одинаковой мере касалась всех приписных крестьян независимо от места проживания. Повсеместно была отлажена работа маркитантов, занимавшихся закупкой провианта и фуража для заводов и рудников. В этой связи горно-металлургическое производство вряд ли могло быть той силой, которая бы заставляла крестьян отдельных волостей специализироваться на зерновом земледелии. Подтверждается это отсутствием ощутимой связи между пространственным распространением земледельческого типа и географией промышленных районов. Таким же образом, по-видимому, проявили себя и прочие элементы внутреннего рынка.

Ощутимым и значимым в ориентации крестьян на преимущественное развитие зернового земледелия оказался альтернативный рынок в виде продажи хлеба за пределы горного ведомства. Именно этот фактор способствовал сохранению и оформлению земледельческого типа крестьянского хозяйства в отдаленных южных волостях. Освоив к середине XIX в. южные земли Западной Сибири, крестьяне заполнили хлебную нишу этого региона. Ю.А. Гагемейстер отмечал, что иного выбора на пути становления товарного хозяйства практически не было. «Относительное уменьшение скота всякого рода в южных волостях Алтайского округа происходит частью оттого, что по соседству с киргизами и калмыками, исключительно промышляющими скоторазведением, невыгодно содержать излишнее число скота» 36.

Спрос же на хлеб в регионе был стабильным. Кроме обеспечения хлебом Верхне-Иртышского промышленного района, крестьяне сплавляли барками и мелкими судами его вниз по Иртышу и активно торговали с казахами. По сведениям генерал-губернатора Западной Сибири, на 1843 г. ежегодный вывоз хлеба в казахскую степь через Сибирскую линию составлял 736 тыс. пудов³⁷, основная доля которого приходилась на приписную деревню, особенно южной части округа. Распространена была главным образом безденежная меновая торговля, называемая крестьянами «сатовка». Казахи самовольно прикочевывали к селениям приписных крестьян «с неограниченным количеством верблюдов, навыюченных разного рода изделиями для мены их крестьянам на хлеб». Попытки горного начальства

воспрепятствовать «сатовкам» с целью удержать крестьянский хлеб в пределах округа в большинстве оказывались безуспешными, ибо казахи «вкрадывались в селения по согласию крестьянских обществ, имевших в виду от сатовок собственные выгоды»³⁸.

Потребность Томской губернии в хлебе традиционно удовлетворялась во многом за счет алтайской приписной деревни, и поэтому активизация спроса на этом уже сложившемся рынке в первой половине XIX в. стала причиной своеобразной экономической ситуации. По мере того как происходит переориентация крестьян части волостей на преимущественное развитие скотоводства, крестьяне остальных волостей все более вынуждены специализироваться на хлебопашестве. Основная нагрузка по обеспечению губернских потребностей приходится на центральные и северные волости горно-заводского округа. Ю.А. Гагемейстер писал по этому поводу: «Крестьяне же северного отдела поневоле остаются верными сохе, сбывая избыток свой по низким ценам в Томском округе»³⁹. Возможности сбыта товарного хлеба расширились, как уже отмечалось, с развитием частной золотопромышленности. В 1850-е гг. из приписной деревни на золотые прииски ежегодно завозилось кроме 400 тыс. пудов мяса до 2300 тыс. пудов «разных родов» хлеба, что в два раза больше, чем на алтайские заводы 40.

Положительное влияние на расширение сбыта хлеба крестьянами центрального и северного районов оказало возникшее в Сибири в 1840-х гг. пароходство. Подтверждением является то, что О.О. Адамовский, основатель пароходства в Сибири, обосновывал перед министерством финансов «прошение о привилегии» не в последнюю очередь необходимостью решить проблему доставки хлеба в крупные города Сибири из «урожайнейших округов», а именно Бийского, Барнаульского, Колыванского⁴¹.

Экономическая политика горно-заводской администрации главной своей целью имела обеспечение эффективного функционирования горно-металлургического производства. К важнейшим направлениям этой политики, сколько-нибудь существенным образом влиявшим на типологическое развитие приписной деревни горного округа, можно отнести заводские повинности и мероприятия по регламентации хозяйственной деятельности крестьян.

Выполнение заводской повинности требовало от приписных крестьян больших затрат. Отработки на длительное время отвлекали трудоспособное население приписной деревни (особенно отдаленных от заводов и рудников) от собственного хозяйства. Ответной реакцией крестьян уже с первых лет существования кабинетского хозяйства явился

найм вместо себя как односельчан, так и жителей деревень, близко расположенных к заводам и рудникам⁴². Во второй четверти XIX в., в особенности в отдаленных северных районах, практика найма в заводские работы окончательно закрепилась⁴³. Разветвленная сеть подрядчиков по согласованию с волостными правлениями скупала «зачетные квитанции», и крестьяне, «занимающиеся большим хлебопашеством, скотоводством, пчеловодством и другим промыслом, одним словом, люди зажиточные из опасения расстроить свое хозяйство охотно передают ее подрядчикам по выпрошенным ценам, лишь бы благовременно и верно обеспечить ее исполнение»⁴⁴. В итоге возникла ситуация, при которой одна часть населения выключалась из сельскохозяйственного производства, а другая расходовала значительные средства на найм. В этом, по мнению ревизовавшего Западную Сибирь в 1851 г. генерал-адъютанта Анненкова, крылась основная «причина резкой разницы в благосостоянии между северным и южным регионами округа»⁴⁵. Правда, нужно сказать, что неприемлемым такое положение было исключительно только для власти. А крестьянское общество таким образом регулировало свое благосостояние, и это противоречило интересам горнометаллургического производства в части обеспечения заводов и рудников хлебом и фуражом.

В предреформенный период с развитием процессов хозяйственной специализации приписной деревни обеспокоенность властей о сохранении традиционного уклада хозяйственной жизни крестьян приобретает характер решения «хлебного вопроса». Своеобразным свидетельством актуальности этого вопроса стало появление в 1840-е гг. в документе отчетности «Ведомости о посеве, всходах, урожае за... год» новой графы: занимающиеся хлебопашеством. Испытывая трудности с обеспечением заводов и рудников хлебом, горное начальство совместно с общиной прилагает усилия к привлечению крестьян к земледелию. К примеру, 25 февраля 1859 г. горное правление издает распоряжение «О принятии мер к усилению хлебопашества между приписными к Алтайским заводам крестьянами». По докладу советника хозяйственного отделения Алтайского горного правления Надворного, советника Платонова, побывавшего «по особо возложенному на него поручению по случаю встреченного затруднения по закупке провианта для заводов и рудников, в 1855 г. по селениям Убинского и Бухтарминского и в 1858 г. по Бачатскому и Верхотомскому отделениям», «недостаток в хлебе в тех отделениях» объяснялся «кроме случайных причин» тем, что крестьяне «земледелию более предпочитают другого рода промышленность, както: пчеловодство, скотоводство, извозничество и тому подобные промыслы или занятия, менее требующие труда», а имеющийся хлеб, «увлекаясь выгодными ценами, пускают в продажу». «Имея в виду, сколь великую важность составляет развитие и усиление хлебопашества», горное правление давало распоряжение земским управителям, волостным и сельским властям «со всей строгостью и энергиею досматривать» за тем, «...чтобы крестьяне, не оставляя прочих промыслов, свойственных их быту, занимались непременно в то же время и хлебопашеством как важнейшим промыслом» Одним словом, мероприятия властей были направлены на сдерживание естественной приспособительной эволюции хозяйства приписных крестьян, и, следовательно, типологический облик кабинетских земель Западной Сибири в 20–50-е гг. XIX в. складывался вопреки унифицирующей экономической политике горной администрации.

Таким образом, в 20-50-е гг. XIX в. крестьянское хозяйство серьезно типологически трансформировалось, но отнюдь не в направлении капиталистической эволюции, а посредством максимальной реализации традиционного крестьянского начала. Тяжелые условия приписки породили большое многообразие экономического поведения, процессы территориально-хозяйственной специализации крестьянского хозяйства обусловили его эволюцию не в капиталистическом направлении, а лишь в пределах внутренней переорганизации. Территориальная дифференциация в масштабе округа представляла собой лишь один из основных элементов при реализации исторически выбранного типа комплексного развития экономики региона. В конечном итоге таким способом крестьянское хозяйство как раз уходит от издержек формирования капиталистического уклада, а не наоборот. Несомненно, пространственная хозяйственная специализация проявляется как специализация только рыночной части продукции, что не исключает, а напротив, даже предполагает большое разнообразие натуральной части крестьянского хозяйства. Территориальное разделение труда не может быть признано абсолютным и определяющим фактором эффективного формирования капиталистического уклада в сельском хозяйстве округа 20-50-х гг. XIX в. Парадокс в том, что это экономическое явление применительно к приписной деревне Западной Сибири стало социально-экономическим средством укрепления традиционного крестьянского общества.

Эволюция внутреннего строя крестьянского хозяйства алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX в. (опыт применения методов многомерной статистики в исследовании материалов окладных книг)

Группировка крестьянских хозяйств

Эволюцию внутреннего строя крестьянского хозяйства, структурные изменения в сельскохозяйственном производстве окончательно можно исследовать лишь посредством классификации крестьянских хозяйств, то есть посредством выделения качественно отличных групп однородных объектов. Классификация или, иными словами, группировка, – весьма сложная исследовательская процедура и неотъемлемая часть почти любого экономического исследования. Правильный научнометодический подход к группировке крестьянских хозяйств должен способствовать в первую очередь выявлению близкой к действительности социально-экономической структуры приписной деревни Западной Сибири предреформенного периода, а также обеспечить рациональную обработку статистических данных, содержащихся в окладных книгах. Они составлялись ежегодно с 1821 по 1862 г. В них фиксировалось хозяйственное состояние и объем повинностей крестьянского двора. Такой вид документации являл собой удобную форму подчинения крестьян как горному начальству, так и государству.

В контексте крестьяноведческого исследования развития крестьянского хозяйства как целостного социально-экономического явления необходимо, прежде всего, опираться на такие формы научного опыта, которые отражают обыденные представления самих крестьян. Ориентация на реально выделяемые имущественные группы позволяет избежать тех несообразностей, которые могут возникнуть при рассмотрении искусственно придуманных групп.

Окладные книги располагают лишь натуральными признаками (число работников, количество лошадей, рогатого скота и площадь посева), косвенным образом отражающими экономическую мощь крестьянского двора. Использование этих первичных статистических данных историками как необходимого и достаточного набора группировочных признаков в рамках традиционных методов исследования дало результаты и имело определенное значение. По крайней мере, вопросы расслоения крестьянства изучаемого периода, структурированности экономики деревни на уровне «имело место» уже изучены. Обращение к многомерным математико-статистическим методам исторического исследо-

вания предоставляет возможность наиболее полно выявить и проанализировать уровень и характер развития крестьянского хозяйства в 20–50-е гг. XIX в. Признаки, на использование которых при классификации крестьянских хозяйств ориентирует источник, показывают обеспеченность двора основными средствами производства и являются решающими хотя бы уже потому, что фиксируются в первичном документе именно крестьянской отчетности, носящей, как известно, фискальный характер, и, следовательно, они опосредованно отражают и доход хозяйства. Учитывая именно эти признаки, составители окладных книг как бы уже провели их качественный отбор.

К настоящему времени историки весьма плодотворно реализуют богатый арсенал математических средств при осуществлении классификации крестьянских хозяйств различных периодов и регионов⁴⁷.

В данном случае представляется эффективным, как и при решении задач сельскохозяйственного районирования, использовать кластерный метод, отличающийся высокой чувствительностью и эвристичностью. При кластерном анализе принадлежность объектов к различным группам определяется именно по комплексу значимых признаков, характеризующих производственный потенциал крестьянского двора.

Всякому крестьянскому хозяйству свойственна общность механизмов организации производства, что собственно и выделяет крестьянство в особый объект историко-типологических исследований. Организационно-производственное направление в крестьяноведении трактует крестьянское производство прежде всего как семейное трудовое хозяйство. Н.П. Макаров сформулировал отношение к крестьянскому хозяйству как целесообразной внутри закономерной системе действий, для которой характерна «соподчиненность» отдельных частей 18. По мнению А.В. Чаянова, «каждое крестьянское хозяйство стремится обеспечить оптимальное сочетание элементов своего хозяйства, чтобы обеспечить наивысший доход» (Крестьянские хозяйства на протяжении всех исторических периодов находятся в состоянии, которое принято обозначать как имущественная дифференциация.

Несомненно, что дифференциация хозяйств по размеру находится в определенной связи с организационной неоднородностью. А именно, соотношение отдельных элементов крестьянского хозяйства и связь между ними предопределяют его имущественное состояние. Это теоретическое положение организационно-производственной школы принимается в качестве исходной базы исследования и гипотезы, которую и нужно проверить в процессе проведения классификации и интерпретации ее результатов.

Логика развития крестьянского хозяйства от простого к расширенному воспроизводству находила свое воплощение на каждом уровне социально-иерархической структуры. Различному уровню хозяйственной состоятельности крестьянских хозяйств свойственны особенности в соотношении основных средств производства. С ростом размеров хозяйств появляются и реализуются предпосылки к специализации на той или иной отрасли сельского хозяйства. Логика эволюции крестьянского производства позволяет в определении числа разбивок для классификации методами многомерного анализа остановиться на проверке как математическими методами, так и в ходе специального качественного содержательного политико-экономического анализа традиционного деления крестьянства на три социально-экономические группы: бедняки, середняки и зажиточные крестьяне.

Так называемая «объективная классификация» с помощью алгоритма К-средних производилась по четырем временным срезам. Использованы массивы статистических данных за 1822, 1833, 1844 и 1857—1859 гг.

При проверке на качество наилучшей оказалась переклассификация для числа разбивок, равных трем. Правильное отнесение объектовдворов в исходный кластер в этом случае наблюдалось от 90 до 100%. Можно констатировать, что число подсовокупностей, явно не похожих по статистическим характеристикам, совпадает с традиционной градацией на бедных, средних и зажиточных крестьян. Далее необходимо удостовериться, что имущественные группы обладают свойствами, позволяющими с достаточной очевидностью интерпретировать их как реально существовавшие социально-экономические подсистемы экономики приписной деревни. От ответа на вопрос — насколько имущественная неоднородность определялась закономерностями развития хозяйства от простого к расширенному воспроизводству, зависит объективность суждений о социально-экономическом строе крестьянского хозяйства.

В результате классификации дворов алтайских приписных крестьян за 20–50-е гг. XIX в. были построены по четырем хронологическим срезам идеальные отраслевые модели хозяйств разного уровня социально-экономической состоятельности, которые представляют собой обобщенное среднестатистическое выражение группировочных признаков.

Первую группу составили хозяйства, в которых в разные годы работников приходится от 1,6 до 2; количество лошадей не превышало 4,4; рогатого скота — 3,9; площадь посева — 3,5 десятины на двор. Во вторую группу вошли хозяйства, для которых аналогичные показатели составили соответственно: 2,6–3; 12,2; 10,4; 9,4. Для третьей группы эти

показатели были: 3,6–4,5; не более 33,6; 25 и 17,6. Переменные расклассифицированных объектов дворов сохраняются на уровнях относительно постоянных средних значений во времени, что позволяет квалифицировать их как устойчивые статистические системы.

Полученные данные прежде всего демонстрируют, насколько высокими были нормы производства необходимого продукта в алтайской приписной деревне изучаемого периода. На достаточно высокие нормы хозяйственной состоятельности имеются ссылки и в официальных источниках. Так, в «Выписке из журналов Комитета министров от 26 февраля и 11 марта 1852 года», сделанной в связи с отчетом ревизовавшего Западную Сибирь генерал-адьютанта Анненкова, говорится по этому поводу: «Число лошадей и рогатого скота до 4 штук на тягло было бы весьма значительно для крестьян внутренних губерний, но в Сибири такого значения не имеет. По обилию лугов, пастбищных мест и вообще земли, по дешевизне сена и даже зернового фуража, содержание лошадей и скота в Сибири почти ничего не стоит, частые падежи от сибирской язвы и других значительных болезней нередко уносят в одной волости десятки тысяч лошадей и скота, и через три, четыре года число их возобновляется; в Сибири лошадей и самая огромность расстояний делает большое их число потребностью необходимою». Следует заметить, что речь идет именно о «горных крестьянах» и в связи с особо трудным в плане заводских отработок их положением в северной части округа ^{50} .

Сравнительный анализ хозяйственных моделей крестьянского двора с предлагаемыми в литературе интервалами группировки убеждают в адекватности результатов многомерной группировки. Однако окончательным критерием достоверности классификации крестьянских хозяйств принято считать все-таки их хлебный баланс⁵¹ (табл. 2). Ведь согласно традиции, ведущей свое начало с древнеславянских времен, хлеб – это жизнь, а скот – это богатство. П. Словцов, описывая крестьянскую жизнь Сибири изучаемого периода, констатировал, что «хлеб – установитель всех ценностей в стране земледельческой» ⁵².

Социально значимыми группы могут быть признаны в зависимости от того или иного уровня товарности хлеба — главного мерила благополучия любого крестьянского семейного хозяйства. Отличающим свойством бедняцкого хозяйства должен быть постоянный дефицит хлебных продуктов. Середняцкими хозяйствами следует считать те, которые удовлетворяют хлебом личные и хозяйственные нужды, а также располагают товарными излишками в объеме, способном погасить налоговые расходы (излишек мог быть реализован как обязательный взнос в сель-

ский запасный магазин или же на независимом рынке). Зажиточные же хозяйства предпринимательского типа должны обладать таким товарным объемом (правда, специализированного продукта), который превышал бы всякие нормы отчуждения избытка. Уровень производства в них таков, что делает невозможным в социально-экономических условиях времени его полное потребление внутри своего хозяйства.

Таблица 2 Хлебный баланс среднестатистического хозяйства различных имущественных групп, пуд.

		Бедняцкие	Середняцкие	Зажиточные
1822	Необходимый и			
	страховой фонд	74,3	126,9	187,7
	Остаток	21,0	119,5	155,5
	Излишек	-53,3	-7,4	-32,2
1833	Необходимый и			
	страховой фонд	71,1	117,5	163,8
	Остаток	13,9	109,5	273,4
	Излишек	-57,2	-8,0	109,6
1844	Необходимый и			
	страховой фонд	73,4	130,1	202,5
	Остаток	31,5	162,9	240,9
	Излишек	-41,9	32,8	38,4
1859	Необходимый и			
	страховой фонд	91,8	133,7	198,5
	Остаток	-13,7	113,5	295,4
	Излишек	-105,5	-20,2	96,9

Так, бедняцкие хозяйства обеспечивали только собственное воспроизводство. На всем протяжении изучаемого периода им недоставало необходимого резерва, а в 1850-е гг. они испытывали нехватку хлеба для внутрихозяйственного потребления, т.е. их отличительной характеризующей чертой была постоянная дефицитность. Товарного хлеба они не производили вообще, а нижним пределом снижения производства для такого хозяйства, как семейно-трудовое объединение, являлся уровень, обеспечивающий минимальные потребности хозяйства.

Из анализа модели середняцкого хозяйства следует, что середняки постоянно имели необходимый страховой резерв хлеба⁵³. Отчасти располагая излишком, например в 1844 г., они эпизодически были связаны с рынком как поставщики хлеба, страховой резерв, по-видимому, позволял средним хозяйствам оставаться устойчивыми ко всякого рода отчуждению хлебной продукции, будь то налоговые платежи, заводские отработки и другие натуральные повинности или же возможные переплаты, обусловленные неэквивалентностью цен при сдаче хлеба в запасные магазины, т.е. были экономически независимыми.

И, наконец, что касается типических хозяйств высшей группы, то хлебный баланс принципиально не отделяет их от остальных. Однако нужно учитывать, что зажиточное хозяйство не всегда выступает производителем товарного хлеба. Этому должна способствовать соответствующая рыночная конъюнктура, а именно возрастание спроса на хлеб. Значительно превосходящая ресурсная обеспеченность хозяйств верхней группы все-таки свидетельствует об их сравнительной зажиточности. Как известно, с ростом производства увеличиваются и затраты на простое воспроизводство, поэтому, например, в 1820-е гг. хозяйства не располагали товарным хлебом. Зато наличие излишка в последующие годы свидетельствует о значительных потенциальных возможностях зажиточных хозяйств в производстве хлеба. Зажиточный крестьянский двор был большесемейным и имел возможность, по-видимому, с меньшим ущербом для собственного хозяйства компенсировать затраты, связанные с необходимостью выполнять обязательства перед государством. Размеры хозяйств фактически в два раза превосходили середняцкие хозяйства, которые обеспечивали простое воспроизводство. Это доказывает невозможность потребления всех видов сельскохозяйственной продукции внутри хозяйства. Даже если принять за товарную долю скотоводческой отрасли 1/4 часть всего скота⁵⁴, то обнаруживается явная товарная направленность производства зажиточных хозяйств в любом случае.

Производственно-структурные изменения в развитии крестьянского хозяйства и их социальный характер

Первичная количественная информация, характеризующая выделенные социально-экономические группы крестьянских хозяйств алтайской приписной деревни 20–50-х гг. XIX в., была подвергнута, как уже отмечалось, различным математическим процедурам, и в итоге было получено множество производных количественных характеристик. Однако из поля зрения предметного специалиста, то есть историка, не должны выпасть те, которые обладают эффектом новизны и которые проще интерпретируются на содержательно-предметном языке. Это обстоятельство – норма в статистике, ибо математика имеет хотя и важное, но тем не менее подчиненное значение по отношению к исследуемой области знания. Важно помнить, что математика, будучи мерилом научности любой области знания, обеспечивает не столько объективность познания, сколько более адекватное отражение внешней стороны явлений.

В конечном итоге преимущественное внимание было сосредоточено на интерпретации коэффициентов корреляции между показателями группировочных признаков имущественных уровней.

Корреляция – определение степени сбалансированности отдельных компонентов, в нашем случае – крестьянского хозяйства алтайской приписной деревни 20–50-х гг. XIX в. Сбалансированным крестьянское хозяйство является в условиях устойчивой внешней экономической конъюнктуры хозяйствования. Последнее обстоятельство соблюдается либо в традиционном крестьянском обществе, либо в системе существования развитых рыночных хозяйственных связей, т.е. в условиях капиталистического общества. Учитывая тот факт, что исходным пунктом эволюции крестьянского хозяйства является его традиционное качество, следует дать краткую характеристику сбалансированного традиционного крестьянского хозяйства. Традиционному крестьянскому хозяйству свойственна многосторонность сельскохозяйственного производства, ведущая к более полному использованию рабочей силы и материальных средств производства. Также крестьянскому хозяйству свойственна минимизация риска убытков в том или ином виде основной хозяйственной деятельности посредством рациональной организации смежных занятий. Принцип самообслуживания для крестьян является абсолютной доминантой, и их интеграция в систему промышленных связей возможна только тогда, когда отсутствуют условия для самообеспечения. Внешние условия задаются в большей степени политическими обстоятельствами, нежели рыночными. Последние должны вести к такому удешевлению удовлетворения тех или иных потребностей, особенно в продуктах, которое крестьяне способны почувствовать интуитивно. Думается, трактовка коэффициентов корреляции с учетом данной методологической установки призвана углубить представления о природе структурных изменений в крестьянском хозяйстве.

В перечне коэффициентов корреляции за 1822 г. в первую очередь следует проанализировать следующие три: между числом семейных работников и количеством рогатого скота со значением 0,15 в группе бедных; аналогичный коэффициент со значением 0,3 в группе середняков; и между числом семейных работников и площадью посева со значением 0,75 в группе богатых. Дело в том, что сам факт достоверности в совокупности со значениями коэффициентов корреляции между числом семейных работников и собственно хозяйственными признаками позволяет говорить о натурально-потребительской природе крестьянского хозяйства. В то же время отсутствие значимых корреляционных связей не обязательно выводит на противоположные суждения, т.е. не дает основа-

ний говорить о рыночной ориентированности крестьянского хозяйства. Последнее умозаключение возможно в том случае, если эмпирические сведения исключают какое-либо другое переключение семейной трудовой силы и если иные коэффициенты корреляции на это указывают.

Кроме того, в этой части статистического материала можно почерпнуть скрытую информацию о сравнительной роли семейного и наемного труда в хозяйстве крестьян. Возможность получения подобной информации трудно переоценить, ибо в окладных книгах — главном массовом источнике, из которого черпалась первичная статистическая информация о крестьянском хозяйстве алтайской приписной деревни 20–50-х гг. XIX в., нет прямых указаний на использование наемного труда в крестьянских хозяйствах.

Интерпретация приведенных коэффициентов корреляции в таком контексте позволяет сделать следующие выводы. Хозяйственная деятельность бедных крестьян и середняков в 1822 г. была сопряжена с дефицитом рабочей силы. Особенно это сказывалось при обеспечении простого воспроизводства по основным отраслям в хозяйстве крестьянсередняков. Об этом свидетельствует увеличение отрицательного коэффициента в этой группе по модулю. Примечательно то, что если проблема дефицита рабочей силы в бедняцких и середняцких хозяйствах решалась посредством привлечения посторонней рабочей силы, т.е. найма, то это никоим образом не свидетельствует о капиталистических производственных отношениях. Большое значение приведенного коэффициента в группе богатых с учетом того, что в этой группе нет других значимых и достоверных коэффициентов, выводит на следующее утверждение. Богатым, или, другими словами, товарным, хозяйство как раз и было по причине достаточной обеспеченности семейной рабочей силой в самой важной и трудоемкой отрасли – хлебопашестве. Как следствие, именно богатые хозяйства были менее уязвимыми в деле поставки провианта и фуража на заводы и рудники в тот исторический момент, когда горное начальство самим фактом введения практики окладных книг обозначило остроту проблемы исполнения крестьянами заводских повинностей.

Интерпретируя коэффициенты корреляции между отраслевыми признаками крестьянского хозяйства, можно продолжить рассуждать о производственно-структурном облике крестьянского хозяйства за 1822 г. Высокие положительные значения прочих интерпретируемых коэффициентов корреляции в группе бедных свидетельствуют о его сбалансированности и натуральности. На среднем уровне ведения хозяйства выявляется относительно самостоятельная роль скотоводства.

22. Глава 5

Об этом свидетельствует единственный интерпретируемый коэффициент корреляции между количеством лошадей и количеством рогатого скота со значением 0,38. Это объясняется тем, что крестьянство в массе своей ориентировалось на заводские отработки и отчасти на товарное разведение рогатого скота.

Таким образом, на 1822 г. подтверждается эмпирическое представление о массовом крестьянском хозяйстве всех экономических уровней как о семейно-трудовом. Имущественная дифференциация по социальной природе была производственно-демографической, функционально необходимой для традиционного крестьянского общества.

Примечательно, что просматриваются некоторые типические процессы. На протяжении 20-50-х гг. XIX в. обнаруживается устойчивый рост сбалансированности всех без исключения групп крестьянских хозяйств. Не обнаруживаются признаки и богатых хозяйств. Обращает на себя внимание следующее: усилилась и закрепилась причинноследственная связь между количеством лошадей, количеством рогатого скота и площадью посева во всех группах. Это означает, что и в группе середняков, и в группе богатых к 1860-м гг. необходимость отработок на заводах и рудниках перестала быть приоритетной причиной разведения лошадей, т.е. данная повинность перестала быть проблемным обстоятельством крестьянского хозяйствования. В этой связи резонно предположить, что в хозяйственной практике всего приписного крестьянства к 1860-м гг. были наработаны компенсирующие механизмы, и наверняка последние были наряду с прочими из разряда усиления интеграции между хозяйствами различных уровней. Об этом свидетельствует динамика роста значений коэффициентов корреляции между основными отраслями крестьянского хозяйства, существенная в группе богатых и несколько меньшая в группе середняков. Так, в 1859 г. разброс значений в группе богатых составлял от 0,41 до 0,72, а в группе середняков – от 0,17 до 0,46. Такая разница объясняется равной степенью включенности хозяйств в товарно-денежные отношения и равной значимости роста товарности и хлебопашества, и скотоводства. Другими словами, и те и другие крестьяне торгуют всем ассортиментом производимой продукции, только в разных объемах.

Таким образом, говорить о появлении производственно-структурных признаков капитализма в крестьянском хозяйстве, как-то: специализация и устоявшийся найм в хозяйствах богатых, размывание группы середняков и утрата бедняцкой группой признаков устойчивого хозяйствования, не приходится. Более того, группа бедняков стала еще более сбалансированной. Все изменения в крестьянской экономике впи-

сываются в логику представлений об адаптации крестьянства к горнометаллургическому комплексу. Горно-металлургический комплекс обладал свойством разнонаправленного воздействия на крестьянское хозяйство. Как стимулирующий фактор, он являл собой главную и мощную мобилизационную составляющую в рыночной конъюнктуре того времени, а как тормозящий фактор он отвлекал крестьянство на не свойственные крестьянской природе промышленные работы.

Привлекает внимание следующее обстоятельство. Картина имущественного неравенства специфична с точки зрения канонов традиционного крестьянского общества (табл. 3). Как уже отмечалось, неравенство в традиционном крестьянском обществе считается нормальным, если на одном полюсе небольшой слой бедноты, на другом — столь же небольшой слой богатых крестьян, основную же массу составляют крестьяне среднего достатка. Это подвижное равновесие выражалось в том, что одна семья в разные годы могла побывать в беднейшей группе, подняться в среднюю, дойти до богатой и опять опуститься вниз⁵⁵. Превалирование группы бедных вполне объяснимо мобилизационными условиями хозяйствования.

Таблица 3 Соотношение крестьянских хозяйств основных имущественных групп, %

Группы	1822 г.	1833 г.	1844 г.	1859 г.
Бедные	62	73	63	70
Середняки	33	24	33	25
Богатые	5	3	4	5

Итак, крестьянское хозяйство алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX в. не было статичным, в нем происходили производственно-структурные изменения. Направленность этих изменений была в русле приспособлений к экономическим и организационным условиям, которые диктовались в первую очередь социально-экономической политикой Кабинета. Иными словами, можно констатировать, что имела место стратификация крестьянского хозяйства по уровню адаптации. Оно выказало себя мобильным в этом отношении, но инвариантным, т.е. не вышло за рамки традиционного крестьянского хозяйствования.

Если не утрировать факт имущественного неравенства в крестьянской среде и принять как историческую данность его специфику в алтайской приписной деревне 20–50-х гг. XIX в., которая выражалась в том, что крестьяне, интегрируясь в горно-металлургическое производство, переорганизовали свое хозяйство в многостороннее, многопро-

фильное, то исторической нормой для приписных крестьян являлся процесс их самореализации в собственно крестьянской сути, а под процессом следует понимать воспроизводимость социального бытия. Приписное крестьянство как субъект социально-политических отношений оставалось цельным. Материальное положение крестьян их социальным статусом не обусловливалось. Отношения между различными по ресурсоемкости социальными субъектами были взаимоприемлемыми.

Феномен мощи хозяйства алтайских приписных крестьян в изучаемый период состоял в мобилизации адаптивных резервов в связи с окончательным наполнением состояния приписанности крестьян к заводам и рудникам, выразившимся в формировании замкнутого для крестьянствования социально-экономического пространства, каковым в начале XIX в. был Колывано-Воскресенский (Алтайский) горный округ. К 20-м гг. XIX в. у приписных крестьян прошел социальный шок, и они в ответ на вызов социально-политической среды начинают вырабатывать продуктивные модели крестьянствования. По крайней мере после отказа выполнять отработки крестьянами Чаусской в 1813 г. и Бачатской в 1816 г. волостей, случаев массового протеста не было. Крестьяне убедились в прочности власти, а горная администрация стала реализовывать патерналистскую стратегию по отношению к приписному населению. Крестьянство в массе своей встало на путь организационнохозяйственного приспособления к условиям обслуживания горнометаллургического производства. В 20–50-е гг. XIX в. Кабинет развивался в режиме поиска баланса своих интересов и интересов крестьян. Такая менторская политика власти придала крестьянам уверенности в труде, но прямолинейное выполнение предписаний горной администрации было неприемлемо, они препарируются крестьянской самоорганизацией и проходят через переорганизацию крестьянского хозяйства.

Развитие алтайской приписной деревни 20–50-х гг. XIX в. в рамках традиционного крестьянского общества

В изучаемый период действительно имела место существенная трансформация крестьянского хозяйства под воздействием извне. Прежде всего, произошла переорганизация абсолютного натурально-потребительского хозяйства, и образовались новые специализированные типы крестьянских хозяйств, имевших территориальную выраженность. В 20-е гг. XIX в. выделяются два четко оформившихся типа с определенным сочетанием и соотношением основных сельскохозяйственных отраслей: земледельческо-скотоводческий и скотоводческо-земледельческий

с соответствующей приоритетностью отраслей. Больший удельный вес занимает первый тип: 27 из 40 волостей. К 50-м гг. XIX в. число волостей с преобладанием скотоводческо-земледельческих крестьянских хозяйств возросло до 16, и они более или менее локализовались в пределах степной и предгорной части округа.

Данная специфика трансформации типов массового крестьянского хозяйства не исключает, а напротив, подразумевает рыночную ориентацию хозяйства алтайских приписных крестьян, усугубляющуюся со временем повсеместную его коммерциализацию. Последняя являла собой приспособительный прием в рамках собственно крестьянского производства. Дело в том, что деньги были таким же натуральным предметом жизнедеятельности крестьянского хозяйства, как и всякий другой продукт. Их добывание в социальном плане ничем не отличалось от других видов хозяйственной деятельности. Деньги «в натуре» стали элементом диверсификации крестьянского хозяйства, с целью ослабления налогового бремени и нивелирования рыночной коньюнктуры. Они вовсе не способствовали капитализации крестьянского хозяйства, помогали крестьянам выживать и по-крестьянски преуспевать.

Приписная деревня на макроэкономическом уровне справилась со сложной исторической миссией обслуживания горно-металлургического производства благодаря тому, что ушла от издержек формирования капиталистического уклада. Она продемонстрировала доминирование имманентной природы традиционного крестьянского хозяйства.

Содержательная сторона процессов, происходивших в алтайской приписной деревне, находила свое подтверждение не только на уровне такой аналитической категории, как территория, но и в пределах крестьянских хозяйств как таковых и эволюции их внутреннего строя, т.е. на микроуровне.

Горная администрация, реализуя экономическую политику в отношении крестьян в эти годы, «научилась» болезненно и нетерпимо реагировать на падение крестьянского производства и социальную деградацию, выработала дисциплинирующие механизмы (давление, принуждение, внедрение) преодоления экономической крестьянской самоизоляции. В крестьянском «идеале» и по логике трудопотребительского баланса не было стимулов к интенсификации труда, и побудительной причиной к труду и росту производства становилась та или иная разновидность принуждения. Моделирование рыночных взаимоотношений с приписными крестьянами побуждало к росту производства, но отнюдь не через рыночную трансформацию крестьянского хозяйства, а благодаря реализации имманентных возможностей его развития как такового.

Приписной крестьянин был в этот период особым активным хозяйствующим субъектом рыночных отношений.

На каждом уровне социально-иерархической структуры деревенской экономики находила свое воплощение логика развития крестьянского хозяйства от простого к расширенному воспроизводству. Многомерная математическая группировка в контексте выявления производственно-структурных изменений в крестьянском хозяйстве выявила реальные, совпадавшие с крестьянскими представлениями и самоиндентификациями группы крестьянства, функционально приемлемые для традиционного общества: бедные, средние и зажиточные.

Характер динамических изменений вписывался в логику адаптации к организационному и экономическому статусу приписанности к заводам и рудникам. Массовое крестьянское хозяйство, то есть всех имущественных групп, функционировало как типичное семейно-трудовое. Дифференциация природе производственнопо своей была демографической, которая, как известно, является функциональным свойством традиционного крестьянского сообщества. Своеобразие социальной стратификации выражало уровень адаптации различных групп к условиям мобилизационного хозяйствования. Сильное влияние на формирование групп оказывала не просто занятость на отработках, а способность организовать себя в выполнении повинностей с максимальной пользой для воспроизводства крестьянской сущности. Крестьянин, как известно, соединяет в одном лице и исполнителя, и организатора производства, и, как следствие, применительно к приписным крестьянам огромный ресурс самоэксплуатации стал источником выживастабильного хозяйствования решения всех социальноэкономических проблем округа.

Признаков хозяйственных процессов, выводящих на линейные траектории развития, будь то капитализация или же пролетаризация, приписная деревня не выказывала. Спецификой приписной деревни было то, что на протяжении всего времени её социально-имущественная структура смещена в сторону бедности, но не нищеты. Традиционная крестьянская социальность как основополагающая норма хозяйственной жизни приписных крестьян подтверждается тем, что группа нищих не выделилась математически, и тем, что не закрепилась как норма в крестьянском сознании. Высокие масштабы соприкосновения крестьянства с бедностью не дают оснований говорить о хронической бедности.

Активно реализуемая крестьянами Алтайского горного округа в 20–50-е гг. XIX в. инвариантность традиционной хозяйственной деятельности позволила приписной деревне избежать рисков капитализации и

пролетаризации. Крестьянское сообщество, покорившись Кабинету, все же приспособилось использовать ситуацию отработок на заводах и рудниках и необходимость поставок провианта и фуража в своих долгосрочных интересах, что привело к сохранению и образованию еще более устойчивого социально-экономического развития приписной деревни в предреформенный период.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII первая половина XIX в.), Новосибирск, 1975. С. 29.
- ² Лукичев С.С. Агрикультура приписной деревни Алтайского горного округа в первой половине XIX в. // Вопросы экономики и организации производства социалистического общества. Томск, 1978. Вып. 9.
- ³ *Лукичев С.С.* Состояние основных отраслей сельского хозяйства в Алтайском горном округе в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига. 1963. С. 381.
- ⁴ Лукичев С.С. Феодальные повинности и основные отрасли хозяйства приписных крестьян Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в первой половине XIX в.: Автореф, дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1970. С. 20.
  - ⁵ Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 392.
  - ⁶ Лукичев С.С. Феодальные повинности и основные отрасли. С. 25.
- ⁷ Булыгин Ю.С. Промыслы сибирского крестьянства в XVIII первой половине XIX в. // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980. С. 51.
- ^{8} *Кузьмина Ф.С.* Извозный промысел сибирских крестьян в 20–30-е годы XIX в. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979. С. 29.
- ⁹ Жеравина А.Н. Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири (вторая половина XVIII первая половина XIX в.). Томск, 1985. С. 88.
- ¹⁰ Жеравина А.Н. Приписные крестьяне Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов в 1747–1861 гг. (к проблеме частно-феодального землевладения на кабинетских землях в Сибири): Дис. . . . д-ра ист. наук. Томск, 1989. С. 238.
- ¹¹ Лукичев С.С. Феодальные повинности и основные отрасли хозяйства приписных крестьян Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в первой половине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1970. С. 118.
  - ¹² *Щеглова Т.К.* Ярмарки Алтая в XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1990. С. 118.
  - ¹³ *Булгаков С.Н.* Капитализм и земледелие. СПб., 1900. Т. 2. С. 160–161.
  - ¹⁴ *Щеглова Т.К.* Указ. соч. С. 68–71.
- ^{15} Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 гг. Новосибирск, 1963. С. 85.
- ¹⁶ Жидков Г.П. Экономика кабинетской деревни Западной Сибири накануне реформы (к вопросу о соотношении эксплуатации и производительных сил крестьянского хозяйства) // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 219–220.
  - ¹⁷ Громыко М.М. Указ. соч. С. 285.
- ^{18} Жидков Г.П. Социально-экономическое развитие приписной деревни Западной Сибири (1780–1861): Автореф. дис.... канд. ист. наук. Новосибирск, 1964. С. 19.

 ^{19} *Русаков К.В.* Движение населения и хозяйственное освоение Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1795–1861 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1987. С. 75

²⁰ Лукичев С.С. Проблема хозяйственной специализации приписной деревни Алтайского горного округа в дореформенный период XIX в. и ее решение в работах Г.П. Жидкова // Актуальные вопросы истории Алтая, Барнаул, 1980. С. 200.

²¹ Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925.

²² Потанин Г.Н. Полгода в Алтае // Русское слово. 1859. № 12. С. 255.

- ^{23} Студенский Г.А. Проблемы экономии и географии сельского хозяйства. М., 1927. С 25
- С. 25.
  ²⁴ *Ледебур К.* Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской киргизской степи. Берлин, 1829 (на нем. яз.); *Гагемейстер Ю.А.* Статистическое обозрение Сибири составленное по высочайшему его императорского величества повелению при Сибирском комитете. СПб., 1854. Ч. 2.

²⁵ Русаков К.В. Указ. соч.

²⁶ Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. СПб., 1810. С. 287.

²⁷ Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1865. Т. 2. С. 196.

²⁸ Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. С. 329.

²⁹ Там же. С. 328, 392.

³⁰ Цит. по кн.: *Книпович Б.Н.* Сельскохозяйственное районирование. М., 1925. С. 152.

³¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2671. Л. 52.

³² Там же. Оп. 19. Д. 682. Л. 34.

³³ Там же. Оп. 18. Д. 1043. Л.

³⁴ Лукичев С.С. Скотоводство в приписной деревне Западной Сибири в дореформенный период XIX в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1982. Вып. 11. С. 46–53.

³⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 401. Л. 70.

- ³⁶ Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. С. 394.
- ³⁷ Алексеенко Н.В. Из истории казахско-русских взаимоотношений на казахстанском Алтае (XVIII первая половина XIX в.) // Социально-экономические и исторические предпосылки и прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1981. С. 80.
- ^{38} Алексеенко Н.В. К вопросу о торговых связях сибирских крестьян и казаков с казахами в XVIII первой половины XIX в. // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 111.

³⁹ Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. С. 328.

40 Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 270.

⁴¹ Отдел рукописей ГПБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 9. Л. 7.

- ⁴² Жеравина А.Н. Очерки ... С. 86.
- ⁴³ РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 747. Л. 16; Ф. 468. Оп. 23. Д. 2672. Л. 141.

⁴⁴ Там же. Оп. 23. Д. 2671. Л. 145, 146.

- ⁴⁵ Там же. Оп. 19. Д. 747. Л. 12.
- ⁴⁶ ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 57. Л. 86.
- ⁴⁷ Количественные методы в историческом исследовании: Учеб. пособие для вузов по специальности «история» / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1984; Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967; Он же. Аграрный строй России второй половины XIX нач. XX в. М., 2004; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма (источники и методы исследования). М., 1988; Милов Л.В.,

Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII в.: историография, компьютер и методы исследования. М., 1986.

 ^{48} Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920. Т. 1.

49 Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925.

50 РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 448. Л. 159.

⁵¹ Данное теоретическое положение нисколько не противоречит тому, что в основание группировки положены все данные об основных средствах крестьянского хозяйства. Дело в том, что размер посевной площади выступает всего лишь базовым проверочным критерием комплексной стратификации, т.е. применяется постфактум.

52 Цит. по: Трусова З.Н. К истории крестьянского вопроса в Сибири в 30-х гг. XIX в. // Крестьянство Сибири XVIII – начала XIX в. Классовая борьба, общественное сознание и

культура. Новосибирск, 1975. С. 138.

⁵³ Выявленная некоторая нехватка резерва вполне подпадает в разряд расчетных

статистических погрешностей.

⁵⁴ *Мамсик Т.С.* Кайлинская волость: опыт изучения социально-экономической структуры приписной деревни Западной Сибири по материалам окладных книг 1850-х гг. // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1992. С. 68.

55 *Сорокин П.А.* Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С. 189–197.

НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО (АЛТАЙСКОГО) ГОРНОГО ОКРУГА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Традиционные неземледельческие занятия крестьян в условиях приписки

Отличительной чертой приписной деревни Алтая было отсутствие земельной тесноты. Между тем многие местные жители и до приписки, и в первые годы после нее не были связаны с земледелием, «имея более охоты к рыболовству и звероловству, нежели к землепашеству» 1. Уже в 1756 г. появляется указ Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, адресованный управителям на местах и выборной сельской власти с требованием к местной власти «крестьян к хлебопашеству принуждать» 2.

Одной из основных причин обращения приписных крестьян к дополнительным занятиям было стремление к самообеспеченности, самодостаточности их хозяйства. Как заметил Г.Н. Потанин, крестьянское хозяйство «было основано на старании как можно больше производить, ничего не покупать, а излишки своих произведений продавать»³. Эта установка передавалась из поколения в поколение: «старики старались изолировать свою семью в экономическом отношении, ограничить ее потребности только собственными ее потреблениями»⁴. В данном случае подсобные занятия можно рассматривать как одну из главных составляющих крестьянского хозяйства, благодаря которой в крестьянской семье было все необхолимое.

Располагали к неземледельческим занятиям и природно-климатические условия региона. Целые сезоны, например зима, являлись «мертвыми». В это время крестьяне концентрировали усилия на тех делах, до которых «не доходили руки» в другие времена года, но без которых хозяйство не могло быть самодостаточным. Труднее приходилось в то время, когда увеличивалась трудовая нагрузка (время посева, жатвы, отработок). Но в эти периоды многие работы в домашнем хозяйстве выполняли женщины, старики и дети, которых очень рано привлекали к хозяйственным делам. Поэтому занятость взрослых мужчин в своем хозяйстве в течение года была примерно одинаковой.

Стремление к самообеспеченности обусловливалось и неразвитостью частных и государственных текстильного и пищевого производств. Характеризуя неземледельческую занятость крестьян одного из сел Алтая, К.Ф. Ледебур отметил особенность, которую можно отнести ко всем приписным крестьянам горного округа: «Талант легко приобретать сноровку в различных ремеслах — настолько присущ русским из низших классов, что поселенцы стали и кузнецами, и столярами, и плотниками, и каменщиками...»⁵

Такой широкий спектр дополнительных занятий был обеспечен богатой сырьевой базой Алтая. Раньше всего свои трудовые усилия они направляли в промыслы, которые позволяли изымать из природы то, что она произвела. Одним из самых доступных, а потому распространенных занятий среди приписных крестьян было собирательство. Дары природы использовали давно и повсеместно. Ягоды, грибы, травы деревенские жители собирали с весны до поздней осени. Это позволяло крестьянам значительно разнообразить свой рацион. В горном округе росли красная и черная смородина, земляника, клубника, малина, черемуха, костяника, морошка, брусника, клюква, голубика, ежевика, рябина, калина, шиповник. Большой популярностью пользовались грибы (боровики, подберезовики, рыжики, грузди, маслята и др.).

Дикоросы употребляли в пищу в свежем виде, заготовляли на зиму. Способы хранения, выработанные многими поколениями, обеспечивали сохранность полезных свойств, витаминов. Крестьяне хорошо знали целебные свойства различных видов ягод, кореньев, трав. Многие травы служили подспорьем в питании, когда заканчивались запасы, особенно весной и ранним летом. Отличительным проявлением собирательства на Алтае был сбор кедрового ореха. «Шишкование» имело локальный характер. Им преимущественно занимались крестьяне притаежных волостей – Тутальской, Тарсминской, Алтайской, Убинской, Бухтарминской, Бачатской, а также некоторых степных — Чаусской, Кривощековской, Ояшинской. При этом крестьянам второй группы волостей приходилось преодолевать значительные расстояния. Во время шишкования из деревни уходили многие крестьяне. Г.Н. Потанин отмечал, что сбор кедровых орехов для алтайских жителей то же, что сбор винограда для жителей южной Европы⁶.

Приписные крестьяне не ограничивались сбором и переработкой даров природы. В их распоряжении были богатые рыбой реки и озера, лес, дающий возможность для удачной охоты, заготовки дерева. Использовали приписные крестьяне и доступные им полезные ископаемые: соль, глину, песок. Неравномерное размещение сырьевой базы по территории округа отложило свой отпечаток на развитие той или иной промысловой и ремесленной деятельности на местах.

В процессе ремесленной деятельности крестьяне преобразовывали природные ресурсы из естественного состояния в искусственное, производя предметы, вещи, необходимые для потребления.

А.А. Малых относительно государственной деревни отмечено, что в рыболовстве было занято наибольшее количество рук⁷. Похожая ситуация была и в приписной деревне. Занятие рыболовством было обусловлено тем, что для обеспечения рыбой семьи не требовалось покидать хозяйство. Большинство сельских населенных пунктов округа находилось на берегу водоемов. Лишь для ловли ценных видов рыб крестьянам, вопреки запрету, приходилось преодолевать большие расстояния. В рыболовстве были заняты и взрослые, и дети, так как различные приемы ловли рыбы были удобны и доступны для разных возрастных групп.

Занятие приписных крестьян рыболовством подробно описано А.И. Кулибиным: «в Оби водятся осетр, стерлядь, муксун, тальмень, щука, карась, окунь и др.» Особенно, по словам крестьян, ценились тальмень (таймень) и хариус. Из орудий рыболовства главными были невод, сеть, морда, вентель, или вятель, наконец, крючки, дорожки и прочее. Несмотря на ограничение в передвижении, крестьяне ловили рыбу не только в ближних водоемах, но и ездили к горному озеру Зайсан, в котором водилось много рыбы В распоряжении власти имелись сведения, что приписные крестьяне, живущие на Иртыше, занимались «рыбною промышленностью, а также покупкою, продажею добываемой на Иртыше рыбы» 10.

Наравне с рыболовством был распространен звериный промысел. По сведениям Ю.А. Гагемейстера, наиболее развиты были охота и рыболовство в Бийской, Уксунайской и Енисейской волостях. В то же время о занятиях звериными промыслами в Кривощековской, Легостаевской и Ордынской волостях управители не упоминали¹¹.

Из зверей в зимнее время промышляли лисиц, белок, зайцев. Самым ценным зверем на Алтае считался соболь, но его численность с каждым годом уменьшалась. Кроме пушного зверя, приписные крестьяне в горах охотились на маралов, лосей, в лесах — на волков, кабанов и других зверей. Постепенное уменьшение числа крупного зверя, наличие степей и водоемов давали возможность охоты и на птицу (глухарей, рябчиков, уток, гусей). Если охота переставала быть для приписных крестьян выгодной или отнимала много сил, то они перераспределяли свои усилия по другим отраслям. В 1950-е гг. в Чарышской станице никто уже не ходил соболевать, «молодое поколение обратилось к более способному и надежному земледелию» 12. Жители Колыванского округа не занима-

лись охотой, а все свои силы сосредотчивали на других занятиях, «главным образом на перевозке товаров сухим путем и водою, содержании постоялых дворов» 13. При использовании природных ресурсов интересы приписных крестьян сталкивались с интересами государства, поэтому, пытаясь обеспечить свое хозяйство всем необходимым, приписные крестьяне, если это было для них действительно выгодно, нередко нарушали распоряжения властей. Согласно существовавшему законодательству соляной промысел был монополией государства. Приписным крестьянам запрещалось заниматься самовольной добычей и продажей соли. Они должны были покупать ее в казенных магазинах, «никто ни с солью, ни с другими какими произведениями не были в заводскую округу допущаемы» ¹⁴. Но, вопреки всем распоряжениям, деревенские жители, при наличии природных запасов, предпочитали заготавливать этот продукт самостоятельно. Этому способствовало наличие в округе достаточного количества соленых озер. В западной части заводского ведомства округа располагались богатейшие и весьма удобные к разработке самосадочные озера. В предреформенный период на долю Колыванского, Барнаульского и Бийского округов приходилась 1/3 известных правительству соленых озер Западной Сибири, содержащих соль соответствующего качества.

Не последнюю роль в соляном корчемстве играло естественное желание приписных крестьян сэкономить свои средства и силы. Это становится понятнее при подробном рассмотрении занятости крестьян Алтая в своем хозяйстве и на предприятиях Кабинета. Из некоторых селений за покупкой соли иногда надо было ехать в какой-нибудь город, верст за 100, 200, а из некоторых деревень и дальше. Самостоятельная добыча соли могла принести дополнительный доход, потому что не все жители при естественном желании сэкономить самостоятельно добывали соль. Люди, «из стари привыкшие к этому промыслу, начали добывать соль сверх домашней своей надобности, и для снабжения ею других, иногда же и за деньги...»¹⁵

Оказывало свое влияние и мировоззрение крестьян. На вопрос советника главного управления Энгельке, объезжавшего в 1843 г. югозападную часть горного округа, отчего крестьяне занимаются добычею из озер соли и тем самым подвергают себя разорению от следствия, суда и взыскания штрафов, многие поселяне удивлялись – почему начальство ставит эту добычу им в преступление, ведь соляное озеро Божья пазуха¹⁶. А. Денисовым, обозревавшим край вместе с Энгельке, было замечено, что «вообще между крестьянами многих сибирских селений есть обычай не считать преступлением против Бога и совести корчемство

солью и вином. Самый честный, самый религиозный крестьянин, который солгать в пустяках считает великим грехом, без зазрения совести поедет в первое попавшееся ему соляное озеро и запасется из него на круглый год даровою солью» ^{17} .

Способствовали соляному корчемству со стороны приписных крестьян неосведомленность правительства о многих соляных озерах края и неразбериха с качеством соли в известных озерах. Правительство считало соль некоторых озер негодной к употреблению, не охраняло их и, соответственно, не препятствовало добыче соли из них. Около Локтевского завода, в Шульбинском бору, находилось Шульбинское озеро, из которого брали соль для стеклянного производства и для госпиталей без акциза. Но генерал-губернатор Западной Сибири настаивал на введении акциза на нее как на поваренную соль. Было проведено исследование, и выяснилось, что в пищу она не годится, врачебная же управа признала ее годной в пищу, а Колывано-Воскресенское начальство согласилось с результатом исследования 18. На добычу соли влияла удаленность озера от потребителя. В Бийском округе находилось 9 озер, в которых в отдельные годы была садка соли, но выломка ее не производилась из-за отдаленности от потребителей.

Нельзя сказать, что самовольная добыча соли приписными крестьянами оставалась полностью незамеченной властями. Ю.А. Гагемейстер отмечал, что в отношении соляного дела в Сибири необходимо:

- 1) «...найти меры к прекращению усилившегося корчемства солью,
- 3) сообразить средства к возможному удешевлению цены на соль, не уменьшая, однако же, казенного дохода...,
- 6) изыскать все возможные средства к увеличению дохода от соли, с тем, однако, чтобы жители не были стеснены в получении сего существенно необходимого для них предмета продовольствия» ¹⁹.

Кража соли крестьянами не оставалась безнаказанной. Не один год тянулось дело о краже 10 пудов соли на сумму 8 р. с Карасукских озер крестьянином Андреем Карповым ^{20} . В 1834 г. с крестьянина Матвея Плотникова «с товарищами» за похищенные ими с озер 212 пудов соли предписано было взыскать 180 р. 20 к. ^{21}

Участвовали приписные крестьяне и в перевозке казенных запасов соли. Крестьянин Бурлинской волости П. Школдин указывал на тот факт, что перевозка соли с озер в разные места была общим занятием приписных крестьян данной волости. «Количество перевозимой соли на долю Бурлинской волости достается иным годом около 80 тысяч пудов, а провозная плата на расстояние 200–300 верст 5, 7 и 11 коп. с пуда... Все это имеет благоприятное влияние на благосостояние трудолюбивых

поселян и служит источником довольства и даже роскоши...»²² Но занятие перевозкой соли было достаточно рискованным. По разным причинам крестьянин мог потерпеть неуспех, и тогда дело могло тянуться месяцами и даже годами. В 1833 г. «на мещанах и крестьянах разных волостей за растраченную ими соль, принятую для поставки в казенные магазины по подрядам с 1815–1822 гг., числилось 38 руб. 65 коп.»²³. В том же году на крестьянине Колыванской округи Ординской волости Никите Черепанове за недоставление им в Кузнецкий запасной магазин 100 пудов соли числилось 160 р.²⁴

Несмотря на монополию государства и на винокурение, приписные крестьяне «курили вино» для собственного потребления. На праздники варили хмельное и постное пиво из хмеля и ячменя, медовуху. Также делали настойки из лекарственных трав, вино из березового сока²⁵. Это было вполне законное производство. Крестьянам было разрешено варить брагу. Никаких взысканий за это не полагалось, даже если крестьян подозревали в «выделке вина». Здесь было указание действовать осторожно, чтобы «беспрестанные судопроизводства» не поспособствовали «конечному их (крестьян) разорению»²⁶. Однако приписные крестьяне нередко переступали дозволенную грань. У крестьянина д. Савиновой Герасима Старикова было найдено 4 ведра корчемного вина. В последовавшем бунте крестьян и разбирательстве по данному делу был привлечен 41 человек, в том числе старики и женщины²⁷. У крестьянина Кабановой Защиты Егора Палкина было найдено хлебное вино в пяти стеклянных посудах, а у крестьянина д. Пономаревой Якова Плотникова ведро и восемь осьмин данного напитка. У них также была обнаружена корчемная посуда²⁸.

Корчемное винокурение доставляло властям немало хлопот на протяжении всего изучаемого периода. Начальник Алтайских заводов в своем рапорте в 1846 г. указывал на то обстоятельство, «что, несмотря на запрещение силою закона о недопущении производить корчемное винокурение» очень часто «возникают дела над приписными крестьянами об открытии у них корчемства». Он обращал внимание на то обстоятельство, что приписные крестьяне, совершая винное корчемство, не только наносят вред казне, лишая ее доходов, но и себе. Это происходит потому, что крестьяне, у которых обнаруживается корчемное вино, подвергаются длительным разбирательствам далеко от дома. Их хозяйство в этом случае терпит разорение, а также остальные крестьяне вынуждены выполнять обязанности арестованного крестьянина и доставлять его на своих лошадях до места следствия, чем отвлекаются «от нужных занятий»²⁹.

36 Глава б

Сырье для переработки давали земледелие и скотоводство. Первостепенное значение для семьи имело мукомольное дело. Для размола зерна на муку и выделки круп в деревнях строили водяные, реже – ветряные мельницы. Имеются также сведения о наличии конных мельниц. Водяные мельницы были двух типов: колесчатые с наливным колесом и мутовчатые с рабочим лопастным валом. Строились они на реках. При недостаточном течении возводились плотины. Производительность мельниц была невелика. Обычно они обслуживали 2–3 двора, поэтому их число постоянно росло. Так, в 1841 г. в округе действовали 2362 водяные мельницы, а в 1861 г. – 2983³⁰.

Росту числа мельниц способствовало и то, что власть поощряла развитие мукомольного дела. При заготовке хлеба предпочтение отдавалось не зерну, а муке и крупе. Крестьянам было беспрепятственно разрешено строить мельницы, а в случае необходимости власть выделяла лес, продавала железо для изготовления металлических частей мельниц. Случаи отказа в разрешении построить мельницу были крайне редкими и объяснялись особыми обстоятельствами, чаще всего обмельчанием водоемов. Администрации была выгодна постройка крестьянами мельниц: во-первых, она была заинтересована в получении от крестьян муки, а во-вторых, с владельцев мельниц взимался особый оброк.

Широкое распространение в округе получило изготовление изделий из дерева. Это объясняется доступностью, легкостью обработки материала. Крестьяне производили все, что требовалось в хозяйстве, начиная от домашней утвари и заканчивая избами. Продукция бондарей служила тарой для жидких и сыпучих веществ. Они мастерили бочки, кадки, кадушки, ушаты, лохани, ведра. Без таких изделий столяров, как прялки, ткацкие станки, не могла обойтись ни одна семья. Для работ на пашне, выполнения заводских и государственных повинностей, передвижения по воде и суше мастерили телеги, сани, кибитки, дуги, оглобли, баржи. Указать какие-то количественные и цифровые данные о производстве изделий из дерева, а тем более об их продаже, весьма сложно. Это связано с тем, что в официальной статистике этот вид промысла никак не отражен, потому что он не представлял для власти никакого интереса. Производство изделий из дерева носило домашний характер с элементами продажи.

Наличие в округе горно-металлургического комплекса способствовало развитию в приписной деревне кузнечного дела. Но преувеличивать масштабы этого занятия не стоит. С 1753 по 1861 г. число кузниц в округе возросло с 14 до 1535³¹. Такое внушительное количество объясняется их небольшими размерами и способностью обеспечивать малое

число крестьян при большом спросе на железные изделия. Но и такое количество кузниц не могло полностью удовлетворить потребности населения в изделиях из железа. Главным препятствием к распространению мельниц был дефицит железа. Основным продавцом железа крестьянам был Томский железоделательный завод. Для получения металла с 1799 г. волостное правление составляло заявку на снабжение подведомственных им селений. Но эти заявки чаще всего удовлетворялись частично.

Исчерпывающих сведений о получении приписными крестьянами дохода от использования кузницы из источников получить невозможно. Учитывая ассортимент железных изделий и сведения о том, что кузнецы продавали изделия своего труда и в своей деревне, и в соседних селениях, можно предположить, что они имели хороший дополнительный доход.

Во всех деревнях горного округа велась переработка животноводческого сырья. В первой половине XIX в. в приписной деревне выделка и обработка кож, изготовление кожаных изделий были распространены повсеместно. Крестьяне занимались «деланием овчин, лосиных, сыромятных и дубленых кож для домашней надобности, так и для посторонних людей»³². Производили в хозяйстве и различные виды масла: топленое коровье, растительное, кедровое.

В постные дни в пищу употребляли растительное масло. В XVIII — начале XIX в. его добывали из семян конопли, в XIX в. еще и изо льна, в том числе из дикого — рыжика. В небольшом количестве, из-за трудности переработки, добывали кедровое масло, имевшее прекрасные вкусовые качества.

Особым занятием приписных крестьян Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа было пчеловодство. В Сибири не было своего пчеловодства до второй половины XVIII в. Дорогой мед привозили из Европейской России. О первых опытах заведения пасек на Алтае существует несколько версий. Общим является то, что первые опыты 70-х гг. XVIII в. оказались неудачными. Лишь в 80–90-е гг. XVIII в. крестьяне Томской губернии обзавелись собственными пасеками. Во второй половине 20-х гг. XIX в. на территории горного округа 56% всех ульев принадлежали крестьянам Бийской, Бухтарминской, Крутоберезовской, Верх-Чумышской, Усть-Каменогорской, Алтайской волостей Звлечатляют и пасеки отдельных крестьян. Крестьянин станицы Чарышской Петр Маркыч содержал пасеку, заключавшую в себе до 400 колодок По свидетельству К.Ф. Ледебура, некоторые крестьяне д. Бутаковой имели по 200 ульев 35, а крестьяне с. Бобровского — до 400 ульев. Каждый улей давал «от полутора до двух пудов превосходного белого

меда, ароматного, вкусного...»³⁶. В Кузнецкой волости Кузнецкого округа в 1828 г. вообще не было зафиксировано этого промысла, а в 1851 г. здесь на одну ревизскую душу мужского пола приходилось 4,5 колодки. В Верхотомской волости за это время произошло увеличение с 0,3 до 1,7 улья на ревизскую душу мужского пола³⁷. В целом число колодок в округе за четверть века выросло более чем в 2 раза (с 88969 в 1827 г. до 201625 в 1851 г.)³⁸.

Такому быстрому распространению пчеловодства способствовали благоприятные природно-климатические условия, минимальные физические затраты и высокая товарность продукции (меда и воска).

В зависимости от местности у крестьян могли быть и довольно специфические дополнительные занятия. Например, крестьяне, жившие возле Колыванского озера, добывали из него чилим, орехи которого употребляли в пищу и даже продавали на рынке в Змеиногорске³⁹. Жители деревни Афонькиной Кузнецкого округа ломали каменный уголь для соседних горных рудников, а в деревне Кузедеевой ломали жерновой камень на продажу⁴⁰. Кузнецкий округ был также центром производства хмеля, причем этот хмель по качеству не уступал привозному из европейской части страны⁴¹.

Разнообразие неземледельческих занятий позволяло привлекать к ним всех членов семьи, начиная с детей и заканчивая «убеленными сединами стариками». Только такая вовлеченность в хозяйственные дела семьи могла обеспечить выживание в тяжелых условиях приписки. В семьях приписных крестьян детей очень рано привлекали к труду. Существовали занятия, которыми, по крестьянским убеждениям, могли заниматься только женщины и дети, например сбор орехов и дикоросов. В хозяйстве приписных крестьян особое место принадлежало женщине. Как справедливо заметила А.В. Сафьянова, характеризуя крестьянскую семью Алтая, специфика социально-экономического положения сельского населения данного региона в дореформенный период состояла в том, что «мужчины надолго и нередко в напряженный период сельскохозяйственных работ отвлекались от своего хозяйства» на выполнение обязательных заводских отработок. «Женщина становилась тогда основной рабочей силой в семье. От ее выносливости, навыков и умения хорошо хозяйничать во многом зависело благосостояние семьи» ⁴².

Навыки и умения, которые помогли бы женщине даже на короткий срок заменить мужчину, прививались с детства. Женское население деревни, как и мужское, с ранних лет включалось в хозяйственную деятельность семьи. Это происходило путем их вовлечения сначала в са-

мую простую работу по дому, заготовку дикоросов, присмотр за младшими детьми.

Ткачество, прядение, шитье одежды были обычными занятиями женщин горного округа первой половины XIX в. Атрибутом почти каждой крестьянской семьи были прялка и ткацкий станок. Из перерабатываемого сырья (лен, конопля, шерсть) делали пряжу, ткали толстые и тонкие холсты. Из тонкой ткани изготавливали белье, из грубой – верхнюю одежду, мешки, кушаки, половики. Из овечьей шерсти вязали чулки, варежки. Приписная деревня Алтая обеспечивала себя не только продуктами питания, средствами передвижения, но и текстильной продукцией.

Но эти занятия, как и некоторые мужские, можно назвать сезонными, когда был убран урожай. Зимой, когда мужчины охотились или готовили инвентарь к лету, женщины занимались «тканием разных сортов холста, также и салфеточной брани на крестьянскую руку, опоясок шерстяных, выкрашиванием пряденой шерсти разными домовыми красками, вязанием чулков, варег, плетением кружев»⁴³.

Всю вышеуказанную работу хозяйка должна была исполнять сама, чтобы не быть уличенной в лености. Допускались лишь совместная обработка личного льна или «помочь». О размерах производимых изделий можно судить по косвенным источникам. П. Небольсин, проезжавший по Кузнецкому округу, свидетельствовал о том, что там «приготовляют на продажу до 50 тысяч аршин холста разных сортов» 44. К начальнику заводов В.С. Чулкову, совершавшему ежегодный объезд Колывано-Воскресенского округа, явился крестьянин Колыванской волости Усольцев с жалобой на то, что у него украли 800 аршин холста 5. По наблюдениям Г.Н. Потанина, в станице Чарышской «до Рождества вся семья поголовно занята работой, от Рождества до Пасхи одни только женщины ткут холсты» 46.

Таким образом, женский труд в крестьянской семье Алтая по интенсивности не уступал мужскому, а иногда и превосходил его. Это становится более очевидным, если учесть, что на долю женщины приходились также уход за скотом, птицей, огородом, приготовление пищи, уборка в доме и во дворе. Кроме того, вовлеченность мужского населения региона в заводское производство приводила к тому, что сельские жительницы нередко выполняли работы, которые в европейской части России и даже на территории Сибири считались мужскими.

Специфическим домашним занятием женщин горного округа первой половины XIX в. было гончарство. И литературные свидетельства, и полевые наблюдения доказывают, что у населения Алтая, в отличие от

европейской части страны, в указанный период домашним гончарством занимались преимущественно женщины⁴⁷. В мужские обязанности входили изготовление гончарных кругов и небольшого количества (если это требовалось) посуды на продажу. Умение делать глиняную посуду считалось обязательным для каждой хозяйки. На территории округа вблизи многих селений имелась глина надлежащего качества. Заготавливали глину обычно мужчины в свободное от занятий сельским хозяйством время. Большое количество простой посуды необходимо было для хранения молочных продуктов. Именно такую посуду — крынки, горшки, а также миски, стаканы, чашки, посуду для кормления животных изготовляли женщины. Она отличалась невысоким качеством и использовалась только дома.

О том, что женщина была ценным работником в семье, а не обузой, говорит тот факт, что бракосочетание в сельской местности на Алтае часто совершалось убегом. Это явление объясняли сами крестьяне: «родители невесты, ни мало ни заботясь об участи своей дочери, удерживают ее как можно дольше как работницу и редко отдают добром» 48.

О доходности неземледельческих занятий судить трудно. С одной стороны, власти не учитывали все занятия и доходы приписных крестьян, а с другой – последние не стремились афишировать свою выручку от дополнительных занятий, поэтому какая-либо комплексная статистика отсутствует за весь изучаемый период. Можно привести лишь данные по отдельным отраслям в некоторых волостях в разный период, а также проследить изменения в состоянии хозяйств приписных крестьян и логически предположить, какую роль играли ремесло и промыслы в жизни приписной деревни. Большую помощь в этом могут оказать свидетельства сторонних наблюдателей и самих крестьян.

По сведениям А.И. Кулибина, в $1832~\mathrm{r}$. крестьянами было продано звериных шкур и рыбы на $15000~\mathrm{p.}^{49}$

Противоречивы сведения о продаже коровьего масла. К.В. Русаков утверждает, что в источниках крайне редко зафиксированы сведения о продаже коровьего масла. Например, в Белоярской волости в 1857 г. его было продано на сумму 934 р. 80 к. ^{50} По данным Т.С. Мамсик, в Кайлинской волости товарность топленого масла в этом же году составляла $59\%^{51}$. Коровье масло производили во всех районах округа вне зависимости от их специализации. Но в одних волостях было больше возможности и «интереса» заниматься этим производством, чем в других.

Выгодным в денежном отношении видом хозяйственной деятельности было и разведение пчел. Это давало возможность поддерживать развитие основных отраслей крестьянского хозяйства, пополнять стра-

ховой фонд. Пасеки заводили даже бедные крестьяне. Например, в 1857 г. в Кайлинской волости на долю бедных хозяйств и хозяйств без работников приходилось 19% всех ульев, со средним количеством 45—51 улей на двор⁵². Большое число колодок было необходимо для того, чтобы затраты на содержание пасеки могли окупаться в даже не удачные для пчеловодства годы. Прибыль приписных крестьян от продажи воска и меда превышала 100000 р. ежегодно⁵³. В 1832 г., только по официальным данным, приписные крестьяне от продажи этой продукции получили 122000 р. ⁵⁴ Генерал-адъютант Анненков, во время своего обозрения Алтайского округа, заметил, что на юге округа крестьяне «пользуются... весьма богатою в том краю отраслью промышленности пчеловодством..., а в селениях, лежащих на Оби и Томи, имеют прибыль довольно значительную от рыболовства» ⁵⁵.

Свою лепту в доход крестьян вносило и «шишкование». Некоторые крестьяне добывали до 100 пудов кедровых орехов, которые в 1856 г. продавались в Змеиногорске по 2 р. 50 к. асс. за пуд, а в Барнауле — по 4 р. асс. за пуд. Воз орехов в шишках можно было продать за 50 р. серебром. Такие барыши заставляли крестьян даже оставлять свои поля во время страды и заниматься добычей орехов, но это было нечасто, и при этом крестьяне точно знали, что они не будут в убытке 56.

Инновации в хозяйственной деятельности алтайских приписных крестьян в первой половине XIX в.

Несмотря на разнообразие, хозяйственная деятельность приписных крестьян в первой половине XIX в. не могла полностью базироваться на традиционных отраслях. Под давлением внешнего фактора крестьяне должны были проявить гибкость в своей занятости. Они стремились сохранить свое хозяйство и в то же время должны были участвовать в горно-заводском производстве. Спектр действий крестьян был чрезвычайно многообразным. Они выживали путем расширения и углубления хозяйственной деятельности, включения в нее новых видов занятий. Все нововведения возникли как реакция на изменившиеся условия. Этому способствовало и отношение власти. Горно-заводская администрация была заинтересована в сохранении крестьянского хозяйства, так как от его благополучия зависело состояние заводов и рудников.

Несмотря на все трудности, приписные крестьяне были также заинтересованы в бесконфликтных отношениях с властью. Этого они могли добиться через своевременное выполнение всех возложенных на них работ. Формальной мотивацией исполнения повинностей служили воз-

можность и необходимость отработать сумму подушного оклада, потребность не оказаться в «нетчиках». На практике различные группы приписных крестьян приспосабливали новые обстоятельства под свои интересы в зависимости от потребностей и возможностей хозяйства. Главным обстоятельством, к которому приписные крестьяне должны были приспособиться, являлась заводская повинность.

Наличие в крестьянском хозяйстве лошадей, близость селений к заводам, рудникам, пристаням позволили части крестьян со временем успешно интегрироваться в горно-заводское производство: приспособиться к отработкам и научиться извлекать из этого чуждого им и невыгодного занятия дополнительный доход.

По вопросу развития извоза в притрактовых волостях имеются некоторые данные за разные годы. Так, по подсчетам Ф.С. Кузьминой, в 20–30-е гг. XIX в. на долю приписных крестьян приходилось незначительное число перевозок по Сибирскому тракту⁵⁷. Следует учитывать то обстоятельство, что приписные крестьяне были ограничены в своем передвижении и могли перевозить грузы лишь на определенное расстояние. Поэтому, вероятно, в каких-то местах округа эти перевозки шли активно, но их доля в целом была незначительна.

Перевозить частные и казенные клади на дальние расстояния, а тем более выходить за пределы округа крестьяне не могли из-за своего приписного состояния. Благодаря необходимости перевозки заводских грузов приписные крестьяне получили возможность участвовать в перевозках при заводах, рудниках и пристанях. Одним из видов отработок были конные работы. Доходы от извозного промысла позволили некоторым крестьянам не заниматься земледелием, а все свои усилия сосредоточить на извозе. В большинстве же селений по менее значимым трактам и небольшим дорогам перевозка казенных грузов, став своеобразным видом хозяйственной деятельности, играла подсобную роль. Процесс эволюции трудных обязательных перевозок в своеобразную хозяйственную деятельность занял несколько десятилетий, а его результат стал очевиден в первой половине XIX в. В селениях, находившихся вблизи дорог, перевозка руд часто становилась дополнительным занятием случайно. Современники отмечали, что это происходило следующим образом: «во время перевозки с рудников в заводы руд нередко случается, что вощики за упадком у них лошадей принуждены бывают на дороге кидать немалое количество возов с рудою и более за ними уже не возвращаются, а потому тутошние жители и предлагают, когда таковые возы с рудою оставлены будут... те, которые пожелают ту руду свозили в заводы, не делая заворота в рудник...» ^{58} Приписные крестьяне упражнялись «вольною перевозкою с рудников в заводы кладей служащих, купеческих и посторонних людей» только «по окончании... возложенных на них заводских работ» Бухтарминский земский управитель отмечал, что крестьяне Бухтарминской волости могут заняться перевозкой руд и угля в умеренном количестве в «свободное от собственных работ и удобное время» 60. При обращении к рапортам и месячным ведомостям горных контор можно заметить следующую закономерность: в зимние месяцы горными конторами производились значительные выплаты крестьянам за вольные перевозки и исполнение заводских работ (рубки дров), а в летние и осенние месяцы они резко снижались и даже сводились к нулю 1. Это обстоятельство служит подтверждением того, что крестьяне прибегали к извозу и найму в свободное от сельскохозяйственных работ время, главным образом зимой. В страдную пору им приходилось заниматься своим хозяйством.

Значительную статью дохода для жителей Барнаульской волости составлял извоз. Доходы от этого занятия в 1829 г. составили 9500 р. и уступали лишь доходам от продажи скота и продуктов скотоводства⁶². Перевозка товаров сухим путем и водой, содержание постоялых дворов были, по свидетельству П. Небольсина, главным занятием жителей Колыванского округа⁶³.

Еще раньше К.Ф. Ледебур обратил внимание на то, что «благодаря подвозам руды, угля, леса для нужд металлургических заводов крестьяне имеют только солидный доход» ^{64} , который они имели и от перевозки казенной соли. Например, зажиточные крестьяне Каинского округа «принимали на себя обязательства «доставки» хлеба и соли в казенные магазины» ^{65} . В 1834 г. расходы канцелярии на наем рабочих и мелочные расходы составили 2480 р. ^{66}

Одними из первых возможности нового положения осознали «беспосевные» крестьяне. Чтобы не оказаться «в вечной горной работе за... шатание без пользы по степи» и иметь возможность восстановить свое хозяйство, они нанимались к односельчанам в работники или исполняли за них заводские повинности. Главным условием для занятия извозом было наличие в хозяйстве лошади. Так, в Белоярской волости в конце 1850-х гг. посевы не имели около 30% хозяйств, а в Ояшинской – около $40\%^{67}$. В этих волостях среди «беспосевных» крестьян было немало тех, кто содержал в своем хозяйстве 20 лошадей и более. Для жителей притрактовых волостей извоз стал такой же специализацией, как земледелие и скотоводство для других крестьян.

Согласно окладным книгам, наибольший и постоянный процент неземледельческого населения приходится на волости, расположенные

вдоль больших трактов. Высокой была доля беспосевных хозяйств и в некоторых волостях, находившихся в непосредственной близости от мест исполнения заводских работ (лесосек, рудников, заводов), но и таких волостей было немного.

Отсутствие посевов не было постоянным для крестьянских хозяйств какой-либо волости. Из этого следует, что в любом хозяйстве были резервы, за счет которых можно было восстановить земледельческое производство. Принимая во внимание тот факт, что в большинстве хозяйств даже при наличии лошадей поголовье крупного рогатого скота было невелико, а часто скот совсем отсутствовал, его продажа и продажа продуктов животноводства не могли составить значительную часть дохода крестьян⁶⁸. На основании этого логично предположить, что возрождение крестьянского хозяйства могло происходить за счет промыслов и, в большей степени, благодаря извозу и найму.

Среди крестьян, не имевших запашки, были и «безлошадные», и имевшие несколько лошадей. Первые могли выполнять лишь пешие работы, так как для выполнения конных работ крестьянин обязан был явиться со своей лошадью. Но доля пеших работ была невелика и в общей массе исполняемых приписными крестьянами работ составляла в 1807–1811 гг. 30 %, в 1841–1845 гг. – 18,6%, в 1846–1850 гг. – 17,2%, в 1851–1855 гг. – 18,7%, 1856–1860 гг. – 17,2%⁶⁹. В более выгодном положении оказались те крестьяне, которые при отсутствии запашки имели в хозяйстве лошадь. Они могли выполнять и заводские работы, и заниматься частным извозом. Наличие лошади не страховало крестьян от неудач в извозе. Начальник Колывано-Воскресенских заводов Чулков, совершая объезд округа в 1800 г., наряду с описанием горнозаводского производства уделил внимание и состоянию хозяйства приписных крестьян. В д. Калманской крестьянин Кривошеин пожаловался ему, что он «принял» для перевозки из барнаульского казенного магазина в Локтевский завод 500 пудов ржаной муки, но из-за падежа лошадей не смог выполнить обязательство в срок в полном объеме. Чулков в данной ситуации проявил лояльность и отсрочил поставку муки 70.

Личное исполнение заводских работ для крестьян было крайне невыгодно. Время исполнения работ на практике сильно отличалось от прописанного на бумаге. Крестьяне отвлекались от своего хозяйства на длительное время. Происходило это не только в первое время после приписки, когда механизмы управления и взаимодействия отрабатывались на практике. В 1851 г. генерал-адъютант Анненков писал, что в установленные сроки отработок могут уложиться только крестьяне, живущие на рудниках и заводах или вблизи них. Максимальное расстояние

для своевременной отработки он определял в 25 верст. Однако в таком благоприятном географическом положении находились немногие. Крестьяне Колыванской округи отбывали заводские работы за 250-400 верст, Томского, Барнаульского и Кузнецкого округов – за 150–300⁷¹. Кроме отдаленности волостей от мест отработок на увеличении срока исполнения сказывались неблагоприятные природные условия (сильные морозы, ветры, дожди) и плохое состояние дорог. Несмотря на то, что список исполняемых приписными крестьянами работ был определен Манифестом от 21 мая 1779 г., здесь также происходили нарушения. Крестьяне Убинской волости в 1852 г. жаловались генерал-губернатору Западной Сибири, проезжавшему по горному ведомству, что их, кроме обозначенных в указе работ, «заставляют вывозить навоз и другие нечистоты с завода, рудника и заводских конюшен». Кроме того, они жаловались на притеснения со стороны заводского начальства: привлечение к перевозкам руд во время полевых работ, взыскания за недовес руды⁷². Эти причины вынудили многих крестьян искать альтернативу личному исполнению заводской работы. Такой альтернативой стал найм.

Исследователи истории приписной деревни традиционно выделяют два вида найма, в которых участвовали приписные крестьяне. Первый – крестьяне сами за себя нанимали отработчиков и сами платили им деньги. Второй – администрация заводов и рудников нанимала работников за неявившихся, последние должны были «компенсировать» затраты на исполнение за них работ.

С самого начала существования алтайского горно-заводского комплекса был распространен индивидуальный найм на заводские отработки. В конце XVIII в. появляется более выгодная форма наемного труда — подрядный способ исполнения повинности. Не каждый крестьянин мог заключить сделку о подряде с заводской или сельской администрацией. Крестьяне имели возможность наняться к подрядчику и получить какойто процент от сделки. Коллективная форма найма была выработана в среде крестьянства и была экономически выгоднее индивидуального найма, а для горно-заводского начальства была предпочтительнее удобством учета и расчета.

Наняться для исполнения работ было не просто. Крестьянину, желавшему исполнить работы наймом, необходимо было заручиться поддержкой односельчан и получить одобрение волостного правления. Как видно из одобрений волостных правлений, предпочтение при найме отдавалось крестьянам «поведения и состояния хорошего, к домозаводству и хлебопашеству рачительным»⁷³.

Главной задачей горно-заводской администрации было не только стремление обеспечить выполнение всех необходимых работ, но и удержать приемлемые для себя расценки за исполнение работ наймом. При найме крестьяне были вынуждены платить большие деньги, сами приходили в разорение, а работы нередко не исполнялись 74. Горнозаводская администрация санкционировала наемный труд на заводах и рудниках в силу производственной необходимости. В то же время она старалась сдерживать повсеместное распространение наемного труда в среде приписного крестьянства, стремилась не допускать большой диспропорции между зачетом труда крестьян по плакату и по найму, чтобы не вызывать их недовольства низкими расценками заводских работ и как можно дольше сохранять их. Для того чтобы обеспечить нормальное функционирование горно-заводского комплекса, администрация вынуждена была прибегать к найму за «нетчиков». При этом она должна была поднимать оплату труда наемных, а затем взыскивать деньги с не явившихся на отработки. Чтобы привлечь крестьян и обеспечить выполнение работ, администрация заводов и рудников была вынуждена следить за расценками за найм в среде приписных и вслед за крестьянами поднимать плату наемщикам. Это было совершенно невыгодно. Горно-заводская администрация постоянно пыталась решить этот вопрос своими проверенными административными мерами и не допустить повышения расценок⁷⁵.

После их выхода подрядчики могли брать исполнение работ за десятки и сотни, а цены устанавливались самими крестьянами. Как уже указывалось, разница между суммой, установленной заводской администрацией, и той, которую платили крестьяне, была огромной ⁷⁶. Необходимо отметить, что, несмотря на удаленность селений округа друг от друга, сельские жители наверняка были неплохо осведомлены о спросе и предложении рабочих рук и общих конъюнктурных условиях, так как при исполнении заводских отработок им приходилось бывать в местностях, отстоящих подчас на сотни верст от места жительства, и вступать в контакт с крестьянами самых различных волостей и деревень (пересекались на отработках, ярмарках). Такая осведомленность позволяла крестьянам не продешевить при найме на работу и не дать слишком высокую плату при найме отработчиков.

Обнаружить сведения о найме крестьян за себя трудно. Как справедливо отметила А.Н. Жеравина, крестьяне всячески пытались скрыть сам факт найма⁷⁷. В ведомости енисейского земского управителя о работающих в перевозках по найму крестьянах указывалось, что «вольная перевозка руд и угля в заводы Локтевский, Змеиногорский, Сузунский и

Павловский производилась... в значительном количестве», но сколько они перевезли, «припомнить не могут», не могли крестьяне припомнить и цен, по которым производили перевозки⁷⁸. Такая «забывчивость» крестьян может свидетельствовать о том, что они не хотели афишировать своих доходов и старались свести их к минимуму для властей.

Наличие спроса на свободные руки для выполнения заводских работ как в приписной деревне, так и на заводах и рудниках имело для части крестьян положительное значение. Прежде всего, это касалось крестьян южных волостей округа. Будучи приписанными к близлежащим заводам и специализируясь на скотоводстве, в первую очередь на содержании лошадей, крестьяне этих волостей, выполнив свои заводские повинности, принимали на себя по найму исполнение работ за крестьян северных волостей, что составляло для них крайне выгодный промысел. Ю.А. Гагемейстер писал, что «ныне крестьяне отдаленных от заводов, рудников селений часто нанимают вместо себя, для исполнения заводских работ, поселян южных округов, из коих многие собственно промышляют этим наймом, доставляющим им хорошие выгоды»⁷⁹. Это мнение может показаться предвзятым, поскольку оно принадлежит чиновнику государственного ведомства. Однако целью инспекции Ю.А. Гагемейстера было выявление реального состояния дел в крестьянском хозяйстве приписной деревни. Его наблюдения перекликаются с наблюдениями других современников. Анненков писал, что крестьяне северных волостей, чьи жилища удалены от мест отработок на 300-400 верст, предпочитают вместо личной отработки «отбывать заводскую повинность наймом и нанимать предпочтительно крестьян, живущих в южной части горного округа, близ заводов и рудников»⁸⁰.

В некоторых местностях округа наблюдалась еще более интересная ситуация. Крестьяне, жившие далеко от заводов, платили подрядчикам за отработку повинностей, а сами нанимались работать вблизи своего селения⁸¹.

Несмотря на возможность получать достаточно высокие доходы от постоянного найма на заводские отработки, для алтайских приписных крестьян наемный труд был обычной формой самоподдержки, дополнительным занятием к основным сельскохозяйственным — хлебопашеству и скотоводству.

Подтверждением является тот факт, что только 0,9% мастеровых и так называемые «нижние чины», являвшиеся потомственными кадрами горняков и металлургов кабинетской промышленности в предреформенные годы, имевшие производственную квалификацию, формировали кадры промышленного предпролетариата. Остальные 99,1% непосред-

ственных производителей, находившихся в феодальной зависимости, не приобрели промышленной квалификации, тяготели к крестьянскому хозяйству и после отмены крепостного права⁸². Да и то, что в течение всего периода существования Алтайского горно-заводского комплекса на заводах постоянно не хватало рабочих рук, свидетельствует о том, что «наемщики» не становились постоянными рабочими заводов, а возвращались к сельскохозяйственным работам.

Выгодность от найма для всех участников была очевидна. Заводы и рудники получали работников, заинтересованных в быстром и полном исполнении работ. Нанимающиеся для отработок получали неплохой дополнительный доход. Наниматели сохраняли работника в семье и задействовали его в традиционно крестьянских занятиях (земледелие, скотоводство, промыслы).

Администрация заводов и рудников в первой половине XIX в. была очень заинтересована в исполнении заводских работ наймом. Вольные перевозки планировались Горным советом. В марте 1833 г. начальник Колывано-Воскресенских заводов, рассматривая ведомости о перевозке руд с рудников в заводы вольными возчиками в 1831 и 1832 гг., нашел, что перевозка руд «была весьма безуспешна» по сравнению с количеством, запланированным Горным советом. При анализе причин недопоставок руд вольными возчиками было обнаружено следующее: в эти годы были неурожаи, и для того чтобы выплатить денежные подати, бедные крестьяне занимали деньги у зажиточных. За это они обязывались отработать у богатых односельчан на пашнях или на других хозяйственных работах. Из-за того, что плата за такой труд была невелика, крестьяне попадали в зависимость почти на весь год. Администрацию такое положение вещей не устраивало по причине срывов перевозок, и она предпринимала шаги для того, чтобы привлечь крестьян к вольным перевозкам. В данном случае было решено «заблаговременно» выдавать крестьянам половину от предполагаемой суммы⁸³. Земские управители должны были, объезжая селения своего ведомства, привлекать к вольным перевозкам всех желающих крестьян. При этом они должны были не допускать того, чтобы подряды брали только богатые крестьяне, которые затем раздавали бы их по более низким ценам⁸⁴. Таким образом шла интеграция крестьян разных групп в кабинетское хозяйство. Это происходило не от понимания властью крестьянских проблем и нужд, а от ее желания обеспечить нормальное функционирование горнометаллургического комплекса.

Постепенно значение найма и извоза увеличивается для одних жителей горного округа и сводится к минимуму для других. К 40-м гг.

XIX в., по неполным данным, около 1/3 всех крестьян прибегали к замене натуральной повинности денежной, а к 60-м гг. XIX в. уже менее половины исполняли заводские работы лично ^{85} . В извозе и найме крестьяне видели тот резерв, который можно было использовать в случае неудачи в собственно крестьянских отраслях. Так, в 1829 г. доходы крестьян Кузнецкой волости от скотоводства, земледелия и производства мелких изделий сократились по сравнению с предыдущим 1828 г. в 1.5 раза⁸⁶. Такое снижение доходов могло поставить крестьян в экстремальные условия хозяйствования. Крестьяне сосредоточили усилия на найме и земской гоньбе, что позволило им сохранить баланс в хозяйстве. Доходы только от найма превысили доход 1828 г. по этой же статье в 1,5 раза. Приписные крестьяне Касьминской волости в 1824 г. от извоза и найма получили 5560 р., а от хлебопашества – всего 3528 р. В 1827 г. ситуация изменилась: доходы от извоза составили всего 545 р., а от хлебопашества – 7950 р. 87 Эти данные свидетельствуют о том, что найм и извоз играли подсобную роль и зависели от состояния основных отраслей.

Приписные крестьяне со временем научились извлекать из найма и извоза ту выгоду, которую не могли получить от традиционных занятий. Обращаясь к извозу и найму, они поддерживали, восстанавливали свое хозяйство, укрепление его жизнеспособности. Поскольку потребность в найме на заводские работы со стороны заводов и крестьян, имеющих финансовые возможности, была стабильной, соответственно, занятость и плата в этой сфере представали как бы гарантированными. Если у крестьян и скапливались определенные суммы денег, то они служили своеобразным страховым фондом для поддержания собственно крестьянского хозяйства.

Определенную эволюцию в условиях приписки проделала и торговля. Главным торговым партнером приписных крестьян было горнозаводское ведомство. Ежемесячно для нужд заводов и рудников производились закупки на значительные суммы.

Несмотря на стремление Кабинета оставаться монопольным торговым партнером приписных крестьян, в некоторых случаях он должен был разрешать сельским жителям торговать и с другими ведомствами. В первую очередь, это касалось военного ведомства, закупавшего сельскохозяйственные продукты для Иртышской, Колыванской и Бийской укрепленных линий.

Кабинет и канцелярия горного начальства были заинтересованы в существовании укрепленных линий. Размещенные на них воинские гарнизоны охраняли заводы и рудники от набегов кочевников, использовались для поддержания порядка в округе. Поэтому просьбы военного

ведомства о разрешении закупать провиант и фураж в селениях горного округа всегда удовлетворялись, по сравнению с другими ведомствами и частными лицами в первую очередь⁸⁸. Отказы или ограничения в закупках купцам, линейным магазинам, винокуренным заводам и прочим были чаще всего в неурожайные годы.

Приписные крестьяне горного округа вели и самостоятельную торговлю на ярмарках. Ярмарки, которые проходили в селениях вдоль трактов, в первую очередь вдоль Московского тракта, можно определить как притрактовые, а ярмарки, проходившие в горно-заводских селах, — как окружные. На ход торговли на притрактовых ярмарках в большей степени влияло круглогодичное движение по трактам. Здесь особым спросом пользовались фураж, изделия конской упряжи, бойко шла розничная торговля продуктами питания. Часто такие ярмарки возникали стихийно, привлекали небольшое число продавцов из близлежащих сел и деревень, в отдельности имели небольшой торговый оборот.

Окружных ярмарок в округе в первой половине XIX в. действовало всего 5: в Барнауле, Усть-Каменогорске, Бийске, Сузуне, Колывани. Эти ярмарки функционировали в определенные сроки, привлекали большое количество поставщиков и покупателей, отличались разнообразием товара, который привозился и из других частей России.

Из пяти окружных ярмарок особо выделялась во второй четверти XIX в. Сузунская ярмарка. Ю.А. Гагемейстер ставил ее в один ряд с крупнейшими ярмарками Западной и Восточной Сибири: «Замечательнейшие в Сибири ярмарки – Тюменская, Ишимская, несколько ярмарок Ялуторовского округа, Сузунская в Алтайском горном округе, Иркутская, Верхнеудинская, Якутская и на дольнем севере – Обдорская»⁸⁹. Сузунская ярмарка охватывала торговыми связями значительную часть округа. На ней производились оптовые закупки товаров для Убинской волости, Егорьевского прииска и других мест. Привоз торговцами продуктов скотоводства на Сузунскую ярмарку за 15 лет (1844–1860) вырос в несколько раз: сырого сала – в 21 раз, сливочного масла – в 12,3; свинины – в 7,5. Из изделий крестьянского хозяйства выделялся привоз льна и конопли: в 1854 г. – на 779 р., в 1855 г. – на 842 р., шнура пенькового - на 270 р. Из рыбы больше всего привозилось чебаков - в среднем на 200 р., карасей – на 125 р., а также осетра, стерляди. Привозились и крупные партии кедрового ореха: в 1846 г. – на 200 р., в 1850 г. – на 2680 р., в 1853 г. – на 9385 р., в 1856 г. – на 8155 р. Табака продавалось на сумму от 100 до 600 р. Привозился и полностью продавался мед: в 1844 г. его было продано на 839 р. 28 к., а в 1851 г. – уже на 10856 р. 51 к.⁹⁰

Наибольшую выгоду от Сузунской ярмарки имели приписные крестьяне Кулундинского края. Сузун был расположен в центре наиболее густонаселенных волостей, которые «изобиловали скотоводством, имели по тысячи и больше голов скота, крестьяне могли свободно продавать избыток лошадей, сала, масла, говядины». Местные крестьяне имели от торговли продуктами скотоводства хороший доход, что обеспечивало им более высокий уровень жизни. «Главные производители продуктов ярмарки – кулундинские зажиточные крестьяне, а женщины и девицы – первые покупательницы красных и нанских товаров, как-то синего и черного сукна, красных или цветных материй, ситцев и шалей; затем уже следуют сузунские жители» 1.

Приписные крестьяне продавали только излишки продукции. Г.Н. Потанин, прожив полгода в крестьянской семье, заметил негативное отношение сельских жителей к тем, кто старается извлечь денежную выгоду из самых незначительных продаж, «еще более странным кажется для здешнего крестьянина предназначить в продажу свой лучший холст и самую белую муку, а себе оставлять поскребы и охвостину. Напротив, здешний крестьянин лучшее оставляет себе и продает только то, что себе не нужно» 92.

Убинский управитель в 1852 г. также указывал, что сало «за удовлетворением своих потребностей продается крестьянами в зимнее время на рынках, расположенных поблизости к их селению, отвозится в ярмарки Сузунскую и Ирбитскую», кожи и кожевенные изделия «продаются в ярмарках Сузунской и Ирбитской, в заводах и рудниках Змеиногорского края»; мед, воск и конопляное масло «продается во всякое время года на местах покупателям, а также отвозят для продажи в Барнаул, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, в рудники Змеиногорского края, Сузунскую и Ирбитскую ярмарки» ⁹³.

Однако прямое участие в ярмарочной торговле для большинства крестьян было затруднительно. Ездить на окружные ярмарки имели возможность лишь те крестьяне, которые обладали большим количеством лошадей, денег и могли оставить свое хозяйство на длительное время. Большая же часть приписного крестьянства была вовлечена в повседневный товарообмен, базары и местные рынки. В оптовой торговле крестьяне горного округа участвовали через богатых односельчан, а чаще через скупщиков, разъездных торговцев-маркитантов, которые брали ссуду у правительства и закупали товар по ценам ниже рыночных. Маркитанты пользовались данным им горно-заводским начальством правом первоочередной закупки продукции животноводства, пчеловодства, а затем перепродавали ее заводам и рудникам. Маркитант-

ский промысел для приписных крестьян давал возможность сбывать продукцию своего труда, не тратя средства на поездку на ярмарку, и получать дополнительный доход. Связь же маркитантов с горнозаводским начальством тормозила развитие свободной торговли. В 1811 г. томские маркитанты, закупавшие скот в пределах Колывано-Воскресенского горного округа для губернского города, пожаловались, что некоторые из крестьян заводского ведомства занимаются перекупкой скота, чрезмерно завышая цены. Канцелярия горного начальства дала указание земским управителям, чтобы они запретили «из-за корыстолюбия» завышать перекупщикам цены на рогатый скот⁹⁴.

Если для самих приписных крестьян был допустим любой торговый партнер, который приносил дополнительный доход и по возможности избавлял от дополнительных хлопот по продаже, то Кабинету и заводской администрации было совсем небезразлично, кому крестьяне сбывают свою продукцию. Главной задачей администрации было не допустить вывоз хлеба, зерна, крупы за пределы округа, что могло негативно отразиться на снабжении этими продуктами заводов и рудников. Можно с уверенностью утверждать, что товаризация крестьянского хозяйства алтайской приписной деревни начиналась со скотоводства. Здесь существовали меньшие ограничения по продаже. В документах, относящихся ко второй четверти XIX в., указов, ограничивающих торговлю скотом и продуктами скотоводства, не встречается. Лошади, продукты скотоводства продавались в губернский г. Томск, на Московском тракте, Иртышской линии, перегонялись в Пермскую и Казанскую губернии. Продукты животноводства, особенно кожи и сало, вывозились на Ирбитскую ярмарку, через г. Томск в Восточную Сибирь. Спрос на скот и продукцию животноводства предъявляла и частная золотопромышленность Томского уезда и Енисейской губернии.

Если товарным земледелием могли преимущественно заниматься зажиточные хозяйства, то поставщиками продукции животноводства и скота были и средние хозяйства. Для них реализация скота, сала, кож давала возможность поддерживать традиционное земледельческое хозяйство.

Быструю отдачу приписные крестьяне получали и от занятий пчеловодством, охотой, рыболовством. Продукция этих отраслей всегда пользовалась спросом. Мед и воск продавались не только на местных рынках и окружных ярмарках, но и «нарочно приезжающим торговцам» и шли «в Иркутскую и другие губернии» ⁹⁵. «Крестьяне, занимающиеся сим промыслом (рыболовством), развозят рыбу по всем местам горного

ведомства и продают... нарочно приезжающим торговцам, которые отвозят оную даже в Пермскую губернию» ^{96} .

Доходность же разных отраслей в разные годы была неодинаковой. В 1824 г. из 202260 р. денежных доходов приписной деревни 104644 р. было получено от продажи звериных шкур (соболя, белки, лисы) и мерлушки, в то время продажа хлеба дала лишь 42427 р. В 1832 г. общий денежный доход алтайских приписных крестьян составил около 800 тыс. р., из них самый большой процент приходился на продажу продукции земледелия (около 265000 р.) Резкое увеличение доходов связано с возрастающими потребностями крестьянского хозяйства в деньгах для производства платежей.

Таким образом, в первой половине XIX в. неземледельческие занятия играли хоть и подсобную, но достаточно весомую роль в хозяйстве алтайских приписных крестьян.

Необходимость искать дополнительный доход для сохранения своего хозяйства (выплата различных податей, налогов, кредитования основных отраслей, найм) заставила приписных крестьян активнее включиться в занятие торговлей.

Приписное положение стимулировало развитие подсобных занятий. Они давали дополнительный доход, который позволял жителям приписной деревни выплачивать денежные повинности, а также заменять натуральные повинности денежными. Неземледельческие занятия могли приносить ощутимый дополнительный доход, поэтому занятость в них являлась закономерной и необходимой. В свою очередь, крестьяне своими действиями (увеличение расценок за найм, повышение цен на продаваемую продукцию) вынуждали власть считаться с ними и идти на некоторые уступки.

ПРИМЕЧАНИЯ

 $^{^1}$ Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 113.

² Tam we

³ *Потанин Г.Н.* Полгода в Алтае // Русское слово. СПб., 1859. Вып. 9. С. 256.

⁴ Там же. С. 257.

 $^{^5}$ Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.В. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 121.

⁶ *Потанин Г.Н.* Указ. соч. Вып. 12. С. 70.

 $^{^7}$ Малых А.А. Ремесленные и промысловые занятия крестьян государственной деревни Западной Сибири (40-е гг. XIX в.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1982. Вып. 11. С. 61.

 $^{^8}$ *Кулибин А.И.* Описание Колывано-Воскресенских заводов по 1833 г. // Горный журнал. СПб., 1836. Ч. 1, кн. 1. С. 179.

- ⁹ Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае (XVIII начало XIX B.). M., 1996. C. 151.
  - ¹⁰ ЦХАФ АК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 89. Л. 87 об.
- 11 Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению при Сибирском комитете. СПб.. 1854. Ч. 2. С. 34.
  - ¹² Потанин Г.Н. Указ. соч. Вып. 9. С. 101.
  - ¹³ Небольсин П.И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 200.
  - ¹⁴ ГАТО. Ф. 60. ОП. 1. Л. 23. Л. 412.
- 15 Денисов А. Сибирская солепромышленность // Памятная книжка Тобольской губернии на 1861 и 1862 г. Тобольск, 1861. С. 186.
  - ¹⁶ Там же. С. 185.
  - ¹⁷ Там же.
  - ¹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Л. 657 Л. 22–23.
  - ¹⁹ Там же. Оп. 18. Д. 408. Л. 8.
  - ²⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 151. Л. 32 об.
  - ²¹ Там же. Л. 31 об.
- ²² *Школдин П.* Хозяйственно-статистическое описание Бурлинской волости // Журнал заседаний Императорского московского общества сельского хозяйства. М., 1863. Кн. 1. С. 50. ²³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 123. Л. 30 об.

  - ²⁴ Там же. Л. 31 об.
  - ²⁵ Липинская В.А. Указ. соч. С. 154.
  - ²⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 208. Л. 17 об.
  - ²⁷ Там же. Д. 211. Л. 8 об.
  - ²⁸ Там же. Д. 9. Л. 1 об.
  - ²⁹ ЦХАФ АК. Ф. 2 Оп. 1. Д. 3226. Л. 1 об.
- 30 Русаков К.В. Движение населения и хозяйственное освоение Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1795-1861 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1987. С. 105.
  - ³¹ Русаков К.В. Указ. соч. С. 112.
- ³² *Жеравина А.Н.* Крестьянские промыслы на Алтае // Вопросы истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 9. С. 83.
  - ³³ Русаков К.В. Указ. соч. С. 110.
  - ³⁴ Потанин Г.Н. Указ. соч. С. 101.
  - ³⁵ Ледебур К.Ф. Указ соч. С. 36.
  - ³⁶ Твм же. С. 47.
- 37 Волчек В.А. Об экономическом положении приписной деревни Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в конце XVIII - первой половине XIX в. Кемерово, 1992. С. 81.
- ³⁸ Лукичев С.С. Состояние основных отраслей сельского хозяйства в Алтайском горном округе в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига, 1964. С. 388.
  - ³⁹ Ледебур К.Ф. Указ соч. С. 134.
  - ⁴⁰ *Небольсин П.И.* Указ. соч. С. 200.
- 41 Шпалтаков В.П. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX в. Омск, 1997. С. 48.

- ^{42} Сафьянова А.В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 99.
- ⁴³ История Алтая в документах и материалах. Конец XVIII начало XX в. Барнаул, 1991. С. 103–104.
  - ^{44} Небольсин П.И. Указ. соч. С. 200.
  - ⁴⁵ РГИА. Ф. 18. Оп. 468. Д. 454. Л. 7.
  - ⁴⁶ Потанин Г.Н. Указ. соч. Вып. 9. С. 258.
- ^{47} Липинская В.А. Гончарство русских женщин Алтайского края // Полевые исследования института этнографии. М., 1980. С. 39.
  - ⁴⁸ Школдин П. Указ. соч. С. 40.
  - ⁴⁹ Кулибин А.И. Указ. соч. С. 180.
  - ⁵⁰ Русаков К.В. Указ. соч. С. 107.
- ⁵¹ Мамсик Т.С. Кайлинская волость: опыт изучения социально-экономической структуры приписной деревни по материалам окладных книг 1850 гг. // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII начало XX в.). Новосибирск, 1972. С. 68.
- ⁵² Мамсик Т.С. Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам Окладных книг 1857 г. Новосибирск, 2001. С. 57.
  - ⁵³ Русаков К.В. Указ. соч. С. 109.
  - ⁵⁴ Кулибин А.И. Указ. соч. С. 178.
  - ⁵⁵ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1282. Л. 4.
  - ⁵⁶ Потанин Г.Н. Указ. соч. Вып. 12.С. 73.
- ^{57} Кузьмина Ф.С. Извозный промысел сибирских крестьян в 20–30-е гг. XIX в. // Крестьянство Сибири эпохи феодализма и капитализма. Новосибирск, 1981. С. 29.
  - ⁵⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 444. Л. 2 об.
- ^{59} *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860-х гг. Новосибирск, 1963. С. 153.
  - ⁶⁰ ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.8334. Л. 6 об, 7.
  - ⁶¹ Там же. Д. 8394. Л. 5–40, 74 об. 135.
  - 62 Волчек В.А. Указ. соч. С. 108.
  - ^{63} Небольсин П.И. Указ. соч. С. 200.
  - ⁶⁴ Ледебур К.Ф. Указ. соч. С. 26, 89.
  - 65 *Небольсин П.И.* Указ. соч. С. 110.
  - ⁶⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 151. Л. 28.
  - 67 Лукичев С.С. Состояние основных отраслей... С. 385.
  - ⁶⁸ Кулибин А.И. Указ соч. С. 178.
- ⁶⁹ Лукичев С.С. Заводская барщина приписных крестьян в предреформенный период XIX в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4. С. 105–107.
  - ⁷⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 454. Л. 2–2 об.
  - ⁷¹ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1282. Л. 5.
  - ⁷² Там же. Д. 1431. Л. 1–1 об.
  - 73 Там же. Д. 8718 (не обработанное дело без указания листов).
  - ⁷⁴ История Алтая в документах... С. 93–94.
- ⁷⁵ Жеравина А.Н. Очерки истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 33.
  - ⁷⁶ Карпенко З.Г. Указ. соч. С. 153.
  - ⁷⁷ *Жеравина А.Н.* Очерки... С. 86.
  - ⁷⁸ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Л. 8934. Л. 8–8 об.

- ⁷⁹ Гагемейстер Ю.А. Указ соч. С. 394–395.
- ⁸⁰ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1282. Л. 5 об.
- 81 Мамсик Т.С. Западно-сибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам Окладных книг 1827 г. Новосибирск. 1998. C. 69.
- . 82 Агапова Т.И. Итоги и залачи изучения истории промышленности Сибири // Итоги и задачи изучения истории Сибири. Новосибирск, 1971. С. 58.
  - ⁸³ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8212. Л. 2–2 об.
  - ⁸⁴ Там же. Л. 6–7.
- 85 Жидков Г.П. Экономика кабинетской деревни Западной Сибири накануне реформы (К вопросу о соотношении динамики феодальной эксплуатации и производительных сил крестьянского хозяйства) // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVIII–XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 219.
  - ⁸⁶ Волчек А.В. Указ. соч. С. 106.
  - ⁸⁷ *Русаков К.В.* Движение населения...С. 114.
- 88 Лукичев С.С. О поставках приписными крестьянами Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа провианта и фуража для заводов и рудников // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 37.
  - ⁸⁹ Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. С. 177.
- 90 Шеглова Т.К. Ярмарки юга Запалной Сибири в XIX начале XX в. Барнаул. 2001. С. 89.

  91 Цит. по кн.: *Щеглова Т.К.* Указ. соч. С. 87.

  - ⁹² Потанин Г.Н. Указ. соч. Вып. 9. С. 256.
  - ⁹³ *Щеглова Т.К.* Указ. соч. С. 90.
- ⁹⁴ Лукичев С.С. Скотоводство в приписной деревне Западной Сибири в дореформенный период XIX в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1982. Вып. 11. Из истории крестьянства Сибири. С. 50.
  - ⁹⁵ Кулибин А.И. Указ. соч. С. 178.
  - ⁹⁶ Там же. С. 180.
- ^{97} Жидков Г.П. Особенности заселения и сельскохозяйственного освоения кабинетских земель на Алтае и в Забайкалье (до реформы 1861 г.) // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 332.
  - ⁹⁸ Кулибин А.И. Указ. соч. С. 176–180.

ВНУТРЕННИЙ СТРОЙ ХОЗЯЙСТВА КАБИНЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Современное состояние проблемы развития крестьянского хозяйства на кабинетских землях в конце XIX – начале XX в.

При изучении внутреннего строя кабинетского крестьянского хозяйства Западной Сибири конца XIX – начала XX в. в поле внимания исследователя неизбежно попадает проблема соотношения рынка и крестьянского хозяйства как главных пружин социально-экономического развития края. В социокультурном плане это вопрос о соотношении в крестьянском хозяйстве традиционной и товарной форм хозяйствования.

Одним из основных аспектов проблемы является вопрос о степени влияния рыночных отношений на функционирование и развитие крестьянского хозяйства региона в начале XX в. Для его решения сибиреведами было сделано очень многое¹. В частности, достаточно полно освещена роль товарно-денежных отношений, аренды и найма в хозяйственной деятельности зажиточного крестьянина. Его хозяйство вполне резонно отнесено к предпринимательскому типу. Вместе с тем рыночная деятельность середняка и бедняка была изучена хуже. Не была определена степень её воздействия на функционирование их хозяйств. Нет взвешенной оценки влияния рынка и на состоятельное крестьянское хозяйство. В общем проблема соотношения и воздействия на развитие крестьянского хозяйства края традиционной и товарно-денежной форм хозяйствования требует дальнейшего изучения.

Среди причин такого состояния проблемы, прежде всего, необходимо отметить несовершенство методологических подходов к её разработке, чрезвычайную узость источниковой базы и слабость применявшейся статистико-описательной методики. Что касается бытовавшего в советской сибиреведческой литературе подхода, то его несовершенство заключалось в слишком упрощённом, механистическом определении рыночного типа хозяйствования. К рыночному типу историкиаграрники относили только те хозяйства, в которых денежные расходы и доходы в бюджете составляли не менее 50 %. Реально же в их распоряжении имелись лишь непредставительные данные выборочных бюджетных обследований, по которым стоимостная часть хозяйственного бюджета у сибирских крестьян, включая самых богатых, никогда не превышала 40–45%². В результате исследователи, не имея надлежащей источниковой базы, попадали в тупик. В аналогичном положении ока-

залось изучение важнейших сторон хозяйствования — аренды и найма. Единственно возможный выход из сложившейся ситуации состоит в учёте реальной, системной природы крестьянского хозяйства, соответствующем переосмыслении подходов к нему, опоре на представительные массовые источники и более эффективные методики обработки и анализа их ланных.

В настоящее время аграрная история России идёт именно по этому пути³. В ней утвердился системный социокультурный подход. Он требует рассматривать крестьянское хозяйство как целостную систему, а сам процесс его эволюции – как результат развития и взаимодействия составляющих его традиционной и товарно-денежной форм хозяйственной культуры. В прежней марксистской трактовке, которая господствовала в советской аграрной истории, исследуемый процесс понимался линейно – как разрушение патриархального уклада и его перерастание в товарно-капиталистическое производство. Это была явно упрощённая и искусственная схема. В действительности крестьянское хозяйство России и Сибири начала XX в. развивалось как устойчивая культурная система, представляя собой процесс взаимодействия постоянно воспроизводившейся традиционной культуры и новой системы товарноденежных отношений. Ведущая роль в этом процессе, безусловно, принадлежала активной и динамичной рыночной культуре хозяйствования, включавшей в себя использование аренды и наёмного труда. Поэтому в центре данной главы, посвященной оценке внутреннего социальноэкономического строя кабинетского крестьянского хозяйства начала XX в., оказалось изучение найма, аренды и сложившейся системы товарно-денежных отношений.

Крестьянское хозяйство было социально-экономической и культурной системой с присущей ей структурной и функциональной целостностью. Поэтому его следует изучать целостно-системно, как структуру взаимосвязей между существенными элементами. По мере вовлечения в буржуазные, рыночные отношения и развития по этому пути, крестьянское предприятие все более подчинялось объективным закономерностям товарно-капиталистического производства и рынка в лице закона стоимости и конкуренции. В результате формировалась все более тесная сбалансированность между главными компонентами производственнотехнической базы хозяйства (посев, лошади, коровы и др.) и устанавливался определенный рыночный тип производственного строя⁴. И чем сильнее была взаимосогласованность в изменениях производственнотехнических элементов, тем сильнее вовлечённость крестьянского двора в рыночные отношения.

Чтобы осуществить целостный подход к анализу крестьянского хозяйства, необходимо математически смоделировать его производственную структуру. С этой ролью прекрасно справляется корреляционная методика моделирования, основанная на парных линейных коэффициентах корреляции⁵. Среди значений коэффициента следует выделить как очень тесные величины от 0,6 до 1,0. Именно они говорят о преобладании или решающей роли в воздействии на систему какого-либо фактора.

В качестве источниковой основы были избраны подворные материалы всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии, которые охватывают две трети крестьянских хозяйств Западной Сибири. Сохранились примерно 250–350 тысяч подворных карточек, что составляет 35–50% от генеральной совокупности в 680000 единиц⁶. Программа обследования отразила практически все стороны крестьянского хозяйства: население, семейную и наёмную рабочую силу, землепользование, посевы, рабочий и продуктивный скот. Поэтому его данные вполне позволяют изучить внутренний производственно-экономический строй западно-сибирской деревни начала XX в.

Из совокупности имеющихся подворных карточек были сделаны две типические выборки волостей зерновой и молочной, животноводческой специализаций⁷. В качестве типических критериев были взяты средние подворные данные по посевам, рабочим лошадям, молочным коровам, семейным работникам, плугам, усовершенствованному инвентарю, мельницам и маслодельческим заведениям. Учитывались и природные условия. Затем из типических специализированных волостей (по 6 тыс. дворов) для обработки на ЭВМ были осуществлены две случайные выборки примерно по 400 дворов.

Попавшие в эти выборки крестьянские хозяйства обоих типов были разделены на 5 групп (основные и переходные). Земледельческие дворы: І группа – беспосевные; ІІ – с посевом до 5 дес.; ІІІ – с посевом от 5 до 10 дес.; ІV – с посевом от 10 до 15 дес. и V – с посевом более 15 дес. Животноводческие хозяйства: І группа – бескоровные; ІІ – с 1–2 коровами; ІІІ – с 3–4 коровами; ІV – с 5–6 коровами; V – с 7 и более коровами. Некоторые отличия этих группировок от общепринятых связаны с рыночными специализациями выборок⁸. Средние подушевые размеры хозяйства в каждой из выделенных групп показаны в табл. 4 и 5. Из них, в частности, видно, что животноводческая выборка оказалась менее однородной, чем зерновая.

Таблица 4 Обеспеченность основными средствами производства и рабочей силой хозяйств зерновой специализации

**F								
П	Гр	D						
Показатели на душу	I	II	III	IV	V	В целом		
	0	0,1-5	5,1-10	10,1-15,0	Св. 15			
Семейные работники	0,53	0,53	0,46	0,53	0,51	0,51		
Наем. раб. (год.,	0,005	0,01	0,02	0,03	0,09	0,02		
срок)								
Тягловый скот	0,25	0,5	0,75	0,9	1,0	0,7		
Коровы	0,3	0,4	0,45	0,5	0,6	0,45		
Продуктивный скот	0,5	0,6	0,7	0,8	1,0	0,7		
Посев на своей земле	0	0,7	1,5	2,1	3,3	1,4		
(дес.)								
Посев на арендован-	0	0,1	0,1	0,2	0,4	0,2		
ной пашне								
Весь посев	0	0,8	1,6	2,3	3,7	1,6		
Размер семьи	3,7	3,9	5,4	6,0	7,3	5,1		
Дворов в группе	43	141	123	53	62	422		

Таблица 5 Обеспеченность основными средствами производства и рабочей силой хозяйств животноводческой специализации

		_				
Показатели на душу	I	II	III	IV	V	В целом
	0	1-2	3–4	5–6	7 и св.	
Семейные работники	0,48	0,42	0,42	0,49	0,46	0,44
Наем. раб. (год., срок)	0	0,01	0,03	0,05	0,09	0,03
Тягловый скот	0,3	0,45	0,6	0,8	0,9	0,6
Коровы	0	0,4	0,7	1,2	1,6	0,7
Продуктивный скот	0,1	0,6	1,0	1,6	2,2	1,1
Посев на своей земле	0,2	0,5	0,7	1,2	1,3	0,75
(дес.)						
Посев на арендованной	0,1	0,05	0,15	0,1	0,2	0,1
пашне						
Весь посев	0,3	0,55	0,85	1,3	1,5	0,85
Размер семьи	4,6	5,0	5,6	5,7	7,4	5,6
Дворов в группе	32	145	99	64	57	397

Отобранные по рыночной специализации хозяйства были подвергнуты корреляционному и регрессионно-факторному анализу.

Обратимся к результатам корреляционной обработки подворных данных переписи. Первоначально рассмотрим самые существенные стороны товарно-денежной системы хозяйствования: аренду и наем.

Социально-экономическая природа аренды в кабинетской деревне начала XX в.

В комплексе вопросов аграрной эволюции Сибири конца XIX – начала XX в. важное место занимает вопрос о социально-экономической природе аренды в крестьянском хозяйстве. Он один из ключевых в оценке роли товарно-денежной системы хозяйствования и поэтому достаточно широко и серьезно изучался историками-аграрниками⁹.

В результате у них сложились две точки зрения на проблему. Согласно первой из них, в сибирской государственной и кабинетской деревне кануна 1917 г. преобладал мелкотоварный уклад и, следовательно, господствовала продовольственная аренда. Ведущее место она занимала и в кулацком хозяйстве, сделавшем ставку на торговлю и ростовщичество. Большинство исследователей, однако, констатируя, что в сельскохозяйственном производстве края господствовало хозяйство зажиточного крестьянина, квалифицируют его арендную деятельность как предпринимательски-капиталистическую.

Что касается первой точки зрения, то она, несомненно, страдает «теоретическим» подходом: характер аренды определяется типом господствующего в крестьянском хозяйстве мелкотоварного уклада, природа которого (она может быть феодальной, полуфеодальной или мелкобуржуазной) в данной концепции четко и доказательно не квалифицирована. Теоретико-схоластические подходы в какой-то мере присущи и сторонникам другой концепции: некоторые из них видят предпринимательский характер зажиточной аренды, основываясь на априорном тезисе о преобладании в крупном крестьянском хозяйстве края капиталистического способа производства. Но все же «солью» концепции стали представительные массовые данные о предпринимательских мотивах и факторах в арендной и производственной деятельности состоятельных крестьян. К ним, прежде всего, следует отнести расширяющиеся масштабы товарного производства, введение элементов интенсивных систем земледелия, применения усовершенствованного инвентаря и сельскохозяйственных машин и широкое использование труда наемных работников. Отдельные исследователи вводили и количественные критерии капиталистической аренды¹⁰. Однако для исчерпывающего решения проблемы всего этого оказалось недостаточно, поскольку - и это главное - не были учтены роль непроизводственных, потребительских факторов зажиточной аренды и их соотношение с предпринимательскими мотивами, что в значительной степени обусловливалось отсутствием в арсенале аграрников необходимых методов.

Таким образом, дальнейшая разработка избранной проблемы должна заключаться, во-первых, в целостном подходе к изучению крестьянской аренды и, во-вторых, в точном измерении соотношения в ней производственных и потребительских факторов, построенном на эффективной методике. В итоге это дает более достоверные и доказательные средства для оценки глубины буржуазной эволюции крестьянского хозяйства края.

Аренда, как и любой другой элемент хозяйственной системы, имела два качества: свое собственное, присущее аренде вообще, и системное, отражавшее природу крестьянского хозяйства в целом. Поэтому ее общественно-хозяйственный характер определялся типом социально-экономического строя хозяйства. Следовательно, рассмотрев структуру взаимосвязей аренды с другими компонентами экономики крестьянского двора и измерив в случае надобности соотношение воздействовавших на нее причин (факторов), можно выявить ее общественно-экономическую сущность и далее определить социальную и культурную природу исследуемого типа крестьянского хозяйства¹¹.

Чтобы правильно и четко интерпретировать полученные корреляционные модели аренды, необходимо уточнить сущностно-содержательные представления об арендных отношениях в дореволюционной сибирской деревне.

выражала собой процесс отделения земли, как условия Аренда сельскохозяйственного производства, от земельной собственности и подчинения ее капиталистическому производству¹² и, следовательно, являлась формой буржуазной мобилизации земли. Она вызывалась потребностями товарно-капиталистического производства, функционировавшего в условиях развитой земельной собственности и формирования монополии на землю как на объект хозяйства. В Западной Сибири конца XIX – начала XX в. названные обстоятельства определенно сложились: здесь существовала достаточно развитая собственность на землю Казны и Кабинета и происходил процесс становления хозяйственной монополии на землю, обусловленный развитием товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве региона, что привело к возникновению относительной земельной тесноты. В результате стала развиваться аренда земли. В западно-сибирской кабинетской деревне господствовала денежная форма аренды. Издольщина была распространена слабо¹³.

В условиях господства товарно-денежных отношений в качестве арендатора мог выступать любой владелец денег (капитала) независимо от их количества. Это общее условие выражало необходимость поддерживать товарное производство на уровне общественно необходимых

рыночных требований¹⁴. Сама же природа данных потребностей в разных социальных типах обусловливалась целью ведущегося в данном хозяйстве товарного производства. Собственно капиталистическое или предпринимательское по тенденции хозяйство, функционировавшее на расширенной основе, имело целью извлечение прибавочной стоимости в форме прибыли. Поэтому аренда в нем приобретала предпринимательский (коммерческий) характер. В потребительском мелкотоварном крестьянском хозяйстве аренда осуществлялась с целью производства необходимого продукта, в связи с чем она носила продовольственный характер.

Итак, в основе коммерческой аренды лежали потребности ведущегося в расширяющемся масштабе предпринимательского земледельческого хозяйства. Поэтому ее уровень и размеры определялись уровнем и размерами экономической мощности двора. Размер аренды однозначно возрастает по мере большего обеспечения крестьян: чем обеспеченнее крестьянин своею землей, тем больше ее он арендует. Следовательно, сущности предпринимательской аренды соответствует такая корреляционная модель, в которой аренда имеет устойчивые прямые взаимосвязи с основными элементами производственно-технической базы (рабочим и продуктивным скотом, инвентарем и т.д.) и наймом.

Аренда с продовольственной целью вызывалась нехваткой своей земли. В этом случае в корреляционной модели аренды должна присутствовать и доминировать обратная (отрицательная) взаимозависимость между посевом на арендованной пашне и посевом на собственной земле. Взаимосвязь аренды с рабочим скотом и мертвым инвентарем не исключается, так как снимать землю могли преимущественно сельские хозяева, хоть в какой-то степени обеспеченные производственнотехническими ресурсами.

Полученные содержательные (теоретические) модели предпринимательской и продовольственной аренды будут ориентиром в дальнейшем анализе реальных арендных отношений, сложившихся в кабинетской деревне Западной Сибири накануне 1917 г. С этой целью обратимся к результатам корреляционного анализа аренды в различных социальных группах крестьянского хозяйства региона, осуществленного на основе отобранных подворных данных сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии (табл. 6).

Таблица 6 Взаимосвязи арендованного посева на душу с другими показателями крестьянского хозяйства зерновой специализации (коэффициент 0,...)

	Группы хозяйств с посевом (дес.)					
Показатели	II	III	IV	V	В целом	
Тяглового скота	-17	12	39	28	25	
Посева на надельной пашне	-38	-38	-20	15	3	
Посева на всей пашне	-8	27	42	43	46	
Наемных работников	0	-4	36	44	46	
Доля наемных рабочих	4	3	34	45	56	
Надельного посева на двор	-50	-68	-73	-34	5	
Арендованного посева на двор	94	87	96	95	93	
Доля арендованного посева	9	9	97	89	73	
Тяглового скота на семейного						
работника	-14	-5	28	42	44	
Всего посева на семейного ра-						
ботника	0	-1	30	46	45	
Посева на голову взрослого про-						
дуктивного скота	10	-1	0	32	21	
Семейных рабочих на десятину						
посева	10	-4	-25	-36	-10	
Уровень значимости ¹⁵	14	15	23	21	14	

Среди корреляционных коэффициентов аренды в крестьянских хозяйствах зерновой рыночной специализации сразу же привлекают внимание те, которые характеризуют направление и тесноту взаимосвязей между посевом на арендованной пашне и посевом на надельной земле в хозяйствах бедняков (II группа) и середняков (III группа). Согласно им в данных группах выделенная взаимосвязь была обратной и очень тесной (–0,50; –0,68; –0,73). Это, безусловно, свидетельствует о единой потребительской природе аренды в бедняцких и середняцких дворах.

Однако общий продовольственный характер аренды в хозяйствах рассмотренных социальных групп кабинетского крестьянства не означает, что в ней не было различий. Сущность этих различий в разной силе проявления предпринимательских черт. Так, в полупролетарской, второй и собственно середняцкой третьей группах совершенно отсутствуют какие-либо моменты, указывающие на предпринимательство в арендных отношениях: взаимосвязи арендованного посева на душу с рабочим скотом и уровнем обеспеченности нанятыми работниками здесь либо не значимы, либо весьма слабы. Более того, в группе с посевом до 5 десятин взаимосвязь между тягловым скотом и посевом на арендованной пашне имеет отрицательное значение (—0,17). Это указывает на абсолютно вынужденный, «голодный» характер аренды в низванение

шей группе крестьянства, когда к съемке пашни под посев прибегали, даже не располагая в должной мере рабочими лошадьми и инвентарем. Поэтому такой аренде земли сопутствовали наем «работника с конем» и аренда производственного инвентаря.

Наличие слабой обратной сопряженности между рабочим скотом на душу и арендованным посевом на душу во второй группе свидетельствует также о том, что полупролетарии, не имея денежных доходов от своего хозяйства, были вынуждены вкладывать в аренду деньги, полученные от внеземледельческих промыслов и продажи собственной рабочей силы. Этому есть и прямые доказательства, полученные в результате факторно-регрессионной обработки сведений переписи. Согласно им в малопосевной группе доля вариации результативного признака «посев на арендованной пашне», объясненная внутрихозяйственными факторами (доходами от своего хозяйства), не превышала 35% 16. Из этого вполне очевидно следует, что деньги на оплату аренды пашни под посев бедняки брали главным образом из доходов от промыслов и заработков.

Отдельные черты предпринимательской тенденции возникали лишь в хозяйстве зажиточного середняка (IV группа — с посевом от 10 до 15 дес.). Именно здесь наблюдается наличие слабой корреляции арендованного посева с рабочим скотом на семейного работника (0,28), с количеством наемных работников на душу и с долей наемного труда (0,36 и 0,34). Однако в группе зажиточных середняков, как отмечалось, в аренде были достаточно сильны и потребительские черты. Свидетельствует об этом довольно тесная обратная связь (—0,73) между арендой и посевом на надельной пашне. Из сопоставления силы предпринимательских и потребительских взаимосвязей вполне очевиден вывод о том, что у зажиточных середняков, несмотря на наличие серьезной предпринимательской тенденции, в целом аренда была потребительской, так как ее размеры в основном (более чем на 50%) определялись нехваткой, имевшей продовольственное значение надельной земли.

При изучении арендных отношений в крестьянском хозяйстве наибольшую сложность представляет оценка социально-экономической природы аренды в зажиточной группе (с посевом более 15 дес.). Связано это, прежде всего, с присутствием в ней черт как предпринимательской, так и продовольственной аренды, соотношение которых обычными методиками не улавливается. «Мистический», переходный характер зажиточной аренды хорошо выявляется путем простого сопоставления средних душевых показателей по состоятельной группе в целом и по выделенным из нее арендующим дворам (табл. 7). Из сравнения видно,

что арендующие хозяйства имеют больше посевов и менее населены, а с другой стороны, имеют меньше людей и, самое главное, очень слабо обеспечены надельной землей. Какие факторы — производственные или потребительские — сильнее, определить, разумеется, невозможно.

Таблица 7 Средняя душевая обеспеченность тягловым скотом и посевами зажиточных хозяйств

	Зажиточные дворы				
Показатели	В целом	С арендой			
Количество дворов	62	11			
Население двора	8,7	7,9			
На душу:					
тяглового скота	0,82	0,77			
своего посева (дес.)	2,8	1,9			
арендованного посева	0,2	1,3			
Всего посева	3,0	3,2			

Переходный характер аренды в зажиточном крестьянском хозяйстве значительно четче и детальней просматривается из результатов структурного, корреляционного анализа (см. табл. 6). В самом деле, во внутреннем строе хозяйства сельского буржуа наблюдается самое рельефное проявление взаимообусловленности между посевом на арендованной пашне и показателями производственной мощности хозяйства. Так, арендованный посев на душу довольно тесно связан с количеством рабочих лошадей на душу (0,28), посевом на всей земле (0,43) и с показателями капиталовооруженности двора – количеством рабочих лошадей и посева в расчете на семейного работника (0,42 и 0,46). Самое же важное – наличие тесной взаимосвязи аренды с числом наемных работников на душу и долей наемного труда (0,44 и 0,45). В то же время арендованный посев имеет устойчивую обратную взаимосогласованность с посевом на своей (надельной) пашне в расчете на душу (–0,34).

Ни один из предпринимательских и потребительских факторов не оказывал на уровень аренды определяющего воздействия: уровень корреляции во всех случаях ниже 0,5. Поэтому, учитывая взаимную переплетённость факторных признаков, оценить, какие из них (предпринимательские или продовольственные) преобладали, по итогам корреляционного исследования невозможно. Для этого следует обратиться к факторному методу множественного регрессионного анализа. Его результаты отображены в табл. 8 и 9 в виде регрессионных моделей размеров и уровня посева на арендованной пашне.

Таблица 8 Зависимость размеров аренды (арендованного посева на двор) от различных факторов в хозяйстве зажиточного крестьянина

Факторные признаки	Удельный вес факторов, %
Рабочего скота на хозяйство	26,2
Семейных рабочих на хозяйство	22,6
Всего посева на семейного работника	20,9
Собственного посева на хозяйство	14,6
Суммарная роль учтенных факторов	86,2
Роль неучтенных факторов	13,8

Таблица 9 Зависимость уровня аренды (арендованного посева на душу) от размеров факторов в хозяйстве зажиточного крестьянства

Факторные признаки	Удельный вес факторов, %
Рабочего скота на хозяйство	34,1
Рабочего скота на семейного работника	18,3
Посева на голову продуктивного скота	15,4
Посева на голову тяглового скота	8,4
Собственного посева на хозяйство	9,1
Суммарная роль учтенных факторов	<u>85,3</u>
Роль неучтенных факторов	14,7

Как видно из таблиц, аренда оплачивалась из денежных доходов от собственной хозяйственной деятельности. Свидетельствует об этом тот факт, что размеры и уровень аренды практически целиком (на 86,2 и 85,3%) определялись внутрихозяйственными факторами. Сразу же следует сказать, что роль потребительских черт (показатель «собственный посев на хозяйство» и определенная доля воздействия фактора «семейных рабочих на двор» была в общем невелика: 25,9% для модели размеров аренды и 9,1% для модели ее уровня. Понятно и почему выше значение потребительских моментов в воздействии именно на подворные размеры аренды. Это результат абсолютной нехватки своей земли, низкой ее душевой обеспеченности у части арендующих зажиточных дворов.

Преобладающее значение в воздействии на размеры и уровень аренды имели чисто производственные причины. Главную роль среди них, как об этом свидетельствуют данные табл. 8 и 9, играли размеры производственно-технической базы хозяйства, представленной показателем количества рабочих лошадей на двор (26,2 и 34,1%). Из других факторов для их характеристики необходимо обратиться к более подробной в плане показа производственно-экономических причин факторной модели аренды (см. табл. 9) — модели подушевой аренды. Во-

первых, это показатель капиталовооруженности и производительности труда — «рабочих лошадей на семейного работника» (18,3%) и родственный ему показатель «посева на голову тяглового скота», который можно интерпретировать как фактор оснащенности хозяйства усовершенствованным «мертвым» инвентарем (8,4%), и, во-вторых, фактор степени рыночной специализации хозяйства — «посева на голову продуктивного скота» (15,4%). В плане характеристики роли производственных факторов интересно и значение признака «семейных рабочих на двор» в первой модели. Действительно, факт, связанный с тем, что среди денежных доходов, шедших на увеличение абсолютных размеров аренды, доля семейного труда не имела решающей роли (22,6%), показывает определяющее значение в хозяйственных доходах и расходах овеществленного труда: хозяйственных построек, усовершенствованного и простого инвентаря, затрат на совершенствование системы земледелия и т.д. (см. табл. 8).

Таким образом, различия в размерах и уровне аренды в зажиточной группе определялись прежде всего факторами производственно-экономической мощности хозяйства. Говоря шире, уровень и размер аренды определялись величиной общих затрат капитала, включая затраты на рабочую силу. Это неоспоримо свидетельствует о том, что в хозяйстве зажиточного западно-сибирского крестьянина начала XX в. аренда при наличии как потребительских, так и предпринимательских черт в целом имела четко выраженную предпринимательскую природу.

Вместе с тем следует констатировать, что предпринимательство в аренде было в тот период всего лишь преобладающей социально-экономической тенденцией, господствующим направлением ее развития. Указывает на это все еще относительно низкий уровень корреляции аренды с наймом и производственно-техническими показателями: тягловым скотом и посевом в расчете на работника, десятину посева и голову продуктивного скота (0,4—0,5), а также наличие в ней заметно выраженных потребительских качеств. Кроме того, социальный анализ показал, что в зажиточном крестьянском хозяйстве в рассматриваемый период семейный труд все еще преобладал над наемным. Это – прямое свидетельство мелкого земледельческого типа предпринимательства в аренде.

Роль наёмного труда в крестьянском хозяйстве кабинетской деревни в начале XX в.

Использование наёмного труда – важнейшая черта формировавшейся в крестьянском хозяйстве края товарно-денежной культуры хозяйст-

вования. Поэтому наем достаточно полно и серьезно освещался в сибиреведческой литературе, обретя к настоящему времени черты концептуальной завершенности¹⁷.

Однако в этой почти отчетливой картине все еще слабо прорисованы аспекты, определяющие социально-экономическую природу найма в различных группах крестьянских хозяйств, а также место найма и его соотношение с семейным трудом в системе зажиточного крестьянского хозяйства. Попытка осветить эти вопросы в контексте анализа внутреннего строя крестьянского хозяйства региона и составила содержание данного раздела исследования.

Прежде чем обратиться к результатам корреляционного и факторного анализа избранных подворных данных, следует строго осмыслить сущностно-содержательные представления, раскрывающие место найма в системе хозяйства различных социальных групп крестьянства.

Применение наемного труда – признак и следствие глубокого развития товарно-денежных, капиталистических отношений, когда товаром становится даже рабочая сила. В этих условиях наемный труд используется не только на собственно капиталистических предприятиях, но и в массе мелких товарных хозяйств, включая различные типы крестьянского хозяйства. Обусловливалось это единой с крупным капиталистическим производством рыночной природой мелкотоварного хозяйства. Обладая ориентированным на рынок предприятием и получая среднюю прибыль, мелкий товаропроизводитель мог по мере необходимости осуществлять наем работников со стороны.

Будучи детерминированным общей товарно-капиталистической природой производства, использование труда наемных работников в различных по мощности типах крестьянского хозяйства приобретало неоднозначный характер. В хозяйствах, производивших прибавочный продукт, наем рабочих со стороны осуществлялся с целью получения прибыли, в связи с чем он приобретал предпринимательскую направленность.

В тех же крестьянских дворах, где получали ту или иную часть необходимого продукта и где для осуществления процесса воспроизводства было достаточно собственных трудовых ресурсов, наем вызывался лишь нехваткой семейных работников и принимал поэтому потребительскую форму «найма из нужды».

В общем количество нанимаемых работников определялось уровнем авансированного переменного капитала. Конкретно же масштабы найма обусловливались потребностями производительного капитала в необходимой для осуществления акта производства рабочей силе¹⁸. В хозяйстве предпринимательского типа эти потребности возникали из

расширенного воспроизводства, когда обнаруживалась и все более возрастала нехватка рабочих ресурсов. Она и возмещалась покупкой рабочей силы на стороне. Следовательно, здесь наем рабочих становился необходимым условием ведения расширенного хозяйства, в силу чего складывался особый тип хозяйствования. В низших группах, где, как уже отмечалось, преобладал основанный на труде семейных рабочих процесс простого воспроизводства, наем, хотя и обусловливался производственной необходимостью, из процесса функционирования хозяйства не вытекал и поэтому был относительно данной системы хозяйствования случайным.

Исходя из приведенных сущностно-содержательных соображений, можно предположить, что корреляционная модель предпринимательского найма должна включать в себя достаточно тесные взаимосвязи с производственно-техническими компонентами. Для найма из нужды должны быть характерны взаимосвязи с показателями, указывающими на недостаток семейных рабочих. Взаимозависимость же найма и элементов производственно-технической базы хозяйства должна отсутствовать или, учитывая общую связь между возможностью нанимать работников со стороны и хозяйственной состоятельностью, носить слабо выраженный характер.

В реальных крестьянских хозяйствах присутствовали и переплетались как черты предпринимательства, так и моменты потребительства. Касалась эта особенность и найма. Поэтому важно определить соотношение в найме предпринимательской и потребительской тенденций. В этом смысле особый интерес представляет изучение наемного труда в хозяйствах зажиточных крестьян, где его использование приобрело в изучаемый период довольно широкие масштабы. Обращение же к данным о взаимосвязях найма и производственных показателей в хозяйствах бедняков и середняков, в которых применение труда нанятых на стороне рабочих вполне определенно носило вынужденный характер, интересно прежде всего в плане проверки эффективности и адекватности применяемой методики.

Данные о наемном труде представлены группой показателей: количеством годовых и сроковых наемных рабочих в расчете на двор, на душу, на 1 дес. посева, а также долей наемных работников. Все они оказались очень тесно связанными друг с другом. Поэтому имеет смысл акцентировать внимание на одном из них. Самым существенным и информативным среди перечисленных показателей найма, несомненно, является доля наемного труда, рассчитанная в данном случае как отношение числа наемных работников к количеству работников семейных.

Сохраняя в себе все свойства других признаков найма, он к тому же указывает на масштабы использования наемного труда и содержит в себе информацию о соотношении семейных и наемных рабочих ресурсов.

Обратимся к результатам корреляционного и факторного анализа подворных материалов первой сельскохозяйственной переписи, прежде всего к данным табл. 10, где отражена система взаимосвязей между долей годовых и сроковых рабочих и производственно-техническими компонентами по зерновой специализации. Как видно из таблицы, во дворах бедняков и середняков (II и III группы) практически все взаимосвязи найма с указанными признаками либо незначимы, либо малозначимы. Так, например, с энерговооруженностью (рабочим скотом на работника) теснота связи во II группе 0,17; в III – 0,26. Это свидетельствует о потребительском характере найма в бедняцких и середняцких дворах 19. Предпринимательская тенденция в хозяйствах середняков проявлялась, но была чрезвычайно слабой.

Таблица 10 Взаимосвязи доли наемного труда с основными элементами крестьянского хозяйства зерновой специализации (коэффициенты 0,...)

	Группы х	Группы хозяйств с посевом на двор (дес.)						
Показатели	II	III	IV	V	В целом			
	0,1-5	5,1-10	10,1-15	Св. 15				
На хозяйство:								
населения	9	-4	-18	-13	14			
семейных рабочих	-3	-19	-37	-42	-6			
рабочего скота	16	11	16	31	48			
продуктивного скота	5	12	10	22	39			
(гол.)								
арендованного посева	9	-1	28	35	68			
всего посева (дес.)	9	-6	-17	24	42			
На душу:								
семейных рабочих	-6	-18	-23	-37	-20			
рабочего скота	5	6	24	37	28			
продуктивного скота	3	8	30	24	23			
арендованного посева	4	-3	34	45	36			
всего посева	2	-3	15	31	50			
На семейного работника:								
рабочего скота	17	26	63	78	63			
продуктивного скота	4	23	67	69	58			
посева	12	21	57	75	77			
Семейных рабочих:		•						
на гол. раб. скота	-6	-22	-35	-58	18			
на гол. прод. скота	-2	-19	-35	-34	-13			
на дес. посева	-6	-19	-38	-51	-17			
Уровень значимости	14	15	23	21	14			

В рассматриваемых группах привлекает внимание и другая особенность. Несмотря на явно вынужденный характер найма, взаимосвязь доли нанятых работников с собственными рабочими выражена слабо (III группа — 0,19) либо отсутствует (II группа — 0,03). Это, очевидно, результат недоучета переписью поденной и сдельной форм найма, которые преобладали в низших типах крестьянских хозяйств. Кроме того, рассматриваемую взаимозависимость затушевывало то обстоятельство, что сельские хозяева испытывали главным образом недостаток в мужской рабочей силе²⁰, в то время как в массе семейных работников в связи с войной преобладали женщины.

В противоположность низшим категориям хозяйств во внутренней структуре хозяйства зажиточного крестьянина наблюдается наличие довольно тесных взаимосвязей между наймом и основными элементами производственно-технической базы: размером и уровнем обеспеченности рабочим скотом (0,31 и 0,37), посевами (0,24 и 0,31). Связь доли найма со вспомогательной животноводческой отраслью выражена слабее (0,22 и 0,24). Имеются также довольно устойчивые прямые взаимозависимости с арендованным посевом в расчете на двор и на душу (0.35 и 0,45). Все это определенно свидетельствует о том, что использование труда наемных рабочих в хозяйстве зажиточных крестьян зерновой специализации носило систематический, предпринимательский характер. Указанная тенденция выражается также тесной обратной соподчиненностью между масштабами найма и количеством собственных работников на голову рабочего скота (-0,54). Эта взаимосвязь - яркое свидетельство производственной обусловленности найма в высшей группе, связанной с нехваткой семейных работников при расширяющемся перепроизводстве.

Вместе с тем в социально-экономическом строе хозяйства зажиточного крестьянина обнаруживаются моменты, указывающие на то, что в использовании труда наемных рабочих были черты найма из нужды²¹. Свидетельствуют об этом факты обратной взаимозависимости между долей наемных работников и размерами семейных рабочих ресурсов (–0,42). Правда, правильнее будет уловить эту закономерность при одномасштабном выражении показателей своего и наемного труда, что даст более точное ее значение. И действительно, сохраняя обратный характер, взаимосвязь между числом наемных рабочих и семейных рабочих в душевом и подворном плане проявляется менее ярко (–0,25 и –0,21).

Итак, расширение масштабов использования наемного труда в хозяйстве зажиточного крестьянина вызывалось не только потребностями

возраставшего уровня производства, но и, в какой-то мере, нехваткой семейных работников. Какая из данных тенденций в развитии найма здесь преобладала? Разрешить настоящий вопрос можно еще на стадии корреляционного анализа. Для этого необходимо более тщательно рассмотреть взаимосвязь доли наемного труда с капиталовооруженностью труда (тягловый скот в расчете на семейного работника).

Как следует из табл. 10, избранная взаимозависимость имеет прямой характер. Она растет по мере повышения зажиточности, принимая по группам следующие значения: 0,17; 0,26; 0,63; 0,78. Эта взаимная связь указывает на то, что масштабы применения наемного труда в крестьянском хозяйстве росли по мере того, как в нем в силу тех или иных причин появлялась излишняя капиталовооруженность. Появляться же она могла двумя противоположными путями: либо в связи с недостатком семейных рабочих ресурсов, либо как результат добавочного вложения части прибыли на повышение материально-технической оснащенности хозяйства. Нетрудно заметить в отмеченных путях возникновения избыточной капиталовооруженности отражение природы вынужденной и предпринимательской форм найма. Это, несомненно, результат того, что показатель капиталооснащенности труда выражает собой такую коренную сторону товарно-капиталистического производства, как органическое строение капитала. Рассматриваемая же взаимосвязь доли найма и капиталовооруженности труда показывает степень сформированности такого важного аспекта товарно-капиталистического производства, который был сформулирован К. Марксом как «закон более быстрого увеличения постоянной части капитала по сравнению с переменной» или повышения общественной производительной силы труда²². Вполне очевидно, что данная сторона товарно-капиталистического производства, как завершенная, формируется при победе или преобладании в крестьянском хозяйстве предпринимательской тенденции. Учитывая, что в высшей группе анализируемая взаимосвязь была очень тесной (0,78), а также имея в виду, что удельный вес фактора недостатка семейных работников в воздействии на рост капиталовооруженности труда составляет только 28 %23, следует сделать вывод о господстве в зажиточном хозяйстве предпринимательской мотивации найма. Об этом же, как отмечалось, свидетельствует и наличие в его структуре достаточно тесных взаимосвязей показателей найма с посевом, рабочим скотом и арендой.

Во дворах зажиточных середняков (IV группа) наем сочетал в себе довольно яркие черты потребительства (взаимозависимость с семейными рабочими на хозяйство и на душу обратная и значимая: -0,37 и

—0,23) и отчетливо выраженные элементы торговой системы хозяйства, которые проявлялись, однако, лишь при достаточно высокой душевой обеспеченности двора материально-техническими ресурсами²⁴. Высокая душевая обеспеченность средствами производства достигалась только в малосемейных дворах состоятельных середняков, то есть в условиях случайного снижения уровня объема личного потребления²⁵. Это яркое свидетельство неустойчивости элементов предпринимательства в верхней части середняцкой группы.

В системе взаимосвязей доли найма с производственнотехническими компонентами во дворах IV группы привлекает внимание взаимозависимость масштабов наемного труда и продуктивного скота на душу (0,30). Скорее всего это говорит о том, что элементы коммерческой деятельности и найма здесь в большей мере были связаны с животноводческой отраслью²⁶. Отмеченный факт — вероятно, результат специализации определенной части середняков IV группы на молочном торговом хозяйстве.

Окончательное суждение о социально-экономической природе найма в различных по состоятельности типах крестьянского хозяйства можно составить лишь после регрессионно-факторной оценки данных переписи. Обратимся к ее результатам, помещенным в табл. 11.

Таблица 11 Сравнительная роль различных факторов в воздействии на масштабы наемного труда в крестьянском хозяйстве зерновой специализации, %

	Группы хозяйств с посевом (дес.)						
Факторные признаки	II III IV V						
Рабочего скота на работника	3	7	40	61			
Посева на хозяйство	0	0	8	0			
Арендованного посева на душу	0	0	0	2			
Семейных работников на душу	1	0	0	2			
Суммарная роль учтенных фак-	4	7	48	65			
торов							
Роль неучтенных факторов	96	93	52	35			

Вынужденный, случайный характер найма во II и III группах очевиден: доля вариации результирующего признака (доли наемных работников), объясненной производственно-техническими причинами, не превышает в них 10 %. Это же говорит о том, что труд рабочих со стороны оплачивался из внехозяйственных доходов от промыслов или продажи своей рабочей силы.

Более сложный случай представлен в факторной модели по переходной группе – IV. Доля объясненной вариации составляет здесь 48 %.

Это говорит о том, что применение труда нанятых рабочих начинает в ней приобретать систематический характер. Об этом же свидетельствует решающая роль в воздействии на долю найма фактора капиталовооруженности (40 %). Вместе с тем необходимо иметь в виду, что излишняя капиталооснащенность в хозяйстве зажиточного середняка возникала преимущественно (более чем на 50 %) как следствие недостатка семейных рабочих рук²⁷. Так что в рассматриваемом факторном признаке были очень сильны непроизводственные моменты.

Отмеченные факты, таким образом, свидетельствуют о том, что в хозяйстве зажиточного середняка использование наемных рабочих рук было вынужденной мерой. Покупка рабочей силы на стороне чаще всего имела целью производство необходимого продукта. Вместе с тем верхушка зажиточных середняков использовала труд наемных работников в предпринимательских целях.

Несколько иная картина складывается, если обратиться к другим регрессионно-факторным моделям (табл. 12). Это две модели по высшей группе, показывающие сравнительную роль различных факторных признаков в воздействии на размеры найма (количество годовых, сроковых и месячных работников на двор).

Таблица 12 Сравнительная роль различных факторов в воздействии на размеры найма в хозяйствах зажиточных крестьян зерновой специализации, %

				-P			,, , ,	
Ф				Фа	акторные	признаки		
I модель	Тяглового		Семейных		Доля	коров в	Суммарная	Роль неуч-
401	скота на х	-0	рабочих	на	стаде	продук-	роль учтен-	тенных
Ē	зяйство		душу		тивног	о скота	ных факторов	факторов
	21,0		19,1		3,9		44	56
. 0	Тяглового	Ce	мейных	Дол	Я	Населе-	Суммарная	Роль
модель	скота на	pa	бочих на	кор	ов в	ние	роль учтен-	неучтен-
10д	хозяйство	xo	зяйство	стад	це	двора	ных факторов	ных фак-
N I				про	дук-			торов
				ТИВ	ного			
				ско	та			
	18	12	,3	11,6	5	3,1	46	54

Как видно из указанной таблицы, в воздействии на размеры найма роль производственно-экономических факторов («тяглового скота на хозяйство», «доля коров в стаде продуктивного скота») была более высокой, чем роль потребительских факторных признаков («семейных рабочих на двор» и «население двора»). В первом случае она составляла 24,9 % против 19,1 %; во втором – 30,6 % против 15,4 %.

Эти модели, однако, оказались неполными, поскольку в них неучтенные переписью факторы превысили 50 %. Следовательно, первая факторная модель доли наемного труда оказалась более эффективной. Она «охватила» и воздействие незафиксированных обследованием интенсивных производственных факторов: хозяйственных строений и усовершенствованного инвентаря. Их воздействие отразил фактор капиталовооруженности труда («голов рабочего скота на семейного работника»).

В более интенсивной животноводческой специализации, в связи с включением в выборку довольно большой группы дворов зерновой специализации и вытекавшей из этого неоднородности группы, а также в силу того, что перепись не фиксировала стоимостной формы хозяйственных элементов, уловить природу социально-экономических процессов было значительно сложнее. Выявленные при изучении найма в зерновых хозяйствах закономерности оказались здесь менее выраженными (табл. 13). И все же корреляционный анализ зарегистрировал их в плане показателей, рассчитанных на семейного работника и на голову скота.

Таблица 13 Взаимосвязи доли наемного труда с основными элементами крестьянского хозяйства животноводческой специализации (коэффициент 0,...)

	Групп	іы хозяйств	в с числом в	соров	_				
Показатели	II	III	IV	V	В целом				
	1–2	3–4	5–6	7 и св.					
На хозяйство:									
населения	4	-3	-1	-19	8				
семейных рабочих	-1	-15	-25	-44	-12				
рабочего скота	3	29	12	13	33				
продуктивного скота (гол.)	20	3	39	12	29				
посева (дес.)	26	5	10	-7	21				
доля арендованного посева	8	-3	-5	2	-1				
На душу:									
семейных рабочих	-4	-12	-14	-46	-15				
рабочего скота	0	36	33	25	35				
продуктивного скота	4	0	29	10	23				
посева	22	24	29	4	20				
На семейного работника:									
рабочего скота	6	47	50	74	56				
продуктивного скота	19	23	42	66	52				
посева	23	22	44	42	42				
Семейных рабочих:									
на гол. рабочего скота	-4	-21	-23	65	-23				
на гол. продуктивного скота	-9	-14	-34	55	-11				
на дес. посева	8	9	-18	-53	-11				
Уровень значимости	14	17	21	22	14				

Так, в хозяйстве зажиточного крестьянина молочной специализации имеет место довольно тесная обратная соразмерность между долей наемных рабочих и долей затрат живого семейного труда в производственных издержках (–0,65 при расчете издержек на голову тяглового скота и –0,55 при расчете на голову продуктивного скота). Наблюдается также очень тесная прямая взаимообусловленность между масштабами найма и капиталовооруженностью, представленной количеством голов тяглового скота на работника: коэффициент корреляции 0,74. Это свидетельствует о победе предпринимательской тенденции в применении наемного труда в крупном крестьянском хозяйстве животноводческого типа. В найме, имевшем место в остальных категориях крестьянского хозяйства, включая дворы зажиточных середняков, преобладали потребительские мотивы, поскольку рассматриваемая взаимосвязь в них была по уровню значительно ниже 0,7 (0,06; 0,47; 0,50).

В обобщенном и уточненном виде все это сведено в таблицу итогов регрессионно-факторного анализа (табл. 14).

Таблица 14 Сравнительная роль различных факторов в воздействии на долю наемного труда в крестьянских хозяйствах животноводческой специализации

F								
	Γ	руппы дворов	с числом кор	ОВ				
Факторные признаки	II	III	IV	V				
	1–2	3–4	5–6	7 и св.				
		Удельный вес	факторов, %					
Тяглового скота на семейного								
работника	0	22,0	25,0	55,5				
Коров на хозяйство	2,0	2,0	0	0				
Арендованного посева на душу	7,5	0	0	0				
Доля посева в пашне	0	0	5,0	1,5				
Семейных работников на душу	0	0	0	1,5				
Население двора	0	0	0	1,5				
Суммарная роль учтенных	9,5	24,0	30,0	60,0				
факторов								
Роль неучтенных факторов	90,5	76,0	70,0	40,0				

Из материалов таблицы складывается картина, однотипная с той, что наблюдалась в хозяйствах зерновой специализации (см. табл. 8). Действительно во II—IV группах наем был случайным по отношению к процессу производства и вызывался недостатком семейных рабочих рук. Крестьянин-предприниматель покупал рабочую силу на стороне систематически, что обусловливалось потребностями производства в расширяющемся масштабе. При этом среди причин найма преобладали причины производственного характера²⁸.

Выяснив предпринимательскую направленность использования наемного труда в хозяйствах зажиточных крестьян и его перерастание в системообразующий элемент хозяйствования, следует определить, стал ли найм преобладающей формой труда²⁹. Ибо только это позволит решить вопрос о том, произошло или нет превращение западносибирского крестьянина-предпринимателя в сельскохозяйственного капиталиста.

С этой целью вновь обратимся к данным табл. 7 и 10. Из них следует, что в крупнокрестьянском хозяйстве взаимозависимости между наймом и основными производственными компонентами (тягловый скот, посевы, молочный скот) в расчете на двор и на душу были значительно ниже 0,7 (на уровне 0,3–0,5). Это прямо свидетельствует о преобладающей роли труда собственных рабочих.

Есть и другие свидетельства этого. Они опираются на следующее. Для основанного на семейном труде крестьянского хозяйства характерно наличие прямой взаимосвязи между производственными показателями и числом своих работников. В зажиточном крестьянском хозяйстве к этому добавляется прямая взаимозависимость элементов производства и наемного труда. Естественно, что в момент, когда количество наемных работников станет превышать число семейных, прямая взаимозависимость размеров производства и найма сохранится, а взаимообусловленность между производством и числом семейных рабочих изменится: она станет обратной или нулевой. Таким образом, для внутреннего строя капиталистического хозяйства характерно наличие прямой взаимосвязи между производством и наймом и обратной (либо незначимой) — между производством и семейными работниками. Крупнокрестьянскому предприятию присуща прямая связь производства как с наемным, так и с семейным трудом.

Как уже было выяснено, внутреннему строю зажиточного крестьянского хозяйства были свойственны прямые связи производственных компонентов с обеими категориями рабочих ресурсов. Следовательно, здесь главную роль играл труд своих работников.

В подтверждение этого очень важного вывода можно привести чисто иллюстративные бюджетные данные по 4 зажиточным крестьянским предприятиям Томской губернии за 1912/13 сельскохозяйственный год (табл. 15).

Выбранные бюджетные хозяйства, как следует из их сопоставления со средними зажиточными дворами зернового и животноводческого типа, представляли собой верхние слои сельских предпринимателей западно-сибирской деревни. Тем не менее в большинстве из них семей-

ный труд явно преобладал над наемным. Выделяется лишь степное бюджетное хозяйство, где труд рабочих со стороны использовался в большей мере. Однако и здесь, если исключить не относившиеся к сфере сельскохозяйственного производства работы по дому, баланс будет в пользу семейного труда: 626 против 475. Вполне правомерно экстраполировать полученные результаты на среднее зажиточное хозяйство региона в целом.

Таблица 15 Соотношение семейного и наемного труда в зажиточных крестьянских хозяйствах Западной Сибири по данным бюджетного обследования 1912/13 г. ^{30}

	Среднее зажито	Бюджетное хозяйство				
	лесос	сте-	лесостепи		тайги	
Показатели			ПИ			
	Зерновая	Молочная	№1	№2	№3	№4
	специализация	специализация				
Тягловый скот	6,5	6,3	15	12	9	15
Посев (дес.)	24,0	10,2	26	21	36	15
Коровы	3,6	9,7	15	18	10	10
Затрачено чело-						
веко-дней:						
семейных		_	749	748	618	1040
рабочих						
наемных	_	_	764	680	475	269
рабочих						

Вообще что касается процесса перерастания крупнокрестьянского хозяйства в собственно капиталистическое предприятие, то он несколько тормозился механизмом действовавшей в условиях господства товарно-капиталистических отношений закономерности. Она проявлялась в том, что предприниматель, стремясь удешевить производство продукта и тем самым повысить свою конкурентоспособность, предпочитал экономить на переменной части затрат капитала и вкладывал свободные деньги в первую очередь в приобретение средств производства³¹.

Еще более остро проявлялась эта закономерность в условиях мелкотоварного крестьянского хозяйства, функционировавшего на основе весьма ограниченного в размерах капитала. Поэтому для предприятия крестьянского типа самым доступным способом экономии на затратах переменной части капитала было более широкое и интенсивное применение менее дорогого (в смысле денежных издержек) семейного труда. Очень яркое выражение эта тенденция получила в зажиточном крестьянском хозяйстве Западной Сибири: 14,3–14,7 % дворов высшей группы как зерновой, так и молочной специализации сосредоточивали в себе 20,2–22,1 % всех семейных рабочих.

Наряду с преимуществами семейной кооперации в этом случае, несомненно, действовал и фактор крестьянской ментальности, требовавшей накопления собственности своим трудом. Это резко ограничивало сферу применения наемного труда и повышало конкурентоспособность и жизнестойкость крестьянской формы сельскохозяйственного предприятия.

Таким образом, корреляционно-факторный анализ показал, что в использовании наемной рабочей силы в различных по состоятельности типах крестьянского хозяйства кабинетской деревни начала XX в. имели место существенные отличия. Они заключались в неоднозначном соотношении потребительских и предпринимательских мотивов найма. Предпринимательская тенденция, будучи очень слабой в бедняцких хозяйствах, постепенно нарастала от низших групп к группам более состоятельным, приобретая относительную широту и устойчивость уже во дворах зажиточных середняков. И все же в бедном и среднем хозяйстве, включая его зажиточные элементы, применение наемного труда было вынужденным и систему ведения хозяйства не образовывало. Работники со стороны нанимались в связи с нехваткой собственных рабочих для производства необходимого продукта, шедшего как в торговый, так и внутрихозяйственный оборот. Это была потребительская форма найма. Предпринимательская тенденция в найме победила лишь во дворах высшего слоя западно-сибирского крестьянства. Потребность в наемном труде была здесь результатом недостатка семейной рабочей силы, который возникал в связи с товарным производством, осуществлявшимся во все более расширяющихся масштабах с целью получения прибыли. Поэтому наемный труд в крупном крестьянском хозяйстве использовался все более широко, постепенно становясь основой всей системы хозяйствования и придавая ей собственно капиталистические черты. Вместе с тем использование найма не получило здесь преобладающего значения. Это - прямое свидетельство мелкого типа предпринимательства в найме.

Товарно-денежная система хозяйствования в кабинетской деревне конца XIX – начала XX в.

Анализ аренды и найма показал только отдельные стороны внутренней структуры кабинетского крестьянского хозяйства. Поэтому рыночная экономическая система не проявилась во всей своей масштабности и глубине. Необходимо целостное исследование внутреннего социально-экономического строя крестьянского хозяйства Алтайского округа.

Обратимся к результатам корреляционной обработки подворных данных переписи. Наибольший интерес из них представляют те, которые позволят определить, потребительские или рыночные факторы преобладали в воздействии на функционирование и развитие крестьянского хозяйства.

Прежде всего, рассмотрим потребительские аспекты структуры, представленные взаимосвязями размеров семьи и основных хозяйственных показателей (табл. 16). Как следует из данных таблицы, указанные взаимосвязи либо слабы, либо незначимы. Действительно, в зерновой выборке связь размеров семьи и посева в IV и V группах отсутствует, а во II и III группах она очень слабая (0,21 и 0,24). Аналогичное положение и в хозяйствах скотоводческой специализации: в двух высших группах связь между населением и размером стада продуктивного скота незначима, в то время как в низших она значима, но слаба. Отмеченные черты, таким образом, указывают на то, что во внутреннем строе крестьянского хозяйства края начала XX в. размеры семьи не определяли размеров производства. Потребительский фактор на крестьянское хозяйство решающим образом не воздействовал. Его роль не превышала 25 %.

Таблица 16 Взаимосвязь размеров семьи с производственными показателями в хозяйствах различных социальных групп (коэффициент корреляции 0, ...)

Показатели	Зерновые хозяйства с посевом (дес.)				Молочные хозяйства с числом коров			
	II	III	IV	V	II	III	IV	V
	0,1-5	0,1-5 5,1- 10,1- Св.				3-4	5–6	7 и
		10	15	15				CB.
На хозяйство:								
наемных рабочих	0,7	0,1	-16	0,4	0,9	0,6	0,1	0,3
рабочего скота	13	15	-0,8	0,9	36	36	27	53
продуктивного скота	-0,9	0,8	18	14	28	20	0,4	0,9
всего посева	21	24	0	12	30	37	42	44
арендованной пашни	18	-0,5	-28	-28	0,5	25	17	-14

Далее с целью определения роли рыночной системы необходимо перейти к анализу состояния структуры производственно-технической базы в хозяйствах различных социальных категорий западно-сибирского крестьянства (табл. 17).

Предварительно важно учесть, что исследованию подлежат «чистые» специализированные (зерновой и животноводческий) типы хозяй-

ства. Это требует акцентировать внимание на взаимосвязях общих и типообразующих элементов производственно-технической базы. Таковыми для земледельческой специализации являются рабочий скот и посев, а для скотоводческой — рабочие лошади и продуктивный скот. Именно на эти пары признаков и следует опираться при корреляционном анализе.

В хозяйствах зернового типа во всех социальных группах наблюдается очень высокий уровень сопряженности рабочего скота и посева практически на всех уровнях, кроме подворного.

В III-IV группах согласованность выражена коэффициентом корреляции, превышающим 0,7, а во второй группе она близка этой величине. В IV-V группах животноводческой специализации взаимосвязь рабочих лошадей и продуктивного скота также превышает 0,7 во всех аспектах, включая подворный. В I-III группах отмеченная закономерность в плане подушевых показателей не проявляется. Связано это с тем, что одномерная группировка по коровам оказалась менее однородной, чем зерновая. В результате в животноводческую выборку попало много дворов чисто зерновой специализации, оказавшихся именно в рассматриваемых группах. Усиление неоднородности, естественно, снизило уровень корреляции. Тем не менее корреляционный метод уловил искомую закономерность на самом глубинном производственно-техническом уровне. Действительно, коэффициент корреляции между рабочим и продуктивным скотом в расчете на 1 дес. посева в I-III группах превышает 0,8. Достаточно четко данная черта фиксируется и в организационнопроизводственном аспекте (в расчете на работника).

Таким образом, для всех социальных групп крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. была характерна весьма высокая степень сбалансированности основных производственно-технических компонентов. Взаимосвязи между основными элементами производственной базы крестьянского хозяйства региона в среднем были близки к уровню 0,7. Особенно тесными были взаимосвязи между признаками, которые образовывали тип рыночной специализации крестьянского предприятия. Их величины колебались в пределах 0,7–0,8. Это означает, что в основе функционирования и развития производственной базы хозяйства крестьянского типа лежало воздействие единого фактора — рыночных, товарно-капиталистических отношений. Следовательно, в начале XX в. производственно-технический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири во всех своих социальных группах и в целом был подчинен воздействию объективных закономерностей товарно-капиталистического производства.

Таблица 17 Сбалансированность компонентов производственно-технической базы в различных социальных группах (коэффициент корреляции 0, ...)

	Коррели-	Специализация								
	руемые		3eı	эновая		Животноводческая				
	признаки	Пары коррелируемых признаков								
Группа	в расчете:	Ло-	Ло-	Про-	Cp.	Лоша-	Ло-	Про-	Cp.	
pyI		ша-	ша-	дук.	коэф.	ди —	ша-	дук.	коэф.	
		ди –	ди —	скот –	корр.	прод.	ди —	скот –	корр.	
		прод.	по-	посев		скот	посев	посев		
		скот	сев							
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
	1) на двор	58	69	60	62	48	62	53	54	
	2) на ду-	70	85	71	75	72	54	60	62	
	шу	0.0	0.1	0.4	0.5	=0	4.5			
	3) на се-	80	91	84	85	78	47	53	59	
>	мейного									
	работника 4) на дес.		73		73	83			83	
	посева,		13		13	0.5			0.5	
	-									
		42	33	40	26	23	69	39	44	
	/								49	
	/									
	3) на	69	90	61	73	76	56	34	55	
>	семейного									
	работника									
	4) на дес.		83		83	93			93	
	посева,									
	-									
		50			2.6	2.1		20	4.1	
									41	
		77	/3	65	72	22	28	10	20	
	-	02	75	61	7.4	10	50	20	48	
		82	/3	04	/4	48	39	38	48	
$\equiv$										
	1	81		81	81	87			87	
		01		01	01	0,			0,	
VI	семейного работника 4) на дес.	42 69 69 53 77 82		40 50 61 31 65 64			69 54 56 64 28 59	39 21 34 39 10 38	4 5 9 4 2	

Продолжение табл. 17

						P			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	 на двор 	29	49	23	34	49	58	57	55
	2) на ду-	58	66	51	58	37	55	18	37
	шу								
	3) на се-	60	67	54	60	66	65	58	63
$\Box$	мейного								
	работника								
	4) на дес.		59		59	83			83
	посева,								
	гол. прод.								
	скота								
	 на двор 	_	_	_	_	66	82	71	73
	2) на ду-	_	_	_	_	38	44	60	47
	шу								
	3) на се-	_	_	_	_	51	81	55	62
	мейного								
_	работника								
	4) на дес.	_			_	83			83
	посева,								
	гол. прод.								
	скота								
	1) на двор	77	82	68	76	63	74	65	67
	2) на ду-	74	68	48	63	50	48	59	52
	шу								
×	3) на се-	84	82	71	79	59	69	63	64
целом	мейного								
це	работника								
В	4) на дес.		73		73	67			67
	посева,								
	гол. прод.								
	скота								

Проведенное выше исследование заключает в себе ряд слабостей. Главная среди них — относительно низкая сбалансированность некоторых технических показателей в малопосевной группе и в хозяйствах середняков и бедняков животноводческой выборки. Поэтому можно прибегнуть к более сильной в данном аспекте методике, предложенной И.Д. Ковальченко.

Ее суть в следующем. В условиях господства капиталистического рынка регулятором рыночных цен являются цены производства, которые складываются из издержек производства и средней прибыли. Чтобы получить среднюю прибыль и тем самым сохранить конкурентоспособность, крестьянину, ведущему самостоятельное хозяйство, необходимо поддерживать издержки производства на уровне не выше общественно необходимых затрат. Это требует, чтобы его хозяйство было в должной

степени обеспечено производственными фондами. Фондовооруженность, отражающая уровень общественно необходимых затрат капитала, во всех социальных подразделениях крестьянского хозяйства должна быть примерно одинаковой. Равная фондовооруженность и обеспечивает получение одинаковой (средней) прибыли. Следовательно, определив в различных типах хозяйства западно-сибирского крестьянства наличие примерно одинаковой оснащенности производственными фондами, а значит, и возможность получения средней прибыли, можно доказать их подчиненность закономерностям товарно-капиталистического производства³².

Эта задача была решена И.Д. Ковальченко на основе бюджетных данных и статистико-описательной методики. На базе неполных сведений сельскохозяйственной переписи 1916 г. и обычной статистической методики настоящая задача неразрешима. Впрочем, она не разрешима вообще на сибирских материалах, поскольку по крестьянскому хозяйству края начала XX в. имеется всего лишь 21 бюджет³³. Поэтому предпринимаемая в настоящей работе попытка решить ее с помощью корреляционной методики – пока единственно возможный вариант.

Будучи неполной, перепись 1916 г. дает очень приблизительные представления о фондовооруженности крестьянского хозяйства. В данном случае фондовооруженность выражена производственными показателями (рабочие лошади, продуктивный скот, посев), рассчитанными на 1 дес. посева и на 1 голову рабочего продуктивного скота. То есть налицо только существенный фрагмент фондооснащенности. Он различен в различных социальных типах хозяйства и даже в отдельных хозяйствах. Но его изменения, поскольку почти все дворы находились в одинаковых рыночных условиях, должны были происходить по единому закону и быть едиными с изменениями фондовооруженности в целом. В общем, с точки зрения динамики изменений и отношений наш фрагмент вполне представлял полную фондовооруженность. Поэтому в данном вопросе можно воспользоваться построенной на относительных величинах корреляционной методикой.

Обратимся к результатам корреляционного анализа данных. Они, к сожалению, оказались очень обширными и громоздкими даже в табличном исполнении, поэтому привести их в полном виде оказалось невозможным. Суть же их в том, что во всех социальных группах показатели фондовооруженности не имели взаимосвязей с другими внутренними сторонами хозяйственной жизни. Коэффициенты корреляции между ними практически незначимы. Следовательно, во всех типах крестьянских хозяйств, включая малосостоятельные, и по крестьянскому хозяй-

ству в целом оснащенность производственными фондами (или издержками производства) практически не зависела ни от уровня производства в душевых показателях, ни от обеспеченности рабочими ресурсами. Не зависела она и от показателей, характеризующих достигнутый в хозяйстве уровень капиталовооруженности и производительности труда (пошади, продуктивный скот и посев в расчете на 1 семейного работника), а также от показателей расширенного типа воспроизводства доли наемного труда и доли арендованного посева.

Полученные корреляционные результаты, таким образом, указывают на то, что во всех категориях крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. оснащенность производственными фондами внутрихозяйственными факторами не определялась. Ее уровень обусловливался каким-то единым для всех хозяйств внешним фактором. Несомненно, что в условиях господства в экономике пореформенной России, и Сибирского региона в частности, рыночных отношений, этим фактором был уровень общественно необходимых затрат. Следовательно, все типы крестьянских хозяйств южной части Западной Сибири имели примерно одинаковую фондовооруженность (или издержки производства в расчете на производственную единицу) и на одинаковые производственные издержки получали одинаковую среднюю прибыль.

Об одинаковой оснащенности производственными фондами свидетельствуют и наиболее важные прямые данные переписи. Так, в хозяйствах молочной направленности доля коров в стаде продуктивного скота во всех группах была примерно одинаковой: 69–72%. В хозяйствах зерновой рыночной специализации разброс среднегрупповых величин по всему показателю гораздо выше: 55–69%. В то же время была одинаковой доля в посеве товарных культур яровой пшеницы и овса. Колебалась она здесь в пределах от 95 до 97%. Для молочной специализации разброс составил 55–87%.

Как видим, специальный анализ производственно-технического строя на предмет соответствия производственных издержек уровню общественно необходимых затрат также подтверждает вывод о том, что во всех социальных группах западно-сибирского крестьянства внутренний, производственно-технический строй хозяйства был подчинен товарно-капиталистическим закономерностям, при господстве которых регулятором рыночных цен выступали цены производства. Все типы крестьянских хозяйств функционировали, ориентируясь на общие рыночные требования.

Рынок воздействовал на крестьянское хозяйство края и опосредованно, через экономическую конъюнктуру. Поэтому чрезвычайно инте-

ресно проследить, реагировали или нет крестьянские предприятия региона на изменения рыночной конъюнктуры.

В период Первой мировой войны она обусловливалась массовыми закупками овса для действующей армии. Так, из урожая 1915 г. в Западной Сибири Особое совещание по продовольствию закупило 10,4 млн пудов овса и лишь 4,7 млн пудов яровой пшеницы³⁴. Всего же в этот год из Сибири (главным образом Западной) было вывезено 29 млн пудов овса³⁵. Закупки овса стали важнейшим фактором, воздействовавшим на крестьянское хозяйство края³⁶.

В результате повышения спроса на овес цены на него стали быстро расти. В период с 1914 по 1916 г. они выросли в Томской губернии примерно в 3 раза, в то время как на новую пшеницу – только в 2 раза³⁷. Крестьянское хозяйство края отреагировало на это расширением посевных площадей под овес. В итоге доля овса в посеве неуклонно повышалась (табл. 18).

Таблица 18 Доля овса в посевных площадях крестьянского хозяйства Западной Сибири, %³⁸

•		
Регионы	1916	1917
Алтайско-Томская часть Западной Сибири	28,0	29,8
Тобольская губерния	36,0	36,9
Акмолинская область	18,4	20,4

Данные корреляционного анализа подворных материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии обнаруживают эту тенденцию в зерновых хозяйствах всех социальных групп (табл. 19). В самом деле, взаимосвязь доли посева овса с обеспеченностью посевом и рабочим скотом на душу во всех типах хозяйств была положительной, в то время как взаимосвязь доли посева яровой пшеницы – отрицательной. Это указывает на то, что с ростом производственно-технической базы хозяйства и расширением посевных площадей крестьяне в 1916 г. в большей степени увеличивали посевы овса, чем яровой пшеницы. В высшей группе отмеченная тенденция проявлялась менее ярко, что, очевидно, являлось следствием более быстрого отклика на конъюнктуру хозяев-предпринимателей. Посевы овса они начали увеличивать еще в 1915 г. И на момент переписи его доля в зажиточной группе составляла 36 % против 19,6 % в малопосевной II группе.

Таблица 19 Взаимосвязи долей овса (в числителе) и яровой пшеницы в знаменателе) в посеве с показателями производства в хозяйствах зерновой специализации (коэффициент 0, ...)

Показатели		Группы						
	П	II III IV V						
Рабочего скота	30/–28	17/–24	30/-30	18/-10	41/–4			
на душу								
Посева на душу	40/-35	20/-20	24/-28	12/-3	53/7			

Самое интересное из полученных наблюдений состоит в том, что и полупролетарское зерновое хозяйство жестко подчинялось в своем функционировании рынку. В животноводческой специализации полупролетарские дворы были связаны с рынком сильнее, чем в земледельческих местностях, поскольку они вели в высокой степени ориентированное на рынок молочное хозяйство. Молоко сдавалось ими на маслодельческие предприятия. Так, по данным выборочного обследования старожильческих и переселенческих хозяйств в Томской губернии, проведенного в 1912–1913 гг., около 45 % расположенных в лесостепной зоне старожильческих дворов с посевом до 3 дес. (они имели по 1–2 коровы) продавали сельскохозяйственные продукты. Более 70 % из них продавали молочные продукты. В связанных с рынком малосостоятельных дворах более трех четвертей денежных доходов поступало от продажи молока³⁹.

Отмеченные факты, как представляется, серьезно подрывают позицию тех исследователей, которые считают хозяйство полупролетария потребительски натуральным.

Итак, корреляционно-факторный анализ показал, что во всех типах крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. потребительские стимулы решающей роли в производстве не играли. В основе функционирования и развития производственно-технической базы крестьянских предприятий всех социальных категорий лежало воздействие рыночного фактора. Рыночный фактор был определяющим в том смысле, что его роль превышала 50% в общей факторной нагрузке. Следовательно, внутренний, производственно-экономический строй западносибирской кабинетской и государственной деревни был подчинен объективным закономерностям товарно-капиталистического производства. Все типы крестьянских хозяйств функционировали, подчиняясь воздействию рыночных цен, регулятором которых были цены производства. Производственные издержки в них поддерживались на уровне средних, общественно необходимых на данный момент затрат, что обеспечива-

лось их примерно одинаковой фондовооруженностью. Это позволяло основной массе крестьянских предприятий получать среднюю прибыль. Следовательно, можно предполагать, что в 10-х гг. ХХ в. в сельском хозяйстве Западной Сибири, по крайней мере в обширной полосе вдоль железнодорожных и речных путей сообщения, сформировалась средняя норма прибыли. Корреляционная методика, правда, не дает средств для расчета ее величины, которая сложилась в среднечерноземной полосе Европейской России. Здесь, по подсчетам И.Д. Ковальченко, ее величина составляла 14–21%⁴⁰.

Отмеченные факты, таким образом, показывают товарный характер применявшихся во всех типах крестьянских хозяйств средств производства. Из этого следует, что внутренний, производственный строй большинства крестьянских хозяйств, включая беднейшие, был по своему объективному содержанию товарно-капиталистическим, или буржуазным. Вместе с тем, если иметь в виду главный, социальный аспект структуры – преобладание во всех слоях сибирской деревни начала собственного. семейного труда, то обший экономический строй крестьянского хозяйства следует признать традиционным. Об этом ярко свидетельствуют связи социальных показателей (размер семьи и количество семейных работников обоего пола) с производственными признаками. Они оказались слабыми: приблизительно на уровне 0,30. Это указывает на то, что характерного для господствующего товарно-капиталистического хозяйства рационального соотношения между размерами производства и числом семейных работников в начале XX в. еще не возникло. Гораздо теснее была взаимосвязь между количеством семейных работников и величиной семьи. Ее уровень - 0,65. Из этого вполне очевидно следует, что в крестьянском хозяйстве Сибири рассматриваемого периода господствовала основанная на семейном труде и патриархальной культуре традиционная система хозяйствования. Об этом ярко свидетельствуют низкая доля найма (не более 20 % даже в зажиточных дворах) и господство полунатуральных форм оплаты труда сельскохозяйственных наемных рабочих.

Таким образом, в процессе взаимного слияния и «диалога» двух хозяйственных культур господствующую, системообразующую роль играла традиционная, натурально-потребительская система хозяйствования. Традиционная культура хозяйствования в процессе втягивания сибирской деревни в товарно-денежные отношения не разрушалась. Она была целостностной и устойчивой, поскольку сохранялась ее главная опора — семейная рабочая сила и крестьянская трудовая (духовная) культура. Товарная же форма хозяйствования не замещала прежнюю

систему. Она лишь естественным путем включалась в традиционную крестьянскую систему хозяйствования, несколько видоизменяя ее. Товарно-денежная система как бы надстраивалась над традиционной культурой, рационализируя только производственно-техническую сторону крестьянского хозяйства. Главная, социокультурная сторона его функционирования и развития от рынка практически не зависела. Крестьянское хозяйство по-прежнему выполняло социально-патриархальные функции воспроизводства семьи (народонаселения), крестьянской культуры и тягла перед государством⁴¹. Работа на рынок имела для него вспомогательное значение. Это обусловливало сохранение и господство в целостной системе крестьянского хозяйства традиционной культуры.

В общем в начале XX в. рынок не смог разрушить социальнотрудовой основы крестьянского хозяйства. Это предопределило устойчивость традиционной деревенской экономики. Товарная форма хозяйственной культуры лишь интегрировалась в старую, патриархальную систему, модифицируя ее в потребительски-товарную форму, слабо влияя на социальную культуру и хозяйственное поведение крестьянства. Поэтому сибирское крестьянство продолжало быть специфически российским, традиционным, небуржуазным классом мелких земледельцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; История Сибири. Л., 1968. Т. 3; *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900−1917 гг.). Новосибирск, 1976; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983 и др.

² См.: Материалы по исследованию типичных переселенческих поселков, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.К. Кузнецова. СПб., 1912. Вып. 1; Переселенцы, приселившиеся к старожилам Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927.

- ³ Ковальченко И.Д. и др. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988; Он же. Аграрный строй России второй половины XIX начала XX в. М., 2004; Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
- ⁴ См.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 303, 316.
  - ⁵ См.: Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. Гл. 6.
  - ⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 239. Оп. 16.
  - ⁷ ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 5, 11, 22, 41, 52.
- ^{8} Обоснование принятых в сибиреведении группировок см.: *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX начало XX в.). Новосибирск, 1967. С. 98–104.

- ⁹ Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 402–411; *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1965. С. 102–118; *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков: (конец XIX − начало XX в.). Новосибирск, 1967. С. 126–137, 228–235; *Слепцов Е.Я.* Аренда земли в старожильческой деревне Западной Сибири накануне 1917 г. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1990. С. 175–185 и др.
- ¹⁰ К хозяйствам, арендующим землю с капиталистической целью, относились дворы с посевом 20 и более дес. См.: *Слепцов Е.Я.* Указ. соч. С. 125 и др.
- ¹¹Яркий пример такого системно-целостного анализа аренды представляет работа: *Моисеенко Т.Л.* Методы изучения крестьянской аренды в России по данным земской статистики конца XX века // История СССР. 1979. № 4. С. 66–82.
  - ¹²См.: *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, Ч. 2. С. 166–167.
- ¹³ См.: Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год по данным переселенческой текущей статистики. СПб., 1914. С. 67; Сельскохозяйственный обзор Акмолинской области за лето и осень 1913 г. Омск, 1914. С. 63; Сельскохозяйственный обзор Томской губернии за 1914 год. С. 91; Сельскохозяйственный обзор Тобольской губернии за 1914—1915 сельскохозяйственный год. Тобольск, 1916. С. 130.
- ¹⁴См.: *Ковальченко И.Д.* О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX начале XX века. По бюджетным данным среднечерноземных губерний // История СССР. 1983. № 5. С. 50–81.
  - ¹⁵ Для доверительной вероятности в 95 %.
  - ¹⁶ В хозяйствах III и IV групп доля объединенной вариации превосходила 50 %.
- ¹⁷ Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 411–415; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. Гл. 5; Он же. Наемный труд, источники его формирования в сибирской деревне в 1914–1917 гг. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 173–210; Соловьева Е.И. Наемный труд в крестьянском хозяйстве Сибири второй половины XIX в. // Крестьянство России периода феодализма и развитие капитализма. Новосибирск, 1978. С. 79–98; Слепцов Е.Я. Использование массовых источников о применении наемного труда для характеристики социальной структуры старожильческого крестьянства Сибири // Классы и партии в Сибири накануне и в период Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977. С. 63–79; Бузанова В.А. Сельскохозяйственные рабочие Западной Сибири в конце XIX начале XX в.: численность и состав // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. XVIII–XX в. Томск, 1994. С. 120–137 и др.
  - ¹⁸ *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 341–342, 372, 622.
- ^{19} По обеим выборкам дворов без семейных рабочих или с 1 рабочим было во II группе 34–39%, в III группе –25–28%.
  - ²⁰ Мужчины составляли не менее двух третей от числа наемных.
- ^{21} Среди зажиточных дворов было хозяйств с 1–2 семейными работниками (что ниже среднего уровня) по зерновой специализации 27%, по животноводческой 42%. Среди нанимающих дворов доля таких хозяйств была выше примерно в 1,2 раза.
  - ²² Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 636–638.
- ^{23} Корреляция между количеством своих работников и числом голов тяглового скота на семейного рабочего (-0.53).
- ²⁴ Самый высокий уровень корреляции доля наемного труда имела с элементами производственно-технической базы в расчете на душу.

²⁵ В 67% нанимающих дворов IV группы размеры семьи были ниже, чем в среднем по группе.

²⁶ В среднем на каждый из нанимающих дворов IV группы приходилось 5.8 головы продуктивного скота против 4,7 по группе в целом.

Коэффициент корреляции между количеством своих работников и капиталовооруженностью (рабочий скот или посев) составлял по IV группе -0,72 и -0,81.

²⁸ Избыточная капиталовооруженность труда в хозяйстве зажиточного крестьянина возникала в основном за счет добавочных вложений капитала. Роль фактора нехватки семейных рабочих рук не превышала 27%.

29 Представительных прямых данных о соотношении и семейного и наемного труда в источниках нет.

³⁰ Таблица составлена на основе следующих данных: Переселенцы, приселившиеся к старожилам и старожилы Алтайско-Томской части Сибири: Материалы статистикоэкономического исследования, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеды. Томск, 1927. C. 463, 477–479 (подсчеты мои. – П.H.). Всего полному бюджетному описанию было подвергнуто 21 старожильческое хозяйство. По Западной Сибири это единственные материалы такого рода.

³¹ *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, Ч. 2. С. 245.

32 См.: Ковальченко И.Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX – начале XX века (По бюлжетным данным среднечерноземных губерний) // История СССР. 1983. № 5. С. 50-81.

³³ См.: Переселенцы, приселившиеся...

34 Управление делами Особого совещания по продовольствию. Совещание уполномоченных 25-31 августа 1916 г. Материалы. Пг., 1916. С. 9-10.

35 Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921. С. 51.

³⁶ По данным статистического отдела Томского переселенческого района на 1916 год в 271 сообщениях, полученных от добровольных корреспондентов отдела, 205 из 353 отмечали, что закупка зерна у них производилась для нужд армии. См.: Обзор Томской губернии за 1916 год в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1921. С. 221.

37 См.: Обзор Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1915. Приложения. С. 103-104, 111-112; Обзор Томской губернии за 1916 год... C. 162-164, 166.

³⁸ Таблица составлена на основе следующих данных: Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи. Пг., 1917. Вып. 3. С. 86-87, 100-101; Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 года в Акмолинской области. Омск. 1917. С. 18; Труды ЦСУ. М., 1921. Т. 5, вып. 1. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. С. 72-73, 84-85 (подсчеты мои. - Π .H.). ³⁹ См.: Переселенцы, приселившиеся ... С. 426–427 (подсчеты мои. – Π .H.).

⁴⁰ Ковальченко И.Д. О буржуазном характере... С. 74–75.

⁴¹ Менталитет и аграрное развитие России в XIX-XX веках. М., 1996.

Заключение

Кабинетское хозяйство в Сибири оказалось уникальным, единственным в своем роде. Ни в одном другом регионе России оно не могло возникнуть. Только на Алтае, крае с богатыми залежами руды, А. Демидов смог обеспечить производство золотистого серебра. Лесные массивы давали возможность обеспечивать заводы топливом. Благородные земли, еще не освоенные под сельскохозяйственное производство, являлись основой для крестьянской колонизации.

Алтай, таким образом, оказался районом, где началось создание крупного производства золотистого серебра. Именно он стал сырьевой базой для развития хозяйственного комплекса под управлением Кабинета с 1747 г.

На Алтае стало возможным возникновение и существование крупного хозяйственного комплекса благодаря трем условиям: наличие серебра, топлива и рабочих рук.

Подобная ситуация была в Забайкалье, поэтому и Нерчинские заводы оказались в составе кабинетского хозяйства в Сибири.

Для крестьян самым трудным был период складывания приписной деревни на Алтае во второй половине XVIII в. В этот период государственный орган в лице Кабинета, ставший управляющим частным хозяйством царствующих императоров на помещичьем праве, занимался поиском наиболее эффективных методов эксплуатации крестьян. По отношению к ним преобладал метод насилия.

Он нашел выражение в процессе формирования приписного крестьянства путем массового насильственного переселения пришлых со всей Сибири в район Колывано-Воскресенских заводов. Оформление территории кабинетского хозяйства также сопровождалось насильственным включением в заводское ведомство государственных крестьян. Переведенные с 60-х гг. XVIII в. на денежный оброк с включением в приписное крестьянство, они подвергались эксплуатации в наиболее архаичной форме выполнения заводской барщины.

С середины XVIII в. возникла повинность крестьян, связанная с их обязанностью обеспечивать заводы и рудники провиантом и фуражом.

После перехода Нерчинских заводов в ведение Кабинета проблема снабжения их провиантом и фуражом не стала менее острой, чем она была до 1787 г., осуществление его методами принуждения крестьян сохранилось. Во второй половине XVIII в. сложилась практика прикрепления крестьян к месту их жительства, насильственного перевода части из них в разряд мастеровых.

Власть позволяла крестьянам развиваться так, как нужно было деревне, исходя из логики ее развития до тех пор, пока это не затрудняло действие заводов. Она пыталась учитывать их интересы настолько, насколько позволяла сложившаяся система обеспечения горно-заводского производства и взаимодействия с крестьянами по этому вопросу. В то же время крестьяне демонстрировали значительный ресурс приспособления, и это позволяло власти не снижать своих требований, перекладывать на крестьян все больше затрат по обеспечению горно-заводского производства.

Но власти приходилось считаться с необходимостью сохранения дееспособного крестьянского хозяйства, с одной стороны, и считаться с активным противодействием крестьян — с другой. Крестьяне были не только объектом эксплуатации, они играли важную роль в хозяйственном освоении горного округа. Правда, происходило это вопреки политике Кабинета и горно-заводского начальства. В течение первой половины XIX в. как раз и шел наиболее интенсивный процесс самовольного заселения крестьянами не освоенных ранее земель в пределах заводского ведомства. Кабинету так и не удалось добиться запрещения самовольных крестьянских переселений на новые места жительства.

В первой половине XIX в. произошла существенная трансформация крестьянского хозяйства под воздействием извне. Прежде всего, произошла переорганизация абсолютного натурально-потребительского хозяйства и образовались новые специализированные типы крестьянских хозяйств, имевших территориальную выраженность. В 20-е гг. XIX в. выделяются два четко оформившихся типа с определенным сочетанием и соотношением основных сельскохозяйственных отраслей: земледельческо-скотоводческий и скотоводческо-земледельческий.

В условиях интеграции приписной деревни и горно-металлургического производства возросло значение неземледельческих занятий. Несмотря на чаще всего подсобный характер, они составляли значительную долю крестьянского хозяйства, а их разнообразие давало возможность обращаться к ним круглогодично. При этом приписные крестьяне по максимуму использовали природные условия и местную рыночную конъюнктуру. Они были ориентированы на безотходное веде-

ние основных отраслей, извлечение из доступных ресурсов максимум возможного.

В первую очередь, неземледельческие занятия позволяли обеспечить крестьянскую семью всем необходимым, а при благоприятных внешних условиях (наличие достаточного спроса на крестьянские изделия, продукты, рабочие руки) получить дополнительный доход.

Горно-металлургический комплекс интегрировал среду приписных крестьян, объединяя их на его обслуживание, а те, в свою очередь, вырабатывали своеобразные приемы разделения этого обязательства между собой по географическому и социальному признаку. Это был всего лишь своеобразный прием рационализации крестьянского хозяйства.

Весь комплекс обстоятельств, в которых жили приписные крестьяне, активизировал торговую деятельность. Основу торговли составляла не продажа излишков продукции специализированной деятельности, а реализация минимума результатов труда от многообразных видов хозяйственной деятельности.

Подвергнутые проверке методами математико-статистического анализа, материалы окладных книг 20–50-х гг. XIX в. не подтверждают гипотезу о перерастании крестьянского хозяйства приписной деревни в капиталистическое. За счет именно крестьянского ресурса все признаки товарно-денежного производства в крестьянском хозяйстве свидетельствуют не о перерастании его в капиталистическое, а о реализации в рамках трудопотребительской логики крестьянской экономики. Ни о каком четко направленном развитии крестьянского хозяйства первой половины XIX в. говорить не приходится. Оно функционировало в рамках периодических перманентных переорганизаций собственно традиционного семейно-трудового потребительского хозяйства в зависимости от изменений экономической конъюнктуры.

Крестьянское хозяйство продемонстрировало свою устойчивость, живучесть в отношении к внешним воздействиям со стороны власти и рынка, главным элементом которого было горно-металлургическое производство.

Полученные результаты математико-статистического анализа окладных книг 20–50-х гг. XIX в. подтверждают целесообразность обращения к альтернативным методологическим подходам в интерпретации источникового материала богатой истории приписной деревни первой половины XIX в.

Великие реформы середины XIX в. освободили российское крестьянство от различных форм крепостнической эксплуатации, консолидировав его в единый класс мелких земледельцев. Культурно и хозяйст-

венно самодостаточное российское крестьянство оказалось в новой системе товарно-денежных отношений. В Сибири она сформировалась в 1890-х гг. Решающую роль в этом сыграли введение оброчной подати и начало землеустройства сибирского крестьянства, обусловленное резким ростом аграрной колонизации края. Огромное значение имело строительство Сибирской железной дороги, включившее сельское хозяйство региона в систему общероссийского рынка.

В новых условиях, которые сделали экономику деревни самостоятельным экономическим субъектом, роль фактора земельной собственности в ее развитии резко упала.

Решающее значение приобрело само хозяйство, его внутренний, социально-экономический строй и адаптационные возможности. Особенно важным хозяйственный фактор был для кабинетской деревни, ранее развивавшейся в весьма стесненных социально-экономических условиях.

Укрепление позиций самодержавия с середины XVIII в. находилось в органической связи с возникновением кабинетского хозяйства в Сибири. Обладание материальными возможностями за счет доходов от кабинетского хозяйства имело огромное значение для укрепления абсолютизма в России. Российские императоры, владевшие этим хозяйством на частнофеодальном праве, имели возможность укреплять свое положение на троне.

Научное издание

ГАЙДАШОВА Вера Андреевна ЖЕРАВИНА Аниса Нурлгаяновна НИКУЛИН Петр Федорович ТОЛСТОВ Сергей Иванович УСОЛЬЦЕВА Ольга Васильевна

ИНТЕГРАЦИЯ ПРИПИСНОЙ ДЕРЕВНИ И ГОРНО-ЗАВОДСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА КАБИНЕТСКИХ ЗЕМЛЯХ В СИБИРИ

Редактор В.Г. Лихачева Компьютерная верстка Г.П. Орлова

Лицензия ИД № 04617 от 24.04.2001 г. Подписано в печать 3.08.2006 г. Формат $60x84^{1}/_{16}$. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Печ. л. 12,5; уч.-изд. л. 11,5; усл. печ. л. 11,7. Тираж 500 экз. Заказ №

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4 ОАО «Издательство Асиновское», г. Асино, ул. Проектная, 24